R 8/191

Я 8/191.

ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ

ИЛИ

БЕСѢДЫ

НА

СВ. ЧЕТЫРЕДЕСЯТНИЦУ.

ХАРЬКОВЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. ЧЕХОВСКАГО.

1863.

ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ.

ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ

ИЛИ

БЕСѢДЫ

НА

СВ. ЧЕТЫРЕДЕСЯТНИЦУ.

РУБЛИЧ. И РУМЯНЦОВ. МУЗЕЙ БИБЛІОТЕКА

СОЧИНЕНІЕ

ИННОКЕНТІЯ

Архіепископа Херсонскаго и Таврическаго.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

ХАРЬКОВЪ.

1863.

От С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. С. Петербургъ. 1862 года, Ноября 12 дня.

Цензоръ Архимандритъ *Фотій*.

Въ типографіи П. Чеховскаго

2007056730

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Слово въ недѣлю Сыропустную — огласительное . . . . 1.
Слово въ Понедѣльникъ 1-й недѣли вел. Поста . . . 6.
Слово во Вторникъ 1-й недѣли вел. Поста . . . . 12.
Слово въ Среду 1-й недѣли вел. Поста . . . . . 19.
Слово въ Четвертокъ 1-й недѣли вел. Поста . . . . 25.
Слово въ Пятокъ 1-й недѣли вел. Поста, предъ освященіемъ колива въ память св. Великомученика Ѳеодора Тирона . 31.
Слово въ тотъ же день — предъ Исповѣдію . . . . 38.
Слово въ Субботу 1-й недѣли всл. Поста, по причащеніи св. Таинъ . . . . . 41.
Слово въ недѣлю Православія . . . . . 45.
Слово въ недѣлю Православія . . . . . 52.
Слово въ ту же недѣлю . . . . . 58.
Слово въ ту же недѣлю , ... 61.
Слово въ Среду 2-й недѣли вел. Поста . . . . . 67.
Слово въ Пятокъ 2-й недѣли вел. Поста . . . . . 73.
Слово въ тотъ же день — предъ Исповѣдію . . . . 81.
Слово въ Субботу 2-й недѣли вел. Поста, по причащеніи св. Таинъ . . . . . 84.
Слово въ недѣлю 2-ю вел. Поста . . . . . 87.
Слово на память четыредесяти мучениковъ . . . . . 93.
Слово въ Среду 3-й недѣли вел. Поста . . . . . 102.
Слово въ Пятокъ 3-й недѣли вел. Поста . . . . . 108.
Слово въ недѣлю Крестопоклонную . . . . . 114.
Слово на память Алексѣя, человѣка Божія . . . . 131.
Слово въ Среду 4-й недѣли вел. Поста . . . . . 137.
Слово въ Пятокъ 4-й недѣли вел. Поста . . . . . 143.
Слово въ недѣлю 4-ю вел. Поста . . . . . 149.
Слово на день Благовѣщенія Пресв. Богородицы . . . 158.

Слово въ день Благовѣщенія Пресв. Богородицы . . . 162.
Слово на тотъ-же Праздникъ . . . . . 166.
Слово въ Среду 5-й недѣли вел. Поста . . . . . 171.
Слово въ Четвертокъ 5-й недѣли вел. Поста . . . . 177.
Слово въ Пятокъ 5-й недѣли вел. Поста . . . . . 182.
Слово въ тотъ-же день, предъ Исповѣдію . . . . . 190.
Слово въ Субботу 5-й недѣли вел. Поста . . . . . 194.
Слово на тотъ-же день . . . . . 200.
Слово въ недѣлю 5-ю вел. Поста . . . . . 205.
Слово въ Среду 6-й недѣли вел. Поста . . . . . 216.
Слово въ Пятокъ 6-й недѣли вел. Поста . . . . . 223.
Слово на тотъ-же день . . . . . 227.
Слово въ Субботу Лазареву . . . . . 232.
Слово въ недѣлю Ваій, на всенощномъ бдѣніи . . . . 337.
Слово въ недѣлю Ваій . . . . . 241.
Слово на тотъ-же день . . . . . 244.
Слово въ великій Понедѣльникъ . . . . . 254.
Слово въ великій Вторникъ . . . . . 261.
Слово въ великую Среду . . . . . 269.
Слово въ великій Четвертокъ, на страсти Христовы . . 274.
Слово въ великій Пятокъ . . . . . 282.
Слово на тотъ-же день . . . . . 288.
Слово на тотъ-же день . . . . . 295.
Слово на тотъ-же день . . . . . 299.
Слово въ великую Субботу, на Утрени . . . . . 305.
Слово въ великую Субботу . . . . . 311.
Слово на тотъ-же день . . . . . 320.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ СЫРОПУСТНУЮ

ОГЛАСИТЕЛЬНОЕ.

И сіе вѣдяще время, яко часъ уже намъ отъ сна возстати. Нынѣ бо ближайшее намъ спасеніе, нежели егда вѣровахомъ. Нощь убо прейде, а день приближися. Отложимъ убо дѣла темная, и облечемся во оружіе свѣта. Рим. XIII, 11—12.

Сими поучительными словами Ап. Павла св. Церковь напутствуетъ насъ нынѣ, братіе мои, на поприще святаго и великаго Поста. Между прочими побужденіями къ покаянію во грѣхахъ нашихъ, она указуетъ и на большую удобность къ тому для насъ въ продолженіе наступающихъ святыхъ дней. Въ самомъ дѣлѣ, хотя спасеніе наше никогда не далеко отъ насъ; но съ наступленіемъ святыя Четыредесятницы дѣло спасенія до того приближается къ каждому, что, можно сказать, невольно и неотступно требуетъ себѣ мѣста въ душѣ и сердцѣ. Подлинно, время великаго Поста во всѣхъ отношеніяхъ должно сравнивать съ прекраснымъ днемъ для вѣры и благочестія: равно какъ седмицу, нынѣ оканчивающуюся, со всѣхъ сторонъ нельзя не уподобить темной, бурной и хладной ночи. Какихъ дѣлъ тьмы не совершается по-

всюду въ продолженіе этой седмицы! Сколько душъ, волею и неволею, низвергается въ пропасть грѣховную! Сколько людей, коимъ всю жизнь надобно бываетъ оплакивать нѣсколько минутъ нынѣшняго безумнаго веселья! Изъ самыхъ осторожныхъ и бдительныхъ надъ собою и своими дѣяніями, не многіе могутъ похвалиться тѣмъ, что въ теченіе прошедшихъ дней, они не потерпѣли ни какого ущерба въ чистотѣ сердечной и спокойствіи своей совѣсти.

Но благодареніе Господу: *нощь убо прейде, а день приближися!* Нынѣшій вечеръ положитъ конецъ соблазнамъ и опасностямъ душевнымъ: заутра мы проснемся уже въ другой стихіи, и какъ бы въ другомъ мірѣ. Съ однимъ появленіемъ св. Поста, все приметъ новый, лучшій видъ, и люди, и вещи, и одушевленное и самое бездушное. Какъ послѣ потопа Ноева, хляби зла заключатся сами собою и явится суша. Есть уже къ чему пристать влаявшимся въ морѣ житейскихъ суетъ и соблазновъ! Есть уже на чемъ утвердиться самымъ разслабленнымъ отъ плотоугодія стопамъ и колѣнамъ! — Ибо Церковь не можетъ уступить міру въ усердіи. Если онъ, злохитрый, употреблялъ всѣ средства сводить насъ съ ума, брать въ плѣнъ страстей безъ сраженія: то св. Церковь еще болѣе найдетъ способовъ образумить насъ и плѣнить паки въ сладкое послушаніе вѣры и любве, яже о Христѣ. Мы нечисты и осквернены похотями грѣховными: у Престола Благодати, въ храмахъ, заструится множество свѣжихъ источниковъ для нашего духовнаго омовенія. Мы покрыты язвами и струпами: у матери нашей Церкви готовы для насъ всѣ пластыри и обязанія цѣлебныя. Мы гладны духомъ: она учредитъ такую трапезу, которая могла бы напитать самыхъ Ангеловъ. При такомъ

обиліи средствъ духовныхъ, самый невнимательный къ своей душѣ принужденъ будетъ сознаться и сказать, что нынѣ, — въ продолженіе св. Поста, — ближайшее къ намъ спасеніе, нежели во всѣ прочіе дни; ибо со дня завтрашняго, самый міръ съ его соблазнами, гонимый видимо и невидимо силою св. Поста и молитвъ церковныхъ, удалится отъ насъ, сокроется, потеряетъ силу ослѣплять и влечь во адъ.

Не будемъ же, возлюбленные, и мы хладны и невнимательны къ своему спасенію; воспользуемся драгоцѣннымъ временемъ Поста для уврачеванія душъ и сердецъ нашихъ отъ яда грѣховнаго; дадимъ матери нашей св. Церкви дѣйствовать надъ нами во спасеніе наше, какъ она знаетъ и можетъ; отвратимъ очи и сердце отъ всего, что питало въ насъ похоть плоти и гордость житейскую; вникнемъ прилежно въ свою жизнь и совѣсть, и поспѣшимъ сойти съ того пути, который явно ведетъ въ пропасть адскую. Ей, братіе мои, сдѣлаемъ все сіе для вѣчнаго блага душъ нашихъ! Ибо, не напрасно Апостолъ Христовъ восклицаетъ, яко часъ уже намъ отъ сна возстати. Время пробудиться всѣмъ намъ отъ нечувствія душевнаго и подумать, гдѣ мы и что съ нами, куда идемъ и что ожидаетъ насъ. Время уже по тому, что нѣтъ почти ни одного грѣха, который не былъ бы содѣянъ нами въ томъ или другомъ видѣ. Какая изъ способностей нашихъ не употреблена во зло, не унижена и не осквернена страстями? Чѣмъ еще будемъ раздражать Господа и Спасителя нашего? На что пустимся и что еще употребимъ для вѣчной погибели нашей? Какому куміру суеты не кланялись мы до земли стократно? Если посмотрѣть на насъ очами и не Пророка, то давно нельзя не сказать, что отъ ногъ до главы нѣтъ въ насъ цѣлости. Самая

чаша грѣха, съ ея мнимою скоропреходящею сладостію и съ ея дѣйствительнымъ смертоноснымъ ядомъ, уже видимо оскудѣла для насъ. Еще ли будемъ наполнять ее снова и отравлять ею все существо свое?

Часъ уже намъ отъ сна возстати! Въ началѣ, когда мы были неопытны, еще сколько нибудь извинительно было гоняться намъ, подобно малымъ дѣтямъ, за призраками суеты земной, и воображать, что на стропотныхъ распутіяхъ грѣха ожидаютъ насъ однѣ утѣхи и радости. Теперь, послѣ столькихъ горькихъ опытовъ, совершенное безуміе было бы позволять врагу нашему обманывать насъ снова. Ибо, что пріобрѣли мы въ удаленіи отъ Бога? Что доставилъ намъ міръ съ его многообразною похотію?—Предположеній, замысловъ, надеждъ, обѣщаній была бездна; а на дѣлѣ оказалось все суета суетъ. У большей части изъ насъ беззаконная жизнь отняла и то, что имѣли они отъ природы и благопріятныхъ обстоятельствъ; нѣкоторые изъ грѣшниковъ, по видимому, еще высятся и цвѣтутъ: но какъ вялъ и безжизненъ этотъ цвѣтъ несчастный, какъ ощутительно вѣетъ отъ него тлѣніемъ и пагубою! Снаружи, вокругъ сихъ, такъ называемыхъ, счастливцевъ міра, почести, богатство, довольство и утѣхи; а внутри,—спросите о томъ ихъ самихъ,—внутри пусто и хладно, мертво и отвратительно: совѣсть обличаетъ, сердце тоскуетъ, душа болитъ, самое тѣло видимо страдаетъ и проситъ пощады отъ яда грѣховнаго. И послѣ сего мы еще будемъ гоняться за нашею тѣнію, еще будемъ ловить вѣтръ, еще строить на воздухѣ, еще пить ядъ потому только, что онъ сладокъ?

Часъ уже намъ отъ сна возстати! Время образумиться и пожалѣть намъ матерь свою, святую Церковь, которая доселѣ болѣла сердцемъ отъ нашего забвенія ея святыхъ

уставовъ и нашей жизни нечистой; время вспомнить и пожалѣть намъ Ангела хранителя нашего, который съ того времени, какъ мы начали помнить себя и дѣйствовать, съ плачемъ доселѣ ходитъ за нами по дебрямъ страстей и беззаконій, не видя нашего исправленія; время устыдиться и пожалѣть намъ самаго Спасителя нашего, Который съ утра до вечера ежедневно простираетъ къ намъ со креста руки и доселѣ не можетъ привлечь насъ къ Своему сердцу; время, время, братіе мои, сжалиться намъ надъ самими собою и обрадовать покаяніемъ нашимъ небо и землю, Ангеловъ и всѣхъ добрыхъ людей, кои скорбѣли и скорбятъ о нашемъ развращеніи, молились и молятся, да не погибнемъ во грѣхахъ нашихъ!

Часъ уже намъ отъ сна возстати! ибо, ужели до конца жизни оставаться намъ въ плѣну страстей, грѣха и діавола? Ужели ждать намъ, чтобы подъ стопами нашими разверзлась наконецъ бездна адская и поглотила насъ на вѣки? Ахъ, братіе мои, она разверзется нѣкогда и, можетъ быть, весьма скоро; если не перестанемъ прогнѣвлять Господа грѣхами нашими: но что будетъ тогда съ нами? Вспомните богача Евангельскаго, вспомните пламень геенскій; поставьте себя мысленно въ положеніе сего несчастнаго и судите, въ какомъ безуміи виновенъ тотъ, кто, имѣя, какъ мы теперь, всю возможность избѣгнуть жребія столь ужаснаго, будетъ продолжать идти прямо къ безднѣ адской? — Часъ убо, часъ всѣмъ намъ отъ сна возстати! Аминь.

СЛОВО

ВЪ ПОНЕДѢЛЬНИКЪ 1-я НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче; утреннюетъ бо духъ мой ко храму святому Твоему!

И такъ, сами по себѣ, собственными силами не можемъ мы достигнуть не только истинной свободы отъ грѣховъ и праведности предъ Богомъ, но даже отверсть себѣ двери покаянія, то есть, перестать жить беззаконно! —Правда ли это, подумаетъ иной, не испытавшій на себѣ дѣйствія и силы истиннаго покаянія? Когда я могъ подвергнуть себя грѣхамъ; то почему же не могу оставить грѣха и начать жить праведно? Свойство свободы моей въ томъ и состоитъ, что я воленъ дѣлать, что хочу. Грѣхъ не отнимаетъ у меня свободы: не отнимаетъ поэтому и возможности—перестать грѣшить. Разсужденіе, довольно благовидное, только показывающее, что размышляющіе такимъ образомъ никогда не принимались за дѣло покаянія, какъ должно. Примись, и тогда узнаешь, что значитъ грѣхъ, что дѣлаетъ онъ съ твоею свободою, и какъ трудно возникнуть отъ рова страстей. Грѣхъ точно не

отнимаетъ у тебя свободы, какъ необходимой въ составѣ души способности, но производитъ съ нею то же, что ржавчина производитъ съ желѣзомъ. Какъ заржавѣлое желѣзо теряетъ крѣпость и силу до того, что чего прежде не могли сломить великія усилія, то будетъ ломаться и рваться отъ малаго напряженія, хотя объемъ и количество желѣза тѣ же: такъ и у грѣшника остается весь призракъ свободы; въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ свободнѣе, повидимому, самаго праведника, который всегда связанъ совѣстію и страхомъ Божіимъ; но внутренней мощи на добро нѣтъ, и при маломъ усиліи къ какому либо благому подвигу, грѣшникъ слабъ, какъ дитя. Отъ чего такъ? Отъ того, что съ свободою нашею, употребимъ другое сравненіе, происходитъ отъ грѣха тоже, что бываетъ съ магнитомъ, когда его употребляютъ неправильно. Магнитъ теряетъ силу привлекать желѣзо и указывать страны свѣта: свобода наша теряетъ силу привлекать волю и желанія къ себѣ и направляться вмѣстѣ съ ними по закону совѣсти. Таково свойство грѣха и вмѣстѣ наказаніе за него, что грѣшникъ послѣ каждаго беззаконія теряетъ часть способности творить правду. Потеря сія, съ продолженіемъ грѣховнаго состоянія, доходитъ наконецъ до того, что бѣдный грѣшникъ дѣлается совершеннымъ рабомъ своихъ страстей и злыхъ навыковъ. Для него невозможно уже, безъ чуждой помощи, не только возстать изъ рова страстей, трудно даже помыслить о возвращеніи на путь правый. Если мы, ходя путемъ беззаконія, не испытали еще сего на самихъ себѣ доселѣ; то это вѣрный знакъ, что мы никогда еще не начинали истиннаго раскаянія во грѣхахъ нашихъ. Можетъ быть оно и было на устахъ нашихъ, производило даже нѣкую временную перемѣну въ нашихъ поступкахъ и отношеніяхъ;

но до самаго источника зла въ насъ явно не досягало, въ самое сердце и душу нашу не входило. Въ противномъ случаѣ и нами ощущено бы было тоже самое, что ощущали на себѣ всѣ истинно каявшіеся: мы увидѣли бы ужасную силу грѣха и страстей, познали бы всю немощь нашей воли и нашего ума, пришли бы къ тому же чувству безнадежности, въ коемъ былъ нѣкто, когда вопіялъ: *изведи изъ темницы душу мою, исповѣдатися имени Твоему!*

Посему-то первая и послѣдняя надежда у людей истинно-кающихся не на самихъ себя, не на свой умъ и свое сердце, а на Благодать Божію. Они смиренно исповѣдуютъ, что аще не Господь самъ созиждетъ домъ души ихъ, то напрасны будутъ всѣ труды и подвиги надъ его исправленіемъ: безъ помощи свыше, при всѣхъ усиліяхъ нашихъ, онъ вѣчно останется въ развалинахъ. А такое чувство собственной немощи непрестанно заставляетъ ихъ обращать очи свои горѣ, взывать молитвенно къ Богу крѣпкому и живому, да ниспошлетъ благодать покаянія и да подастъ силы возненавидѣть грѣхъ, разорвать узы страстей, возлюбить, стяжать и сохранить чистоту и правду, кои для грѣшника содѣлываются чуждыми и противными.

Сіи самыя чувства выражаются въ томъ умилительномъ пѣснопѣніи, которое мы предложили въ началѣ нашего собесѣдованія съ вами, братіе мои. Посилику св. Церковь повторяетъ его каждую седмицу: то углубимся въ него еще нѣсколько нашимъ размышленіемъ.

Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче!

Ты самъ, — какъ бы такъ говоритъ кающійся грѣшникъ, — Ты самъ, Жизнодавецъ, зришь, что я несчастный давно пересталъ уже находить сладость въ ядо-

витой чашѣ грѣха и беззаконія; самъ видишь, какъ искренно хощу я перемѣнить мою нечистую жизнь и многократно уже собиралъ всѣ силы свои, чтобы расторгнуть узы преступныхъ навыковъ моихъ, возникнуть отъ пагубной сѣти, въ которую уловилъ меня врагъ мой: но что выходитъ изъ всѣхъ моихъ усилій? Чѣмъ кончаются всѣ, столь часто повторяемые, обѣты и рѣшимости: оставить грѣхъ и обратиться на стезю заповѣдей Твоихъ? — Увы, не успѣю омыться слезами покаянія, какъ паки упадаю къ блато нечистыхъ помысловъ и студныхъ дѣяній! Лютый врагъ мой, кажется для того только и даетъ мнѣ нѣсколько свободы духовной, дабы отнять ее потомъ и сокрушить все, что ни сдѣлано мною во время покаянія. Прежде могъ еще я, безразсудный, надѣяться на свои силы, воображать, что когда ни захочу, перестану грѣшить: но теперь, послѣ столькихъ несчастныхъ опытовъ, вижу, что я совершенный рабъ грѣха, что страсти мои безконечно сильнѣе меня, что если мнѣ остаться съ однимъ моимъ умомъ и сердцемъ, то врагъ мой будетъ влачить меня изъ дебри въ дебрь, доколѣ не повергнетъ въ пропасть адскую. Оставляю убо надежду на себя самаго и все упованіе мое возлагаю на Тебя, Господь и Спаситель мой, на Тебя, Коего всемогущество безпредѣльно и милость безконечна, на Тебя, Который можешь Духомъ Твоимъ Святымъ пересоздать самое злое сердце мое. Призри на бѣднаго, безпомощнаго, но желающаго спасенія грѣшника, и даруй ему духа покаянія, которое, какъ тѣнь, непрестанно удаляется отъ меня, когда я обращаюсь къ нему: *покаянія отверзи ми двери!* И не только отверзи, но введи меня въ него; введь, удержи въ сей банѣ пакибытія дотолѣ, пока не омоется вся грѣховная нечистота моя, не уврачуются всѣ язвы совѣсти, не из-

гонится изъ души все злое и не останется въ ней единый Божественный образъ Твой.

Такъ молятся истинно кающіеся. Такъ должны молиться и мы, если воистину хощемъ освобожденія отъ грѣховъ нашихъ и отъ навыка къ беззаконію, освобожденія дѣйствительнаго и всегдашняго, а не на словахъ токмо и на время. Будьте увѣрены, братіе мои, что никто не можетъ сдѣлать сего, кромѣ Всемогущаго; ибо тутъ,—при перемѣнѣ нашихъ нравовъ и жизни, должно совершиться чудо, не меньше того, какое было при созданіи насъ изъ ничего. Даже создать насъ, осмѣлимся сказать, было легче, нежели возсоздать: ибо тогда ничто въ насъ не мѣшало всемогуществу Творца; а теперь, при духовномъ возсозданіи нашемъ, Ему надобно побѣждать и искоренять зло, живущее въ нашемъ сердцѣ, измѣнить на лучшее самую свободу нашу, которая, будучи крайне слаба въ грѣшникѣ на добро, тѣмъ сильнѣе на зло и противленіе благодати Божіей.

Но, возвергая печаль и упованіе наше на Господа, не будемъ, братіе мои, и мы праздными зрителями собственной погибели отъ грѣха. Мы не можемъ возродить себя духомъ, также какъ не можемъ паки внити въ утробу матерню: но можемъ и должны пламенно желать сего возрожденія и просить о томъ Господа; можемъ и должны устранять отъ себя все, что препятствуетъ ему въ насъ, и что не даетъ силѣ благодати оказать надъ нами ея дѣйствіе. Это самое внушаетъ намъ пѣснопѣніе, нами разсматриваемое, дальнѣйшими словами своими. Ибо, что говорится далѣе? — *Утренюетъ бо духъ мой ко храму святому Твоему!* Видите, чѣмъ занятъ истинно-кающійся? Онъ не спитъ и не лежитъ праздно, подобно грѣшнику нераскаянному, а утренюетъ, то есть, возстаетъ

съ ложа, когда еще все спитъ, начинаетъ свое дѣло, когда еще нигдѣ не видно движенія. Что же занимаетъ его такъ постоянно? Дѣло его спасенія: *утренюетъ духъ мой ко храму святому Твоему;* то есть, ко всему, что можетъ служить на пользу души, ко умерщвленію въ ней грѣха и страстей. И дѣйствительно, у истинно-кающихся первымъ и послѣднимъ дѣломъ становится попеченіе о душѣ своей. Никто какъ они, такъ часто не посѣщаетъ храма Божія, не слушаетъ съ такимъ вниманіемъ молитвъ церковныхъ, не читаетъ такъ усердно св. Писанія, не спѣшитъ такъ на помощь ближнему.—Какъ міролюбцы ищутъ увеселенія и разсѣянія; такъ кающійся ищетъ слезъ и умиленія душевнаго.

По симъ то признакамъ судите, братіе мои, и о самихъ себѣ. Если ты, вникая въ свое поведеніе, не можешь сказать по совѣсти: *утренюетъ духъ мой ко храму святому Твоему:* то въ тебѣ нѣтъ искренняго желанія раскаяться въ грѣхахъ своихъ. Ибо, что же бы это было за желаніе, которое не обнаруживается ни какими дѣйствіями? Въ такомъ случаѣ напрасно будемъ повторять и первыя слова св. пѣсни: *покаянія отверзи ми двери!* Ибо тотъ же милосердый Спаситель скажетъ: доколѣ Мнѣ отверзать ее для васъ напрасно? Затворите прежде сами двери и врата страстямъ вашимъ и соблазнамъ міра; и тогда грядите ко Мнѣ съ мольбою о духѣ истиннаго покаянія. Аминь.

СЛОВО

ВО ВТОРНИКЪ 1-й НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Не кажется ли кому либо, братіе мои, что св. Церковь, въ продолженіе настоящихъ дней, слишкомъ часто и многократно оглашаетъ слухъ нашъ симъ воззваніемъ умилительнымъ?—Если бы кому пришла подобная мысль, тотъ пусть приметъ трудъ вмѣстѣ съ нами обозрѣть, хотя мало, всю человѣческую жизнь нашу отъ ея начала до конца. Можетъ быть, что кажется теперь слишкомъ многократнымъ въ храмѣ, то самое не будетъ послѣ того казаться излишнимъ и дома, и не только во время поста и покаянія, но и въ другіе дни, среди самыхъ празднествъ, будетъ само собою приходить на мысль и по временамъ исторгаться изъ самыхъ устъ.

Для сего взойдемъ, во первыхъ, къ самому началу бытія нашего на землѣ. Что тамъ?—мракъ и нечистота, похоть и страсти. *Въ беззаконіи зачатъ есмь и во грѣсѣхъ роди мя мати моя,* вопіетъ за всѣхъ насъ св. Давидъ. Зачатый въ беззаконіи, я и самъ потому беззаконенъ; рожденный во грѣхѣ, я и самъ потому грѣшникъ. И не сіе ли самое означали болѣзни моего рожденія? За что страдали и раждающая и раждаемое, если не было

вины и нечистоты? Не это ли самое выражалъ и вопль мой при появленіи на свѣтъ? Что вопіяло тогда во мнѣ? Не разумъ, не памятъ, не воображеніе — вопіяла вся природа моя. Чѣмъ смущалась она и отъ чего страдала? Отъ внутренняго прирожденнаго разстройства, нечистоты и виновности. — Первый вопль мой обращенъ былъ не къ землѣ, а къ небу,—къ Тебѣ, Жизнодавецъ, Который образовалъ меня въ утробѣ матерней, и Который единъ могъ возсоздать меня и внѣ утробы матерней.

Представляя все сіе теперь въ моемъ умѣ, вникая мыслію въ образъ моего явленія на свѣтъ, я и теперь поникаю лицемъ долу, стыждусь нечистоты моего происхожденія, боюсь наслѣдія, мною принесеннаго, и вопію: *помилуй мя, Боже, помилуй мя!* Будь милосердъ къ бѣдному созданію, которое явилось на свѣтѣ со всѣми нечистотами отцевъ и праотцевъ, которое вмѣсто наслѣдія принесло съ собою ужасную преклонность ко злу, коему предстояла и предстоитъ борьба со множествомъ скорбей, соблазновъ и искушеній! *Помилуй мя, Боже, помилуй мя!*

Во слѣдъ за первымъ рожденіемъ отъ плоти и крови, послѣдовало другое, высшее и лучшее рожденіе отъ Духа. Не смотря на мою нечистоту и безчувственность, меня тотчасъ по рожденіи, приняла въ объятія свои св. Церковь; омыла скверну природы моей въ купѣли Крещенія; освятила благодатію Духа; запечатлѣла знаменіемъ Креста; облекла въ бѣлую одежду невинности. Изъ чада гнѣва я сталъ чадомъ Благодати.

Но гдѣ теперь сіе царское облаченіе? Гдѣ дары, на меня изліянные? Увы, и я, подобно невѣстѣ у Соломона, долженъ сказать: *положиша мя стража въ виноградѣхъ,*

и винограда моего не сохранихъ!* Не сохранилъ я благодати Крещенія, не пребылъ вѣрнымъ тому, кому сочетался! Осквернилъ бѣлую одежду невинности! Потерялъ благодать и Духа! — Одно взялъ міръ; другое похитили страсти; то пропало отъ нерадѣнія и безпечности; весь я подобенъ человѣку, впадшему въ разбойники: отъ ногъ до головы нѣтъ во мнѣ цѣлости. — Къ кому обратиться за помощію, кромѣ Тебя, Всеблагій Творецъ и Всемогущій промыслитель мой? *Помилуй мя, Боже, помилуй мя! Заблудихъ, яко овча погибшее, взыщи раба Твоего**! Изведи изъ темницы душу мою исповѣдатися имени Твоему***! Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей!*

За лѣтами моего неразумнаго младенчества, о коихъ самый первый мудрецъ не можетъ не сказать ко Господу съ Давидомъ: *скотенъ быхъ у Тебе,***** наступили лѣта отрочества и юности. Время наидрагоцѣнное, въ которое человѣку, при раскрытіи въ немъ разума и воли, можно сказать, самому дается быть въ нѣкоторомъ смыслѣ творцемъ духовнаго бытія своего. Въ это время и я, подобно прародителямъ моимъ, находился въ раю невинности, и предо мною было древо жизни съ обѣтованіемъ и древо смерти съ заповѣдію. Могъ я не простирать руки къ плоду запрещенному; властенъ былъ я остаться на пути правды и непорочности. Все удерживало меня: и благодать Крещенія, и гласъ совѣсти, и родители, и воспитатели; но, увы, ничто не удержало! И мнѣ змій искуси-

---

* Пѣс. Пѣс. 1—5.

** Псал. CXVIII, 176.

*** Псал. CLXI, 8.

**** Псал. LXXII, 22.

преподаватель въ Колыванскомъ главномъ народномъ училищѣ въ Сибири, онъ на собственномъ иждивеніи путешествовалъ по разнымъ частямъ бывшаго Колыванскаго намѣстничества для топографическаго и статистическаго описанія этихъ отдаленныхъ странъ отъ столицы. И въ послѣдствіи времени никто болѣе его не трудился въ приготовленіи руководствъ къ изученію отечественной географіи. Тогда для ученаго труженика не представлялось столько пособій къ усовершенствованію сочиненій, какъ нынѣ. И такъ не удивительно, что въ его описаніяхъ нѣтъ надлежащей полноты и вѣрности. Но тѣмъ болѣе надобно удивляться любознательности и трудолюбію частнаго человѣка, вступающагося въ общественное дѣло. Правда, Профессоръ Зябловскій не внесъ въ науку ни новыхъ началъ, ни новыхъ идей. Онъ только былъ охранителемъ истинъ, принятыхъ имъ въ молодости. Ему не нравились высшіе взгляды на значеніе фактовъ и вообще данныхъ. За то не пренебрегалъ онъ порядкомъ, полнотою и точностію въ изображеніи явленій. У него не было ни слога въ описаніяхъ, ни одушевленія въ разказѣ. Таланты не пріобрѣтаются; ихъ получаемъ мы свыше. Но все, что

ближнимъ нашимъ, кротки, искренни и любвеобильны ко всѣмъ и каждому, непамятозлобивы къ самимъ врагамъ.

Но, братіе мои, скажите сами, многіе ли могутъ похвалиться сими качествами? Кто бросивъ самый поверхностный взоръ на свои обязанности, не скажетъ: ахъ, я не исполнялъ и не исполняю ихъ, какъ должно! При святомъ алтарѣ — я не предстою съ тою чистотою и благоговѣніемъ, кои подобаютъ служителямъ Бога Вышняго; въ судѣ — я не храню правды и истины съ тѣмъ самоотверженіемъ, коего требуетъ участь подсудимыхъ собратій моихъ; во святилищѣ наукъ — я дорожу не столько истиною, сколько суетною славою моего имени и готовъ нерѣдко защищать ложь, для меня пріятную; въ куплѣ и продажѣ — я своекорыстенъ, на господствѣ — жестокъ и своенравенъ, въ низкой долѣ — лукавъ и строптивъ. Сколько времени погибло и гибнетъ у меня напрасно! Сколько данныхъ отъ Бога талантовъ погублено и теряется всуе! Многократно я рѣшался на доброе, и доселѣ творю худое. Вижу, что иду не тѣмъ путемъ, а иду непрестанно. И когда окончится во мнѣ эта злополучная борьба совѣсти съ страстями? Гдѣ конецъ моему душевному плѣну и рабству? Творецъ Всемогущій, къ Тебѣ молитва моя! Помилуй бѣдное созданіе Твое! Дай силы расторгнуть узы грѣховныхъ навыковъ и страстей! Отврати очи мои, во еже не видѣти суеты! Коснись грѣхолюбиваго сердца, да престанетъ биться для праха и тлѣнія! *Помилуй мя! Боже, помилуй мя!* Спаси меня отъ меня самаго!

Наступятъ и лѣта старчества: тѣло мое ослабѣетъ, чувства одно за другимъ будутъ закрываться; и льстящій теперь міръ самъ начнетъ убѣгать отъ меня. Но и все это обратитъ ли меня къ Богу и вѣчности? Употребится ли

мною хотя сей жалкій остатокъ жизни на дѣла благая? Не раздѣлятъ ли и его между собою тѣже похоти и тѣже страсти? Ахъ, сколько старцевъ, кои съ лѣтами видимо юнѣютъ въ злобѣ и любви къ міру! Сколько стоящихъ у дверей гроба и смотрящихъ вспять! Не буду ли подобенъ имъ и я? Не пройдутъ ли и мои послѣдніе годы и дни въ суетѣ и ослѣпленіи, какъ проходятъ у многихъ? Господь Милосердый, не попусти мнѣ впасть въ сіе ужасное ослѣпленіе! Пощади отъ сего адскаго нечувствія! *Помилуй мя, Боже, помилуй мя!*

Въ слѣдъ за немощами, придетъ наконецъ послѣдняя болѣзнь; лякемъ на одръ, съ коего не встанемъ болѣе: врачь отступится, священникъ приблизится, сродники и приспые окружатъ одръ нашъ и будутъ ожидать нашей кончины. Въ сей грозный часъ, среди послѣдняго томленія тѣла и духа, среди всеконечнаго смятенія мыслей и чувствъ, какой гласъ желали бы вы, братіе мои, чтобы изшелъ изъ устъ вашихъ? — Мнѣ бы не хотѣлось для себя другаго, кромѣ: *помилуй мя, Боже, помилуй мя!* Помилуй грѣшника, коего жизнь исчезла въ суетѣ и грѣхахъ! Яви послѣдній знакъ милосердія и даруй, да изыду изъ темницы плоти моей съ чувствомъ покаявшагося на крестѣ разбойника!

Ударитъ наконецъ часъ общаго всемірнаго пробужденія отъ сна смертнаго: надобно будетъ вставать изъ утробы земной, облечься въ тѣло новое и неразрушимое, и, вмѣстѣ съ дѣлами своими, явиться на судъ Страшный для услышанія приговора надъ собою на всю вѣчность. Тогда, среди неба и ада, между ангелами и духами отверженными, что будешь чувствовать ты бѣдная душа моя? Не возопіешь ли въ послѣдній разъ: *помилуй мя, Боже, помилуй мя!*

Да, братіе мои, на Страшномъ всемірномъ судѣ Божіемъ, не прежде, конецъ сей покаянной молитвы: она прекратится тогда, какъ предъ лицемъ вселенной навсегда рѣшится судьба каждаго изъ насъ. Послѣ сего уже не будетъ ей мѣста. Въ раю, у праведныхъ останется одна радость и одно вѣчное славословіе имени Божія. Во адѣ, для грѣшниковъ одинъ вопль отчаянія и скрежетъ зубовъ.

Какая изъ сихъ участь ожидаетъ насъ? — Единъ Господь вѣсть. Но, если пребудемъ таковыми, каковы есмы; если умремъ во грѣхахъ нашихъ: то явно, гдѣ часть и съ кѣмъ жребій нашъ. Воззовемъ же изъ глубины души всѣ и каждый: помилуй насъ! Даждь всѣмъ намъ прежде конца покаяніе! Аминь.

СЛОВО

ВЪ СРЕДУ 1-й НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Да исправится молитва моя,
яко кадило предъ Тобою!

Увы, какъ въ насъ все слабо и нечисто, даже самое лучшее и совершеннѣйшее! Если что драгоцѣннаго осталось въ природѣ нашей отъ ея совершенствъ первобытныхъ; то — молитва, посредствомъ коей человѣкъ мгновенно возносится надъ всѣмъ земнымъ и тлѣнпымъ, становится превыше небесъ и всего сотвореннаго, приступаетъ къ Престолу Самаго Бога и входитъ съ Нимъ въ непосредственное общеніе. Вмѣстѣ съ молитвою тотчасъ поникаетъ долу въ душѣ все злое и мрачное; оживаетъ и получаетъ силу все чистое и благое: вмѣстѣ съ молитвою умъ свѣтлѣетъ, чувство умягчается, воля свободнѣетъ, совѣсть яснѣетъ, душа успокоивается, самое тѣло приходитъ въ порядокъ и становится не такъ земнымъ и тяжелымъ. Молитва есть какъ бы нѣкое соприкосновеніе съ Божествомъ, низводящее въ насъ силу сверхъ-естественную и измѣняющее все существо наше на лучшее.

Но, увы, прирожденная порча и нечистота падшей природы нашей такъ велики, что проникаютъ самую молитву нашу до того, что не рѣдко отъемлютъ у ней всю силу, дѣлаютъ ее мертвою и безплодною. И если бы только безплодною! Бываютъ и такія молитвы, кои обра-

щаются въ грѣхъ моляцемуся. Посему то св. Церковь, между прочими предметами прошеній, научаетъ насъ молиться о самой молитвѣ нашей, да будетъ тѣмъ, чѣмъ быть должна: *да исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою.*

Отъ чего да исправится? Отъ тяжести и обременения,—отъ грубости и нечистоты,—отъ вялости и безжизненности.

Принудивъ себя, самые чувственные люди могутъ простоять нѣсколько времени на молитвѣ. Но и для людей нечувственныхъ стояніе на молитвѣ, особенно продолжительное, всегда составляетъ нѣкій трудъ, послѣ коего необходимъ отдыхъ даже телѣсный; такъ что безъ сего они не способны скоро заняться чѣмъ-либо другимъ. Не знакъ ли это, что духъ молитвы такъ удалился отъ насъ, что она содѣлалась намъ какъ бы чуждою и не сродною? Ибо сама по себѣ, молитва должна бы составлять для насъ не тяжесть и работу, а отраду, покой и наслажденіе. Посмотрите на міръ Ангельскій: тамъ нѣтъ ни нашихъ нуждъ и искушеній, ни нашихъ скорбей и печалей: и однакожъ Херувимы и Серафимы, окружающіе Престолъ Божій, выну взываютъ: *Святъ, Святъ, Святъ Господь Богъ Саваоѳъ* *;* взываютъ и никогда не находятъ въ томъ утомленія. Почему? Потому, что молитва составляетъ необходимую потребность бытія ихъ. Утомиться молиться для небожителей значило бы тоже, что намъ утомиться дышать.

Искать ли намъ съ тобою, возлюбленный слушатель, вдругъ для себя этой неусыпающей молитвы Серафимской? Да пріимутъ сей высокій даръ тѣ, кои могутъ вмѣстить его! Для насъ, на первый разъ, не малымъ даромъ будетъ уже и то, если молитва наша престанетъ быть какъ камень на выи, гнетущій насъ къ землѣ; если мы, хотя среди

---

* Исаія VI.

повременной молитвы нашей, не будемъ подобны птицѣ, лишенной крылъ, которая хочетъ подняться на высоту и тотчасъ падаетъ долу.

И такъ, да исправится, Господи, молитва наша предъ Тобою! Да будетъ хладное и безчувственное сердце мое, по крайней мѣрѣ, подобно кадилу, на которое зрю я во время Богослуженія! Какъ въ кадилѣ, по наполненіи его огнемъ, ѳиміамъ неудержимо стремится вверхъ—къ сводамъ храма: такъ да парятъ мысли и чувства мои къ Престолу благодати Твоей, когда св. Церковь возжигаетъ ихъ огнемъ своихъ молитвъ и пѣснопѣній! Какъ кадильница становится легче, когда улетаетъ изъ нея ѳиміамъ: такъ да содѣлываюсь послѣ молитвы и я легчайшимъ въ духѣ и сердцѣ, бодрѣйшимъ на совершеніе дѣлъ благихъ!

Второй недостатокъ молитвъ нашихъ есть ихъ грубость и нечистота. Сами по себѣ мы даже *о чесомъ помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы* *. Но и наученные, какъ подобаетъ молиться, самимъ Господомъ, мы не молимся, якоже научены. Намъ внушено молиться—да пріидетъ царствіе Его и да будетъ воля Его же, яко на небеси, тако и на земли; а мы хотѣли бы, посредствомъ самой молитвы нашей, распространить на все наше собственное владычество и все подчинить своему слѣпому произволу. Намъ позволено испрашивать только хлѣба насущнаго, то есть, такого количества благъ земныхъ, какое необходимо для нашего краткаго пребыванія на землѣ; а мы желали бы захватить въ свои руки всѣ блага міра, радовались бы и веселились, если бы ни у кого не осталось хлѣба, точію въ нашихъ житницахъ. Намъ воспрещено и являться предъ лице Божіе, не примирившись съ братомъ своимъ, не оставивъ долговъ клевретамъ на-

---

* Рим. VIII. 26.

шимъ, то есть, всѣмъ, кои въ чемъ либо виновны предъ нами; а мы, злопамятные, бываемъ готовы, иногда среди самой молитвы, просить отмщенія такъ называемымъ врагамъ нашимъ. И какимъ врагамъ? кои нерѣдко страдаютъ гораздо болѣе отъ насъ, нежели мы отъ нихъ. Все это и многое еще худшее, производитъ то, что молитва наша вмѣсто благоуханія вѣры и любви, распространяетъ вокругъ насъ смертоносную воню гордости, злобы и любостяжанія.

Какъ послѣ сего, приступая къ молитвѣ, не вознести мнѣ первѣе всего со смиреніемъ гласа о томъ, да исправится молитва моя предъ Тобою, Господи! Да удалятся отъ нея всѣ земные и нечистые помыслы! Да познаю истинныя нужды мои, паче же всего, да не забудется мною въ сіе время моя бѣдность грѣховная и необходимость исправить мою жизнь, и да содѣлается духовное обновленіе мое первымъ и послѣднимъ предметомъ моихъ желаній и прошеній предъ Тобою! Если же бы я, неразумный, забывъ все сіе, явился когда либо, Господи, во храмѣ Твоемъ съ желаніями чувственными, съ прошеніями, коихъ исполненіе для меня пагубно; то да будетъ сердце мое, во время сей нечистой молитвы, яко кадило угасшее! Когда уже нѣтъ въ немъ ѳѵміама вѣры и любви; то да неизыдетъ изъ него по крайней мѣрѣ тлетворная воня злобы и лукавства! Да прильпнетъ тогда языкъ мой къ гортани моей, и буду яко не могій проглаголати!

Наконецъ, молитвы наши, и въ самомъ очищенномъ видѣ ихъ, большею частію слабы, безжизненны, и потому бездѣйственны. Молимся иногда и о благахъ духовныхъ, напр. о пришествіи Царствія Божія, но такъ слабо, какъ бы сіи блага или не существовали на самомъ дѣлѣ, или не стоили большой цѣны. Просимъ иногда себѣ освобожденія отъ грѣховъ и страстей, но такъ холодно, какъ

бы наша порочная жизнь была зло нисколько не важное, отъ коего не худо и освободиться, но съ коимъ можно однако же безъ большаго вреда прожить до смерти. Предаемъ, по видимому, судьбу свою и присныхъ своихъ въ волю Божію; но почти такъ же, какъ именуемъ и пишемъ себя покорнѣйшими слугами всѣхъ и каждаго, то есть, на однихъ словахъ, не думая, что мы обязывались симъ къ чему либо. Такая слабая и безжизненная молитва вмѣсто того, чтобы оживлять и укрѣплять насъ на пути жизни, нерѣдко еще болѣе обезсиливаетъ нашу совѣсть, погружая насъ въ безпечность духовную. Послѣ такой молитвы мы бываемъ такъ-же слабы на добро, такъ-же немощны на сраженіе съ соблазнами и страстями, такъ-же безутѣшны среди скорбей и искушеній и не рѣдко почти далѣе отъ нашего спасенія.

Какъ и чѣмъ помочь этому безсилію и безжизненности въ молитвѣ? — Такъ-же, какъ помогаютъ кадилу угасающему — раздуваніемъ прежняго или подложеніемъ новаго огня. Гдѣ взять для сего дуновенія и огня? Нѣкую часть того и другаго можно находить, при помощи Божіей, въ себѣ самихъ. Отъ усиленнаго, часто повторяемаго размышленія о злополучномъ состояніи грѣшника, каковы мы, можетъ произойти нѣкое вѣяніе мыслей, не неспособное, къ возбужденію угасающей молитвы. Отъ движенія чувствъ душевныхъ, — при мысли о Богѣ, вѣчности, Спасителѣ нашемъ и страданіяхъ Его, — можетъ родиться въ сердцѣ теплота, разрѣшающаяся въ молитву. Но, да не обольщаетъ себя никто, всего этого мало, слишкомъ мало для того, чтобы молитва наша содѣлалась, ядо кадило благоуханное. Для сего необходимо вѣяніе свыше — самой благодати Божіей; потребенъ невещественный огнь Духа Святаго, Который, по выраженію св. Павла, проходитъ *до раздѣленія* нашей души и духа, *членовъ же и моз-*

*говъ**, потребляя въ нихъ все нечистое и грѣховное. Кому сей Духъ *по достоянію дхнетъ*, того, по выраженію св. Церкви, *вземлетъ отъ земли:* тогда молится уже не столько самъ человѣкъ, сколько Духъ Божій, ходатайствующій въ немъ и за него *воздыханіи неизглаголанными***. А человѣкъ? Онъ среди сей молитвы Духа, по свидѣтельству людей, испытавшихъ сіе состояніе, бываетъ, какъ металлъ, проникнутый огнемъ. Тогда никакая нечистота не можетъ прильпнуть душѣ, или исчезаетъ тотчасъ сама собою; тогда весь міръ забытъ; нѣтъ другаго чувства, кромѣ всенаполняющаго и всезамѣняющаго присутствія Божія; нѣтъ другихъ желаній, кромѣ, какъ у Петра на Ѳаворѣ, жажды оставаться на всегда въ семъ блаженномъ состояніи. Плоть, одуховившись, или молчитъ яко несущая, или паритъ въ слѣдъ духа и готова бываетъ вся излиться въ слезахъ, излетѣть въ воздыханіяхъ. Тогда уже не умъ и воля, а все существо человѣка, яко кадило, предъ лицемъ Божіимъ. Сего-то состоянія искалъ и вожделѣвалъ св. Давидъ, когда вопіялъ въ молитвѣ своей ко Господу: *Разжжи утробы моя!**** И когда сей пренебесный огнь нисходилъ на него: то сердце его *отрыгало слово благо*, и языкъ его становился тростію *книжника скорописца.*****

Вопроситъ кто либо: чѣмъ и какъ привлекать въ сердце таковую благодать Духа? Паче всего, возлюбленный Совопросникъ, смиреніемъ и чувствомъ своего ничтожества, постояннымъ молитвеннымъ вожделѣніемъ благодати Божіей, чистотою мыслей и намѣреній! Сердца смиренна и духа сокрушенна никогда не уничижитъ Господь! Души, вожделѣвающей молитвы и благодати, никогда не оставитъ безъ помощи Духъ Святый! Аминь.

---

* Евр. IV, 12. — ** Рим. VIII, 26. — *** Псал. LXXII, 21. — **** Псал. XLV, 1.

СЛОВО

ВЪ ЧЕТВЕРТОКЪ НА 1-й НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Постимся постомъ пріятнымъ, благоугоднымъ Господеви, истинный постъ есть злыхъ отчужденіе, воздержаніе языка, ярости отложеніе, похотей отлученіе, оглаголанія, лжи и клятвопреступленія (Стих. въ Понед. вел. Поста).

Церковный стихъ сей справедливо можно назвать поученіемъ церковнымъ на всѣ святые Посты. Наши слова и проповѣди, по самой слабости ихъ, бываютъ не рѣдко продолжительны; а поученіе Церкви столь же кратко, сколько сильно и дѣйствительно. Тѣмъ нужнѣе посему обратить на него все вниманіе и размыслить о томъ, чему учитъ въ отношеніи къ Посту св. Церковь.

Постимся постомъ пріятнымъ, благоугоднымъ Господеви! Значитъ, есть постъ непріятный и неблагоугодный Господу!

Какой это постъ?

Тотъ, когда ты не вкушаешь обыкновенной, а можетъ быть, и никакой пищи; а своимъ гнѣвомъ и строптивостію изъѣдаешь душу и тѣло подручныхъ твоихъ, слугъ или домашнихъ. Тотъ постъ, когда ты во храмѣ падаешь на

землю и просишь себѣ отпущенія грѣховъ, говоришь, чтобы они прощены были также, какъ ты прощаешь всѣ прегрѣшенія противу тебя; а, вышедъ изъ храма, пойдешь въ судъ, чтобы преслѣдовать бѣднаго должника твоего, взыскать съ него до послѣдней лепты, посадить его въ противномъ случаѣ въ темницу, разорить весь домъ его и семейство. Тотъ постъ не благопріятенъ Господу, когда ты по внѣшности какъ будто смиряешь себя и говоришь, что ты первый изъ грѣшниковъ; а внутренно не знаешь мѣры своимъ мнимымъ достоинствамъ, ставишь себя въ мысляхъ выше всѣхъ, творишь изъ себя судію вселенскаго, готоваго судить и пересуждать всѣхъ и все. Тотъ постъ не пріятенъ и не угоденъ Богу, когда ты хочешь и ожидаешь, чтобы за малые поклоны и нѣсколько воздыханій твоихъ отверзлись для тебя всѣ сокровища благодати Божіей, уврачеваны были всѣ язвы твоей совѣсти, чтобы тебя ввели на самую вечерю царскую и напитали тѣломъ и кровію Христовою; а самъ, при всѣхъ стонахъ и вопляхъ нищихъ братій твоихъ, не расположенъ удѣлить имъ и малой части отъ избытковъ твоихъ, хладнокровно оставляешь безъ всякой помощи больныхъ и страждущихъ, медлишь ввести подъ кровъ твой странныхъ, скупишься раздѣлить съ алчущими — не тѣло и кровь твою (пусть онѣ остаются съ тобою), а тѣ горы и холмы снѣдей, отъ коихъ едва не распадаются житницы твои. Тотъ постъ непріятенъ и неугоденъ Господу, когда ты боишься поднести къ устамъ твоимъ чашу горячей воды; а не боишься, что изъ этихъ устъ продолжаютъ, по прежнему, выходить, какъ дымъ изъ пещи, слова праздныя и гнилыя, насмѣшки горькія и уязвляющія, намеки полные соблазна и заразы душевной. Всѣ таковые и имъ подобные постники да не дерзаютъ надѣяться милости отъ Господа;

постъ ихъ не только не благоугоденъ, но, по выраженію Пророка, есть мерзость предъ лицемъ Божіимъ.

Лучше бы ты вкушалъ что угодно, но въ тоже время питалъ тѣхъ, кои и не въ постъ едва не умираютъ отъ глада; лучше бы ты продолжалъ украшаться твоими одеждами по прежнему, но въ ту же пору излишнимъ, праздно висящимъ и снѣдаемымъ отъ моли, одѣяніемъ твоимъ прикрылъ наготу нищихъ братій, кои стонутъ отъ хлада; даже лучше когда бы ты не прерывалъ обычныхъ твоихъ забавъ и увеселеній, но, прохлаждаясь самъ, доставлялъ бы утѣшеніе и отраду тѣмъ, кои давно забыли, есть ли какая радость на землѣ.

Истинный постъ есть злыхъ отчужденіе, воздержаніе языка, ярости отложеніе, похотей отлученіе, оглаголанія, лжи и клятвопреступленія.

Удаленіе отъ всѣхъ сихъ пороковъ должно бы составлять для насъ не постъ, не принужденіе и трудъ, а дѣло самое естественное, покой и радость: но, проникнутая еще въ предкахъ нашихъ грѣхомъ и своеволіемъ, пріученная нами самими къ нарушенію законовъ воздержанія, природа наша, до того сродилась со страстями и похотями, что слѣдовать страстямъ и злой волѣ для нея сдѣлалось почти также естественнымъ, какъ тѣлу принимать ежедневную пищу. Посему, кто хочетъ быть свободнымъ отъ грѣховъ, для того надобно непрестанно удерживать себя отъ зла и принуждать къ добру, также какъ постящіеся воздерживаютъ себя отъ пищи и понуждаютъ къ Богомыслію. Сіе то воздержаніе отъ страстей и пороковъ, по ученію Церкви, составляетъ постъ истинный и благопріятный Господу. Внѣшніе посты не всегда необходимы, а сей внутренній постъ необходимъ во всякое время. Внѣшніе посты преходятъ и оканчиваются; а этотъ духов-

ный постъ безпрерывенъ и долженъ окончиться только съ нашею жизнію, когда мы, совлекшись бренной и грѣхолюбивой плоти, облечемся въ нетлѣніе и безстрастіе.

И такъ, хочешь ли поститься воистину? Воздержи первѣе всего языкъ твой отъ всякаго слова празднаго, тѣмъ паче гнилаго и неподобнаго. Начни постъ духовный съ сего малаго члена тѣлеснаго, который однакоже есть великій врагъ и упорный противникъ. Побѣдивъ его упорство, ты силенъ будешь обуздать и все тѣло *. Въ противномъ случаѣ языкъ твой, какъ дикій и свирѣпый конь, будетъ влачить тебя, вмѣстѣ и съ постомъ твоимъ, по дебрямъ лжи, злобы и лукавства.

Хочешь ли поститься воистину? Оставь вмѣстѣ съ пищею всякую ненависть, досаду, ропотъ и прерѣканіе; сдѣлайся во всемъ и ко всѣмъ тихимъ, кроткимъ, смиреннымъ, благоснисходительнымъ и любовнымъ. Этого требуетъ во время поста уже самое приличіе. Иначе, если ты, по прежнему, будешь строптенъ и сварливъ; то иной, и нехотя подумаетъ, что ты, какъ малое дитя, сердишься за то, что тебѣ возбранено Церковію употребленіе любимыхъ тобою яствъ.

Хочешь ли поститься воистину? Удали отъ себя вмѣстѣ съ снѣдями и всѣ прочія прихоти плотскія. Ибо, ветхій и грѣховный человѣкъ твой ослѣпляетъ и губитъ тебя не однимъ пресыщеніемъ тѣла. Излишество въ пищѣ наноситъ еще вредъ только тебѣ одному; а прочіе виды плотоугодія и сладострастія вредятъ, кромѣ тебя, и многимъ другимъ. Оставь же ихъ всѣ, удали отъ ложа твоего дышущую сладострастіемъ и вольнодумствомъ книгу; со стѣнъ комнатъ твоихъ соблазнительныя изображенія,

* Іак. III, 2.

а за тѣмъ выбрось изъ самаго ума и памяти (сколько можно на первый разъ, ибо вдругъ сего нельзя сдѣлать; умъ не то, что стѣны дома), выбрось, говорю, всѣ любострастные образы и утверди вмѣсто ихъ въ памяти и воображеніи твоемъ крестъ Христовъ и образъ твоей смерти.

Хочешь ли поститься воистину? Раздери, если есть у тебя, всякое неправедное списаніе на завладѣніе чужимъ имуществомъ; прекрати дѣло, по сему случаю заведенное въ судѣ; уступи, сколько можно, даже изъ собственныхъ правъ, чтобы не влачиться по судамъ, подобно Еврею и Магометанину. Надобно же, чтобъ Христіанинъ отличался чѣмъ либо не въ храмѣ только, а и на судѣ.

Хочешь ли поститься воистину? Обозри, чѣмъ можешь служить во имя Господа, меньшей братіи твоей о Христѣ, и немедля приступи къ дѣлу благотворенія: дозволь входъ въ житницы твои для тѣхъ, кои, безъ всякой вины своей, едва не умираютъ отъ глада,—одѣнь нагаго, прими сираго, призри недужнаго, посѣти заключеннаго. Ибо надобно же произойти какимъ либо плодамъ отъ такого великаго древа, каковъ великій постъ. Какимъ лучше, если не плодамъ человѣколюбія, когда ты самъ посредствомъ поста ищешь милости Божіей?

Такой постъ будетъ благопріятенъ для Господа! Соединяющій такимъ образомъ воздержаніе душевное съ тѣлеснымъ не погубитъ мзды своея. Или лучше сказать, онъ уже пріемлетъ ее здѣсь и теперь. Ибо для чего мы постимся? Безъ сомнѣнія, не для того, чтобы сберечь у себя нѣсколько неупотребленныхъ снѣдей, а чтобы укротить свою плоть, облегчить душу, оживить совѣсть, приблизить къ себѣ благодать Божію. Но, когда мы сдѣлаемся въ мысляхъ чище и цѣломудреннѣе, въ словахъ правдивѣе и назидательнѣе, въ нравахъ кротче и великодуш-

нѣе, въ дѣлахъ справедливѣе и благотворнѣе; то цѣль Поста симъ самымъ, при помощи благодати Божіей, будетъ въ насъ уже достигнута, — сначала, конечно, слабо и несовершенно, а потомъ болѣе и совершеннѣе; доколѣ не сдѣлаемся во всѣхъ отношеніяхъ таковы, каковыми должно быть послѣдователямъ Христовымъ.

Въ противномъ случаѣ постъ нашъ будетъ подобенъ лѣкарству, при употребленіи коего больной, по неразумію и невоздержности, предается всѣмъ прежнимъ привычкамъ, произведшимъ его болѣзнь. Чего ожидать отъ такого лѣкарства, кромѣ ожесточенія болѣзни, тѣмъ опаснѣйшаго, что мы, по надеждѣ на врачеваніе, будемъ думать, что выздоравливаемъ? Въ такомъ случаѣ лучше уже не поститься вовсе: ибо тогда, по крайней мѣрѣ, не будемъ обольщать себя тѣмъ, что мы находимся внѣ опасности. Аминь.

СЛОВО

ВЪ ПЯТОКЪ 1-й НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА,

ПРЕДЪ ОСВЯЩЕНІЕМЪ КОЛИВА ВЪ ПАМЯТЬ СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ѲЕОДОРА ТИРОНА.

Кто бы сказалъ, для чего нынѣ поставляется среди Церкви св. Коливо и воспѣваются надъ нимъ хвалебныя пѣсни въ честь св. Великомученика, Ѳеодора Тирона? Ежегодная память его не въ настоящій день; она или предшествуетъ ему, какъ и нынѣ уже прошла, или послѣдуетъ за нимъ. При томъ изъ уваженія къ безмолвію настоящихъ дней Поста, съ нихъ, по уставу Церкви, переносятся на другіе дни самые праздники въ честь Святыхъ, дабы гласомъ радости не воспятить вздохамъ и слезамъ покаянія. А для памяти св. Ѳеодора нѣтъ сего закона: для него совершается именно противное тому. Видно, память сего Великомученика такъ соединена съ настоящими днями, что никакъ не могла отдѣлиться отъ нихъ.

Что это за связь и въ чемъ она? Немногіе, вѣроятно, въ состояніи дать отвѣтъ на сіе; хотя каждый, не разъ въ продолженіе своей жизни, бывалъ въ настоящій день въ Церкви, и видалъ, что въ ней нынѣ совершается. А если бы теперь же спросить, почему то или другое дѣлается въ театрѣ, или на балахъ: то изъ тѣхъ же незнающихъ людей оказались бы, думаю, многіе очень знающими и

могущими отвѣчать на всѣ вопросы. Такъ мало заботимся мы имѣть ясное понятіе о томъ, что—когда совершается въ Церкви Божіей! И въ этомъ ли одномъ случаѣ мы—такіе непскусные? Можно быть увѣреннымъ, что многіе не знаютъ такъ же, почему въ слѣдующій день недѣльный будетъ возглашаться въ Церкви анаѳема, почему среди великаго Поста совершается поклоненіе Кресту Господню, для чего въ первые дни страстной седмицы читаются всѣ четыре Евангелиста, зачѣмъ въ великую субботу послѣ Литургіи совершается освященіе хлѣбовъ? И что говорить объ особенностяхъ въ уставѣ Церкви? Мы не стараемся знать даже того, что въ обрядахъ ея касается непосредственно насъ самихъ. Въ сороковый день, напр., по рожденіи нашемъ, насъ приносили въ храмъ для посвященія Господу; мы не чувствовали тогда, что говорилось и совершалось надъ нами; но говорилось и совершалось весьма важное и поучительное на всю жизнь. Многіе ли, пришедъ въ возрастъ, полюбопытствовали узнать это и прочесть чинъ принесенія во храмъ младенцевъ? Таже небрежность и въ отношеніи къ нашему будущему. Въ молитвенникѣ церковномъ содержится послѣдованіе на исходъ души и тѣла, то послѣдованіе, которое, если не лишимся сея благодати, будетъ читано и надъ нами, въ часъ скончанія нашего. Очень легко можетъ случиться, что мы не будемъ тогда въ состояніи слышать хорошо и помнить молитвъ, произносимыхъ у смертнаго одра нашего. Какъ бы заранѣе, хотя изъ любопытства, не прочитать сихъ молитвъ и не узнать ихъ содержанія? Но, спросите кого угодно изъ стоящихъ окрестъ васъ, и онъ скажетъ вамъ, что не знаетъ ихъ, и, можетъ быть даже, только въ первый разъ слышитъ о нихъ. Таковы мы въ отношеніи къ душѣ своей! На все у насъ есть время;

всѣмъ мы любимъ заниматься, даже тѣмъ, что вовсе насъ не касается и о чемъ мы не въ состояніи судить; а на то, что необходимо, что душеполезно, что постыдно Христіанину не знать, для того нѣтъ у насъ ни времени, ни любопытства. Ищите послѣ сего причинъ, почему благія учрежденія и уставы Церкви не оказываютъ надъ нами никакого дѣйствія! Спрашивайте послѣ сего, почему мы присутствуемъ во время совершенія самыхъ священныхъ и трогательныхъ обрядовъ церковныхъ съ разсѣяніемъ, безъ чувства, поникшіе тѣломъ и душею! Какъ назидаться тѣмъ, чего не знаешь ни цѣли, ни причины, ни духа, ни силы.

Но возвратимся къ тому, съ чего начали. И такъ нынѣ, можно сказать, вопреки самому закону Церкви о настоящихъ дняхъ Поста, творится Ею празднственная память св. Великомученника Ѳеодора Тирона. Причина сего важная и для насъ весьма поучительна. Не поскучайте, если потому самому, мы, для объясненія ея, войдемъ предъ вами въ нѣкоторыя подробности.

По кончинѣ святаго и равноапостольнаго Константина Великаго, который, какъ извѣстно, прекратилъ всѣ гоненія на Христіанъ и возвелъ съ собою вѣру въ Іисуса Распятаго на престолъ Кесарей, Имперія Римская, чрезъ нѣсколько краткихъ преемствъ, досталась одному изъ сродниковъ его, Іуліану. Какъ блаженный Константинъ былъ избраннымъ сосудомъ благодати; такъ несчастный Іуліанъ оказался явнымъ сосудомъ погибели и отверженія. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій его темнаго царствованія было то, что онъ отвергъ Христа и Евангеліе, и обратился къ низверженнымъ идоламъ языческимъ. Явнаго гоненія на Христіанъ онъ не поднималъ,—не по жалости къ нимъ, а по увѣренности въ его безуспѣшности; вмѣсто сего тотчасъ началось злохитрое гоненіе тайное.

Богоотступникъ то низводилъ Христіанъ съ честей и достоинствъ, яко бы противныхъ ихъ смиренію; то лишалъ ихъ достоянія и имущества, яко бы несовмѣстныхъ съ нищетою Евангельскою; то запрещалъ учиться наукамъ, подъ предлогомъ, что все нужное для Христіанъ содержится въ ихъ Евангеліи; то вызывалъ изъ заточенія еретиковъ, дабы кознями ихъ смутить Церковь Христову. Между сими злохитрыми средствами, Іуліанъ умыслилъ и слѣдующее. Наступала Четыредесятница Христіанская. Зная, въ какой чистотѣ и воздержаніи проводятъ ее Христіане, Богоотступникъ призываетъ градоправителя Константинопольскаго и велитъ ему тайно удалить на слѣдующіе дни съ торжища всѣ обыкновенныя снѣди, а предложить одно то, что было уже принесено въ жертву идоламъ и потому Христіанами почиталось за осквернённое. Никто не зналъ замысла: посему многія тысячи душъ въ самые святые дни осквернились бы вкушеніемъ того, что растворено было (такъ повелѣлъ Іуліанъ), кровію идоложертвенною. Это составило бы для нихъ предметъ сожалѣнія на всю жизнь; а для Іуліана, или паче сказать, сатаны, имъ двигавшаго, это была бы радость и торжество веліе. Тотъ же отступникъ, по исполненіи замысла, не преминулъ бы разгласить въ слухъ всего свѣта, что послѣдователи Іисуса Назарянина (такъ называлъ онъ Господа) во время самаго Поста ихъ употребляли въ пищу идоложертвенное.

Но Тотъ, Кто, яко зѣницу ока, хранитъ души простыя и смиренныя и всегда запинаетъ премудрыхъ въ коварствѣ ихъ, не далъ и теперь совершиться умыслу вражію. Среди нощи но не во снѣ, является внезапно тогдашнему Епископу Константинопольскому нѣкій свѣтозарный воинъ и говоритъ, чтобы онъ, немедля собравъ духовное стадо

свое, далъ ему знать объ угрожающей опасности, съ повелѣніемъ не покупать въ слѣдующіе дни ничего на торжищѣ. Чѣмъ-же препитается въ сіи дни столько людей, вопросилъ Святитель, ибо у многихо нѣтъ ничего въ дому? Коливомъ или вареною пшеницею, отвѣтствовалъ явившійся, которую ты, нашедъ у нѣкоторыхъ, долженъ раздать всѣмъ. Кто же ты, вопросилъ Патріархъ, вся вѣдущій и пекущійся такимъ образомъ о братіи своей?— Христовъ мученникъ Θеодоръ, отвѣтствовалъ явившійся. То есть, это былъ тотъ святый подвижникъ Христовъ, который, будучи воиномъ за много лѣтъ до сего, въ царствованіе злочестиваго Максиміана, претерпѣлъ за имя Христово множество ужасныхъ мукъ и тѣмъ заслужилъ себѣ въ Церкви Христовой имя Великомученника.

Святитель немедля исполнилъ повелѣнное свыше; и Христіане Константинопольскіе сохранились отъ осквернения; а злочестивый Іуліанъ, видя, что замыслъ его разрушенъ, велѣлъ предоставить прежнюю свободу торжищамъ.

Видите теперь, что значитъ нынѣшнее священно-дѣйствіе надъ Коливомъ! Имъ сохраняется въ Церкви на всѣ вѣки память о благодѣяніи Божіемъ и приносится благодарность св. Θеодору, который, бывъ исповѣдникомъ имени Христова при жизни своей, и по смерти не престаетъ быть помощникомъ для тѣхъ, кои, за исповѣданіе сего имени, подвергаются какимъ-либо опасностямъ.

Возблагодаримъ убо Господа Іисуса, никогда не оставляющаго безъ помощи вѣрныхъ рабовъ своихъ и посрамляющаго безумныхъ противниковъ Евангелія и св. Церкви. Прославимъ память святаго Великомученика, отвратившаго чудеснымъ явленіемъ своимъ искушеніе и печаль отъ Церкви Константинопольской. А между тѣмъ возмемъ отсюда урокъ для себя, приличный днямъ настоящимъ.

*

Какой урокъ? Тотъ, что соблюденіе св. Поста есть вещь весьма важная. Ибо, если бы постомъ можно было пренебрегать, какъ вещію неразнственною или малозначущею; то имъ не занимались бы такъ на небѣ, и св. Великомученикъ не оставилъ бы свѣтлыхъ обителей Отца Небеснаго для того токмо, чтобы указать земнымъ братіямъ своимъ на средство избѣжать нарушенія Поста. Подобныя явленія святыхъ въ нашемъ мірѣ происходятъ не иначе, какъ по причинамъ самымъ важнымъ. Какъ же послѣ сего, нѣкоторые осмѣливаются думать и говорить, что все равно: поститься или не поститься? Нѣтъ; поститься значитъ быть смиреннымъ и послушнымъ сыномъ святой Церкви; а не поститься значитъ быть заражену вольномысліемъ, самочиніемъ и духомъ презорства. Поститься значитъ умѣть обуздывать свою чувственность, владѣть своими пожеланіями; а не поститься значитъ быть рабомъ плоти, находиться въ плѣну у своего чрева, влаяться вѣтромъ суемудрія. Поститься значитъ радѣть о спасеніи души своей, искать свободы своему духу, стремиться во слѣдъ Ангеловъ; а не поститься значитъ уподобляться безсловеснымъ, кои не знаютъ Поста, быть хладнымъ къ молитвѣ и къ очищенію своей души отъ плотскихъ похотей. Поститься значитъ каяться во грѣхахъ, презирать мірскія утѣхи, приготовляться къ вѣчности; а не поститься значитъ погрязать въ земномъ, предаваться тлѣнному, итти путемъ широкимъ, ведущимъ въ пагубу. Малолѣтный, престарѣлый, немощный путникъ, воинъ могутъ еще имѣть причины къ извиненію, когда не постятся; ибо здѣсь болѣе или менѣе нужда и необходимость; а мы, какъ говоритъ Апостолъ, *призваны на свободу*, только бы сія свобода не была въ *вину*, или потворство *плоти* *.

* Гал. V, 13.

А кто можетъ воздерживаться отъ запрещенныхъ Постомъ снѣдей и не воздерживается, тотъ грѣшитъ и противъ Церкви и противъ себя, и еще болѣе противъ себя, нежели Церкви: ибо Постъ, учрежденный ею, нуженъ не для ней, а для насъ: поелику онъ есть одно изъ сильнѣйшихъ средствъ къ обузданію нашей чувственности, отъ преобладанія коей надъ нами гибнетъ въ насъ все чистое и святое. Въ самомъ дѣлѣ, кто не испытывалъ, какая разница встать по утру съ стомахомъ, отягченнымъ пищею, и съ нимъ же, облегченнымъ и очищеннымъ постомъ? Въ первомъ случаѣ клонитъ паки ко сну, а въ послѣднемъ—является бодрость и способность къ молитвѣ. И не мы ли сами, когда хочемъ заняться чѣмъ либо важнымъ и требующимъ размышленія, то избираемъ для сего часы утренніе, когда тѣло не отягчено пищею; а послѣ стола говоримъ, что теперь не способны къ умственной работѣ? А для покаянія и размышленія о своихъ грѣхахъ будемъ обременять себя пищею? Что это, какъ не явное пренебреженіе къ дѣлу своего спасенія? И кто думаетъ иначе, тотъ обманываетъ себя жалкимъ образомъ.

Если бы за всѣмъ этимъ лукавая плоть подошла къ тебѣ съ предложеніемъ сложить съ себя, подъ какимъ-либо предлогомъ, св. Постъ: то вспомни св. Ѳеодора и чудо, имъ совершенное, и скажи ей: поди и испроси разрѣшеніе у Великомученика; а безъ сего я не могу нарушить св. Поста. Аминь.

СЛОВО

ВЪ ПЯТОКЪ 1-й НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

ПРЕДЪ ИСПОВѢДЬЮ.

Опять день покаянія и исповѣди! Еще разъ раскроемъ мы предъ Всевѣдущимъ мрачный свитокъ нашихъ дѣяній; еще разъ услышимъ отъ лица Его прощеніе во всемъ, содѣянномъ нами, и пойдемъ въ домъ свой оправданными! Такъ неистощимо милосердіе къ намъ Господа нашего! Правда Его могла бы совершенно отвергнуть нынѣшнее покаяніе наше; могла бы сказать намъ, что поелику мы, приносимъ столько разъ покаяніе и принимавъ столько же разъ прощеніе, не престаемъ оскорблять ее грѣхами нашими; то и ей остается уже не миловать напрасно рабовъ преступныхъ и лукавыхъ, а вооружаться противъ нихъ судомъ и казнію. Но такъ не поступятъ съ нами: предъ престоломъ сея правды и нынѣ мы обрѣтемъ ту же милость, ту же любовь и всепрощеніе!

Чувствуешь ли ты это, душа грѣшная? Чувствуешь ли, что ты давно стократъ достойна ада, а тебѣ паки отверзутъ рай и царствіе? Блюдись же, чтобы сія милость не была явлена надъ тобою въ послѣдній разъ!

Да, братіе мои, на землѣ нѣтъ никого, кто бы могъ сказать намъ навѣрное, что настоящая исповѣдь наша

не есть для насъ послѣднею. Это могъ бы сдѣлать Единъ Тотъ, въ десницѣ Коего *ключи ада и смерти* *, о Немъ же мы вси живемъ, движемся и есмы. Но Онъ самъ, во ограждение насъ отъ безпечности, благоволилъ возвѣстить намъ въ Евангелiи Своемъ, что день и часъ какъ Его къ намъ пришествiя, такъ и нашего къ Нему отшествiя, должны оставаться тайною для насъ.

Послѣ сего каждый, кому дорого спасение души своей, принося нынѣ исповѣдь, долженъ принести ее такъ, какъ бы приносилъ ее въ послѣдній разъ въ жизни.

Какъ бы мы исповѣдывались, бывши на одрѣ смертномъ? Исповѣдывались бы съ глубочайшимъ сокрушенiемъ духа и нераскаяннымъ омерзенiемъ ко грѣху, который тогда потерялъ бы для насъ всю прелесть; исповѣдывались бы всецѣло, ничего не сокрывая; ибо что таиться предъ смертiю? исповѣдывались бы съ твердою рѣшимостiю неуклониться болѣе на страну лжи и беззаконiя; ибо тогда во всей силѣ открылась бы предъ нами необходимость для человѣка жизни чистой и святой.

Поступимъ же точно такъ теперь, камъ мы поступили бы на одрѣ смертномъ. Раскроемъ предъ Всевѣдущимъ всю душу и сердце, всѣ тайны страстей и грѣховныхъ вожделѣнiй. Пусть милосердiе Божiе узритъ всѣ язвы и всю гнилость нашего внутренняго человѣка: оно узритъ ихъ токмо для того, чтобы тѣмъ прочнѣе исцѣлить ихъ. Принявъ прощенiе во грѣхахъ, немедленно изгонимъ ихъ не только изъ жизни и дѣянiй, — изъ самаго воображенiя и памяти нашей: пусть они остаются долею врага нашего, который подвигалъ насъ на грѣхъ и радовался, когда мы преступали заповѣди Господни. Давъ предъ св. Крестомъ

---

* Апок. I, 18.

и Евангелiемъ обѣтъ вести жизнь чистую и благую, будемъ повторять себѣ сей обѣтъ утро и вечеръ, въ часы радости и печали, въ храмѣ Божiемъ и дома, сидя на трапезѣ и покоясь на ложѣ, дабы дѣло нашего спасенiя никогда не выходило изъ нашей памяти и обратилось въ главное дѣло нашей жизни.

А для утвержденiя себя въ семъ необходимомъ подвигѣ, для огражденiя себя отъ новыхъ соблазновъ жизни, отъ новыхъ нападенiй со стороны страстей, возмемъ съ собою отъ св. налоя, въ напутiе жизни, память смертную; ибо не напрасно сказано Премудрымъ: *поминай послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши**! Аминь.

---

* Сир. VII, 39.

СЛОВО

ВЪ СУББОТУ 1-й НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

ПО ПРИЧАЩЕНІИ СВ. ТАИНЪ.

Кто дастъ, еже тако быти сердцу ихъ въ нихъ, яко боятися Мене и хранити заповѣди Моя во вся дни, да благо будетъ имъ и сыномъ ихъ во вѣки? — Втор. V, 29.

Такъ предъ Синаемъ вѣщалъ Моисею самъ Господь о народѣ Израильскомъ. Явленія чудесныхъ знаменій при горѣ святѣй съ такою благотворностію подѣйствовали на духъ и сердце строптивыхъ сыновъ Израиля, до того содѣлали ихъ Богобоязненными и усердными къ закону, что для самаго законодателя Синайскаго ничего не оставалось желать болѣе, какъ только, чтобы сіе прекрасное расположеніе духа и сердца осталось навсегда въ народѣ избранномъ: *кто дастъ, еже тако быти сердцу ихъ въ нихъ — во вся дни?*

Бывъ свидѣтелями во всю прошедшую седмицу вашего неослабнаго усердія ко храму Божію, зная, что вы омылись вчера отъ всѣхъ нечистотъ грѣховныхъ въ купели покаянія и, вѣроятно, собственныхъ слезъ вашихъ, видя теперь радость, блистающую на лицахъ вашихъ, отъ таинственнаго соединенія съ Божественнымъ женихомъ душъ

и сердецъ, и заключая изъ того о благомъ состояніи всего существа вашего, и мы, братіе, не можемъ не имѣть теперь и не изречь въ слухъ вашъ благожеланія Синайскаго: *кто дастъ, еже тако быти сердцу вашему въ васъ*, не нынѣ токмо, но и *во вся дни?* Кто сдѣлаетъ, чтобы вы навсегда остались такими, каковы теперь: съ тою же чистотою души и сердца, съ тою же святостію мыслей и желаній, съ тѣмъ же смиреніемъ и преданностію?

И кто же можетъ дать намъ это кромѣ Тебя, отъ Кого исходитъ всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ? Ты ниспослалъ благодать положить намъ начало покаянія; Ты же даруй силу продолжать и совершить начатое. *Самъ утверди, еже сотворилъ еси въ насъ!*

Но, за Господомъ и благодатною помощію Его не станетъ дѣло, возлюбленные! Если и земледѣлецъ не оставляетъ поля трудовъ своихъ, доколѣ не созрѣетъ на немъ все посѣянное и не будетъ собрано въ житницу: тѣмъ паче Премудрость Божія не оставитъ душъ и сердецъ вашихъ особенною помощію, не возрастивъ на нихъ всего *жита правды* * и не собравъ съ нихъ всѣхъ плодовъ вѣры и любви.

Все сомнѣніе, вся опасность отъ насъ самихъ: сохранимъ ли мы сѣмена вѣры и любви? Дадимъ ли имъ безпрепятственно возрастать въ насъ и плодоносить? Не попустимъ ли потоптать ихъ безсловеснымъ животнымъ — низкимъ страстямъ плоти, или позобать птицамъ небеснымъ — суетнымъ превознощеніемъ ума и гордости житейской.

Посему-то, возносивъ досель молитвы и прошенія о васъ, теперь мы почитаемъ за долгъ обратиться съ при-

---

* 2 Кор. IX, 10.

лежнымъ моленіемъ къ вамъ самимъ о томъ, чтобы вы, оставивъ видимое и временное говѣніе, не прекращали духовнаго бодрствованія надъ собою и попеченія о душѣ своей, чтобъ употребили всѣ возможныя средства продлить и укрѣпить на всегда въ себѣ то святое расположеніе духа и сердца, въ коемъ находитесь теперь, и чтобы занялись симъ святымъ дѣломъ немедленно, по выходѣ изъ сего храма: ибо что было бы съ растеніемъ, возращеннымъ съ великимъ трудомъ въ теплицѣ, еслибъ его вдругъ вынести на холодъ зимній? Оно потеряетъ всѣ цвѣты и увянетъ въ нѣсколько минутъ, Тоже будетъ и съ цвѣтомъ чистоты и невинности душевной, расцвѣтшимъ во время покаянія и исповѣди; если изшедъ отсюда, вы начнете продолжать прежній образъ жизни, и предадитесь грѣховнымъ привычкамъ; или пойдете тѣми же стропотными путями, коими ходили, или паче, на коихъ непрестанно падали прежде.

Но, вы не поступите такъ, возлюбленные, и не будете врагами самимъ себѣ! А потому, возвратясь въ свои домы, прилежно размыслите, какъ вамъ начать вести себя отселѣ, что совершенно оставить изъ прежняго образа жизни, что вновь принять и что измѣнить? Обдумавъ будущее поведеніе свое, вы тотчасъ, не отлагая до другаго времени, начнете вести себя такъ, какъ рѣшились. Живя новою жизнію, вы не оставите по временамъ, подвергать себя строгому испытанію въ успѣхѣ и немедленно исправлять всякое уклоненіе отъ цѣли.

Настоящій великій и святый Постъ есть самое лучшее время для таковаго утвержденія себя навсегда въ вѣрѣ и благихъ нравахъ уже потому, что въ продолженіе его многіе соблазны міра вовсе не существуютъ для насъ, или теряютъ силу. Посему вы будете имѣть всю удобность

немедля заняться великимъ дѣломъ вашего спасенія, и, при помощи Божіей, совершить его, какъ должно. Не пренебрегите же симъ, возлюбленные! Оставьте, если неизбѣжно, всѣ прочія дѣла, и займитесь симъ единымъ; ибо что пользы, если вы пріобрѣтете весь міръ, а погубите душу свою? Лучше потерять все, даже потерпѣть все, нежели умереть во грѣхахъ. А кто знаетъ, далеко ли каждый изъ насъ отъ своего часа послѣдняго? О, какъ отрадно будетъ съ чистою душею и сердцемъ вступить въ великую седмицу страданій Христовыхъ! Съ какою неизъяснимою радостію срѣтится тогда свѣтлый праздникъ Воскресенія Господня! Ибо, вы будете тогда праздновать не возстаніе токмо Господа изъ гроба, какъ было прежде, а и свое собственное воскресеніе отъ смерти грѣховной, которая доселѣ не давала вамъ вкусить ни одной истинной радости.

Мы же, какъ въ продолженіе сея седмицы молились, такъ и во все продолженіе св. Поста будемъ молитвенно взывать къ Господу, да Онъ Самъ, *начный дѣло благо въ васъ*, и совершитъ е Своею всемощною благодатію! Аминь.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ ПРАВОСЛАВІЯ.

Пречистому образу Твоему покланяемся,
Благій, просяще прощенія прегрѣшеній нашихъ.

И какъ не покланяться тому образу, который представляетъ намъ дражайшаго Спасителя нашего въ томъ видѣ, какъ Онъ, Богъ сый безпредѣльный, изъ любви къ намъ бѣднымъ грѣшникамъ, облекся плотію нашею и содѣлался навсегда, яко единъ отъ насъ?—Какъ не чествовать и не лобызать съ благоговѣніемъ тотъ образъ, предъ коимъ благоговѣютъ Архангелы и Ангелы, коего трепещутъ духи злобы, въ коемъ природа наша красуется всею славою Божества? Если мы дорожимъ изображеніями людей, близкихъ къ нашему сердцу, или великихъ благодѣтелей человѣчества; любимъ часто смотрѣть на нихъ; ставимъ ихъ на самыя почетныя мѣста, а иногда и лобызаемъ ихъ: то какъ не хранить и не чтить образъ Того, Кто пролилъ за насъ на крестѣ кровь Свою, Кто освободилъ насъ отъ грѣха и смерти вѣчной, возвратилъ намъ рай и доставилъ царство небесное?

Было однакоже время, когда это поклоненіе стоило крови и жизни покланяющимся, когда не только покланяться образу Спасителя, даже имѣть его у себя вмѣнялось

за преступленіе самое тяжкое. И такъ поступаемо было не у язычниковъ, не у Магометанъ, не у Евреевъ, а между Христіанами, въ державѣ, издревле славившейся усердіемъ къ вѣрѣ и уставамъ Церкви!—И такое безуміе продолжалось не годъ, не два, не три, а болѣе ста лѣтъ!.. Когда представляешь теперь себѣ все это, то не знаешь, что думать и чѣмъ изъяснить ослѣпленіе столь ужасное!

Ибо, что такое сдѣлали св. Иконы, чтобъ имъ быть предметомъ гоненія столь лютаго и продолжительнаго? Что нѣкоторые изъ Христіанъ, по простотѣ своей, простирали благоговѣніе и усердіе свое къ нимъ до излишества, останавливаясь мыслію своею на изображеніи, вмѣсто того, чтобъ восходить чрезъ него къ изображаемому? Но по этой же причинѣ надобно было бы сокрушить всѣ иконы и въ великомъ храмѣ природы; надлежало бы погасить на небѣ солнце, луну и всѣ звѣзды, а на землѣ истребить источники и рѣки, горы и лѣса, самыхъ животныхъ; ибо все это бывало, и доселѣ служитъ для цѣлыхъ народовъ, предметомъ не только суевѣрнаго почтенія, но и обожанія. И однакоже храмъ природы, не смотря на такое злоупотребленіе, доселѣ полонъ иконами, какъ былъ въ началѣ мірозданія. Зачѣмъ-же близорукой мудрости земной не подражать было въ семъ отношеніи мудрости небесной?

Много ли впрочемъ изъ самыхъ простыхъ Христіанъ такихъ, кои какую-бы то ни было икону принимали прямо за лице, ею изображаемое, и думали, что древо и краски составляютъ самое Божество? Такого человѣка надобно долго искать, и, сыскавъ, при надлежащей бесѣдѣ съ нимъ, рѣдко не окажется противнаго, то есть, что онъ не умѣетъ только выразить своихъ понятій, какъ должно, а не то, чтобы не умѣлъ отличить иконы отъ лица, ею изображаемаго. Что же касается до другихъ людей, самыхъ прос-

тыхъ и непросвѣщенныхъ, то ихъ усердіе и любовь къ св. Иконамъ могутъ казаться нѣкоторымъ простирающимися до излишества именно потому, что въ этихъ судіяхъ самихъ слишкомъ уже мало усердія не только къ св. Иконамъ, а и къ св. лицамъ, на нихъ изображеннымъ.

И развѣ нѣтъ цѣлаго сословія Пастырей и Учителей Церкви, которое на то истое и учреждено, дабы вразумлять погрѣшающихъ, руководствовать немощныхъ? При такомъ руководствѣ, св. Иконы суть одно изъ наилучшихъ средствъ къ наученію Православнаго народа св. истинамъ вѣры. Это самыя вразумительныя письмена для тѣхъ, кои не знаютъ письменъ. Поелику же таковыхъ всегда и вездѣ большая часть: то лишить храмы св. Иконъ, значитъ лишить цѣлый народъ одного изъ самыхъ дѣйствительныхъ способовъ къ наставленію его въ вѣрѣ. Что можетъ сравниться съ назидательностію св. храма, украшеннаго, по надлежащему, св. Иконами?—Вступая въ священное окружіе его, человѣкъ невольно отдѣляется мыслію и чувствами отъ всего грѣховнаго міра; вступаетъ какъ бы въ видимое сообщество святыхъ; преносится духомъ въ Церковь праведниковъ, на небесѣхъ написанныхъ. Что ни взоръ, то благочестивая мысль или святое чувство. Благоразумно ли закрыть сей источникъ святаго воодушевленія? — И чѣмъ замѣнить его? искусственными ли колонами, картинами, изображеніями предметовъ природы?—Но они возбудятъ въ тебѣ удивленіе къ художнику, а не къ Господу; тогда какъ Икона, даже безъискусственная, прямо заставляетъ думать о Святомъ. Не предъ иконами ли и не ихъ ли дѣйствіемъ рѣшалась судьба людей, даже цѣлыхъ народовъ?—Вспомните Марію Египетскую: кто возбудилъ въ душѣ ея святое дерзновеніе обѣщать предъ Богомъ исправленіе своей жизни? Взоръ на икону Богоматери, стоявшую

надъ дверьми храма Іерусалимскаго. Равно не память ли о сей иконѣ и обѣтѣ, предъ нею произнесенномъ, поддерживала ея потомъ въ продолженіе четыредесятилѣтнихъ, неимовѣрныхъ подвиговъ пустынныхъ?—Судьба всего нашего отечества въ отношеніи къ Вѣрѣ такъ же рѣшилась, можно сказать, не чѣмъ другимъ, а святою Иконою. Ибо, что особенно подѣйствовало на Св. Владиміра, въ пользу Восточнаго Православія, когда онъ колебался и недоумѣвалъ въ избраніи вѣры? — То, что Греческій философъ, убѣждавшій его къ принятію Христіанства, заключилъ убѣжденія свои представленіемъ предъ Великаго Князя картины страшнаго Суда. Св. Икона прекратила наше колебаніе; св. Икона сдѣлала насъ Христіанами, и притомъ Православными. Послѣ сего, если бы и всѣ прочіе народы Христіанскіе, по неразсудной гордости, престали покланяться Иконамъ: то Православному Отечеству нашему, изъ одной благодарности, подобало бы никогда не оставлять къ нимъ должнаго почтенія.

И какъ перестать почитать св. Иконы, когда употребленіе ихъ утверждено примѣромъ самаго Іисуса Христа и Его Апостоловъ? Когда важность и святость ихъ запечатлѣны чудесами и знаменіями отъ нихъ происходящими? Если бы поклоненіе иконамъ было противно духу вѣры и благочестія; то Спаситель не сталъ бы отпечатлѣвать лица Своего на убрусѣ, и не послалъ бы его къ Авгарю: ибо могъ ли Авгарь не облобызать сего Образа и не поклониться ему? равно какъ могъ ли Пославшій не знать, что сдѣлаютъ съ тѣмъ, что послано? — Если бы изображенія Святыхъ заключали въ себѣ что либо не святое; то Евангелистъ Лука не подалъ бы первый примѣра изображать на Иконѣ лице Богоматери: ибо ему, водимому Духомъ Святымъ, нельзя было не предвидѣть, что ликъ Бо-

гоматери, изъ подъ его Апостольской кисти, не замедлитъ сдѣлаться предметомъ всеобщаго благоговѣнія, и что примѣръ живописующаго Евангелиста не останется безъ подражателей въ Церкви Христовой. Наконецъ, если бы иконопочитаніе было не сообразно съ свойствомъ Новаго Завѣта; то благодать Св. Духа не избирала бы Иконъ въ видимое орудіе своихъ чудесныхъ дѣйствій, совершая чрезъ нихъ различныя исцѣленія. Такъ мыслили древніе защитники иконопочитанія, и проливали за св. Иконы кровь свою. А мы, братіе, покланяясь невозбранно св. Иконамъ, будемъ проливать предъ ними, по крайней мѣрѣ, благодарственныя молитвы за то, что Промыслъ Божій не далъ злу иконоборства утвердиться въ Православной Церкви, какъ оно утвердилось, къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ обществахъ Христіанскихъ.

Но, что пріобрѣли сіи общества, отвергнувъ необдуманно почитаніе св. Иконъ? Возвысились въ понятіяхъ о предметахъ Вѣры? Напротивъ, видимо приблизились къ опасности потерять Вѣру въ самые существенные догматы Христіанства и охладѣли въ чувствѣ до того, что съ равнодушіемъ слушаютъ и читаютъ самыхъ ожесточенныхъ хулителей имени Христова. Гдѣ же мнимая выгода отъ неиконопочитанія? Развѣ въ томъ, что храмы начали походить своею внутренностію на мѣста простыхъ собраній, такъ что ихъ завсегда тотъ-часъ можно обратить на какое угодно употребленіе?... И недальновидные, обнаживъ безразсудно Церковь свою, думали укрыться съ сею наготою подъ сѣнію заповѣди Моисеевой, *не сотвори себѣ кумира, ни всякаго подобія! да не поклонишися имъ, ни послужиши имъ**!* Но Богомудрый Законодатель Еврейскій

* Исх. XX, 4.

запрещаетъ, очевидно, тѣ кумиры и изваянія, кои были въ употребленіи у язычниковъ, и представляли собою ихъ божества нечистыя, но не запрещаетъ священныхъ изображеній предметовъ святыхъ. Доказательствомъ послѣдняго суть златыя изображенія Херувимовъ, кои, по повелѣнію самаго Бога, поставлены Моисеемъ въ скиніи свѣдѣнія, и притомъ въ святѣйшемъ ея мѣстѣ — надъ ковчегомъ Завѣта, куда именно обращались лицемъ всѣ молящіеся.

И кто изъ насъ, устроя икону, думаетъ творить кумиръ или подобіе Божіе? Кто надѣется изобразить безпредѣльнаго и неописаннаго? Мы только напишемъ тѣ образы, въ коихъ Господь и Создатель нашъ благоволилъ видимо являться намъ, Своимъ тварямъ. Такъ мы изображаемъ Бога Отца въ видѣ старца, потому что Онъ въ видѣніяхъ Пророка Даніила представляется ветхимъ деньми. Такъ изображаемъ Св. Духа въ видѣ голубя, и въ видѣ огненныхъ языкъ; потому что въ первомъ видѣ Онъ сошелъ на Сына Божія во Іорданѣ, а во второмъ—на Апостоловъ въ день Пятидесятницы. Что тутъ предосудительнаго? Что касается до Сына Божія, Спасителя нашего, то можно ли не изображать Его въ образѣ человѣческомъ, когда Онъ принялъ сей образъ на себя на всю вѣчность? А изображая тако, можно ли не покланяться сему образу, когда Имъ спасены мы и весь міръ?

И такъ съ какой стороны ни разсматривать почитаніе св. Иконъ, оно представляется достойнымъ всякаго уваженія, однимъ изъ благолѣпныхъ украшеній Церкви, изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ назиданію въ вѣрѣ и добрыхъ нравахъ. Послѣ сего остается только съ благодарностію правильно пользоваться симъ средствомъ, стоившимъ такъ дорого защитникамъ иконопочитанія, кои полагали, и многіе положили, за него души своя. То есть, какъ

пользоваться?—Обращая молитвы, прошенія и благодаренія свои нестолько къ Иконамъ, сколько чрезъ нихъ къ тѣмъ св. лицамъ, кои на нихъ изображены; — возбуждаясь зрѣніемъ святыхъ лицъ и ихъ святыхъ подвиговъ, на иконахъ изображенныхъ, къ подражанію ихъ Вѣрѣ и добродѣтелямъ; — не простирая чествованія св. Иконъ до обоженія вещества, ихъ составляющаго, и не приписывая имъ другихъ необыкновенныхъ качествъ, кромѣ тѣхъ, кои зависятъ отъ невидимой благодати Божіей, чрезъ нихъ дѣйствующей.

Пользующіеся такимъ образомъ св. Иконами, по опыту знаютъ, какая великая польза отъ того душѣ; а непользующіеся, не удивительно, если не знаютъ сего. Послѣднимъ посему можно и должно сказать и теперь тоже, что сказано было, какъ повѣствуетъ нынѣ чтенное Евангеліе, Апостоломъ Андреемъ, брату его Наѳанаилу: *пріиди и виждь**!* Аминь.

* Іоан. 1, 46.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ ПРАВОСЛАВІЯ.

Чтобы это значило, что возглашаемыя нынѣ Церковію анаѳемы, всѣ упадаютъ на суемудріе и ереси, и ни одна не поражаетъ нечестія и порока? Ужели жизнь нечестивая менѣе противна Евангелію, нежели вѣра неправая?— Нѣтъ, порокъ нераскаянный еще преступнѣе невѣрія упорнаго. Если же онъ не поражается нынѣ анаѳемою; то потому, что о преступности его никогда не было и спору; ибо всѣ и всегда, и православные и самые еретики, единодушно признавали, что жизнь беззаконная и нечестивая, сама по себѣ, есть уже анаѳема.

Не довлѣетъ ли убо посему одному обстоятельству поразиться стыдомъ и ужасомъ всякому нераскаянному грѣшнику? Но, чтобы спасительный страхъ сей былъ тѣмъ сильнѣе и дѣйствительнѣе, раскроемъ св. Писаніе и прочитаемъ изъ него тѣ мѣста, въ коихъ изрекается горе и проклятіе на грѣхъ и пороки.

Послушаемъ во первыхъ вождя народа Божія, Законодателя Синайскаго, Моисея. Онъ, по свидѣтельству слова Божія, былъ человѣкъ *кротчайшихъ, паче всѣхъ, сущихъ на земли**. Что же говоритъ сія кротость грѣшникамъ? *Про-*

* Числ. XII, 3.

клятъ безчестяй отца своего, или матерь свою: и рекутъ вси людіе: буди. Проклятъ прелагаяй предѣлы ближняго своего! Проклятъ прельщаяй слѣпаго въ пути! Проклятъ, иже уклонитъ судъ пришельцу и сироти и вдови. Проклятъ біяй ближняго съ лестію! Проклятъ, иже возметъ дары поразити душу крове неповинныя! Проклятъ всякъ человѣкъ, иже не пребудетъ во всѣхъ словесѣхъ закона, еже творити я; и рекутъ вси людіе: буди!* Вотъ что и въ другомъ мѣстѣ говоритъ Моисей, или лучше, его устами самъ Господь ко всему народу Израильскому: *и будетъ, аще не послушаеши гласа Господа Бога твоего, хранити и творити вся заповѣди Его, яже азъ заповѣдаю тебѣ днесь; и пріидутъ на тя вся клятвы сія и постигнутъ тя. Проклятъ ты во градѣ, проклятъ ты на селѣ: прокляты житницы твои, и останки твои: проклята исчадія утробы твоея, и плоды земли твоея, стада воловъ твоихъ, и паствы овецъ твоихъ; проклятъ ты, внегда входити тебѣ, и проклятъ ты внегда исходити тебѣ!***

Видите, сколько анаѳемъ, и за что онѣ? Не за ереси и расколы, а за нарушеніе закона Божія, за жизнь, во грѣхахъ нераскаянную.

Но, можетъ быть, такая строгость противъ порока была принадлежностію одного Ветхаго Завѣта, который, сообразно строгому внутреннему характеру своему, и данъ былъ на Синаѣ, среди молній, бурь и громовъ; можетъ быть, въ Завѣтѣ Новомъ, яко Завѣтѣ милости и благодати, менѣе ужаса и страха для грѣшника нераскаяннаго, такъ что, по надеждѣ на заслуги Христовы, можно до конца жизни предаваться безпечно своимъ похотямъ и страстямъ. Но, братіе мои, мыслить такимъ образомъ не зна-

---

* Второзак. XXVII, 16—26. ** Второзак. XXVIII 15—19.

чило ли бы не понимать, унижать, оскорблять достопокло-няемую благодать Божію, и, по страшному выраженію Апостола Христова, *прелагать* ее *въ скверну?** Ибо, ска-жемъ и мы вмѣстѣ со св. Павломъ: *Христосъ грѣху ли служитель? да не будетъ!*** Если въ Новомъ Завѣтѣ бла-годать *преизбыточествова* тамъ, *идѣже умножися грѣхъ;**** то не для того, чтобы симъ преизбыточествомъ своимъ питать и укрѣплять въ человѣкахъ бѣззаконіе, а чтобы подавить его, изгладить и упразднить. Кровь Іисуса Хри-ста очищаетъ и спасаетъ отъ всякаго грѣха: но кого? не всякаго грѣшника, а только тѣхъ, кои, сокрушаясь о своихъ грѣхахъ, и пріемля во имя Искупителя прощеніе въ нихъ, употребляютъ и съ своей стороны всѣ сред-ства къ освобожденію себя отъ постыднаго плѣна страстей. Для грѣшниковъ же нераскаянныхъ и въ Новомъ, такъ же какъ и въ Ветхомъ Завѣтѣ, нѣтъ ни благодати, ни помилованія.

Чтобы сіи грозныя истины не показались кому либо нашимъ собственнымъ разсужденіемъ, обратимся паки къ Писанію, и послушаемъ, что въ Новомъ Завѣтѣ говорит-ся противъ пороковъ. *Горе вамъ, книжницы, фарисеи лицемѣри, яко одесятствуете мяту и копръ и киминъ, и остависте вящшая закона: судъ, милость и вѣру!***** Вотъ анаѳема противъ ложной набожности! *Горе вамъ, книжницы, фарисеи лицемѣри, яко подобитеся гробомъ по-бѣленнымъ, иже внѣуду являются красны, внутрѣуду же полни костей мертвыхъ и всякія нечистоты!****** Вотъ судъ на лицемѣріе! *Горе, имъже соблазнъ приходитъ! Унѣе есть человѣку тому, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его и потонетъ въ пучинѣ морстѣй!******* Вотъ ана-

* Іуд. 3. — ** Гал. II, 17. — *** Рим. V, 20. — **** Мат. XXIII, 23. — ***** Мат. XXIII, 27. — ****** Мат. XVIII, 6.

оема на соблазнителей! *Горе вамъ богатымъ, яко отстоите утѣшенія вашего!* Вотъ судъ на богачей неправедныхъ и жестокосердыхъ! *Горе вамъ насыщеннїи нынѣ; яко взалчете!* Вотъ приговоръ противъ сыновъ роскоши и нѣги! *Горе вамъ смѣющїеся нынѣ, яко возрыдаете и восплачете!* Вотъ громъ противъ безумныхъ радостей мірскихъ! *Горе, егда добрѣ рекутъ вамъ вси человѣцы!** Вотъ стрѣла противъ тщеславія и суетной похвалы человѣческой!

Видите, съ какою силою и строгостію поражается въ Новомъ Завѣтѣ даже то, что, по суду міра, не только не ставится въ порокъ, но почитается иногда за добродѣтель. И изъ чьихъ устъ исходитъ столько горя и осужденія? Изъ устъ сладчайшаго Іисуса, изъ устъ Того, Кто Самъ есть и единственный виновникъ и податель всякой благодати. Онъ ли произнесетъ горе излишнее?

Хотите ли еще выслушать, что говоритъ о грѣшникахъ Ап. Павелъ, тотъ Апостолъ, который столько исполненъ былъ любви къ ближнимъ, что желалъ за спасеніе погибавшей братіи своей самъ быть отлученнымъ отъ Христа? Павелъ поражаетъ анаѳемою не только явный порокъ и явную нераскаянность, но и самую холодность къ вѣрѣ, недостатокъ сердечнаго расположенія и любви къ Господу и Спасителю нашему. *Аще кто не любитъ Господа Іисуса,* говоритъ онъ, *да будетъ проклятъ!*** Послѣ сего какой грѣхъ и какой порокъ будутъ свободны отъ анаѳемы? Ибо, любитъ ли Господа Іисуса тотъ пастырь, который служитъ Алтарю потому только, что питается отъ Алтаря, и нерадитъ о спасеніи душъ, ему ввѣренныхъ? И такъ, онъ подъ анаѳемою Павловою! Любитъ ли Господа Іисуса тотъ судія, для котораго на судѣ дороги не правда и

---

* Лук. VI, 24—26. — ** I Кор. XVI, 22.

невинность, а мзда и лицепріятіе? И такъ, онъ подъ анаѳемою Павловою! Любить ли Господа Іисуса тотъ властелинъ, который кровавые труды подвластныхъ себѣ расточаетъ на роскошь и прихоти? И такъ, онъ подъ анаѳемою Павловою! Любитъ ли Господа Іисуса тотъ богачь, который, имѣя всю возможность облегчить участь меньшей братіи своей и вмѣстѣ Христовой, жестокосердо *затворяетъ утробу свою*,* при видѣ брата требующаго? И такъ, онъ подъ анаѳемою Павловою! Любитъ ли Господа Іисуса отецъ, нерадѣющій о воспитаніи дѣтей и подающій имъ примѣръ худой? Супругъ, не соблюдающій взаимной вѣрности и не переносящій взаимныхъ недостатковъ? Дѣти, не оказывающія уваженія родителямъ и старшимъ? Любятъ ли Господа Іисуса всѣ невоздержные, всѣ гнѣвливые, всѣ злорѣчивые, всѣ гордые, всѣ грѣшники? И такъ, всѣ они подъ анаѳемою; ибо, *аще кто не любитъ Господа Іисуса*, тотъ, по словамъ св. Павла, *проклятъ!* И что же обѣщать таковымъ душамъ нераскаяннымъ? Ужели рай и блаженство на небесахъ?

Скажетъ ли кто либо, что *жестоко есть слово сіе?*** Но для кого оно жестоко? Для тѣхъ, кои не хотятъ любить Того, Кто Самъ есть весь любовь. Кто умеръ за грѣхи наши и воскресъ для оправданія нашего. И что же остается таковымъ, какъ не судъ и осужденіе за грѣхи ихъ?— Для кого жестоко сіе слово? Для тѣхъ, кои до того прилѣпились къ соблазнамъ міра, до того заглушили въ себѣ гласъ совѣсти и закона, что рѣшились, какъ видно, навсегда продолжать жизнь нечистую и богопротивную.

Возблагодаримъ лучше Господа, что отъ насъ не сокрыта ужасная участь, ожидающая грѣшниковъ, и ясно

---

* I Іоан. III, 17.— ** Іоан. VI, 60.

показано, что, въ случаѣ нераскаянности, постигнетъ насъ за гробомъ. Если сама любовь небесная гремитъ надъ нами громомъ анаѳемы; то для того, чтобы возбудить насъ отъ смертнаго сна грѣховнаго. Будемъ признательны къ сей заботливости о насъ; и, возвратившись въ домы наши, вмѣсто того, что бы предаваться праздным разговорамъ о томъ, какъ возглашалась во храмѣ анаѳема, разсмотримъ, не подлежитъ ли анаѳемѣ что либо въ нашихъ нравахъ и нашей жизни: и, если найдемъ что либо таковое, поспѣшимъ удалить отъ себя, какъ бы то ни казалось намъ любезнымъ и драгоцѣннымъ; дабы въ противномъ случаѣ не подпасть наконецъ той страшной анаѳемѣ, отъ коей уже не будетъ спасенія—въ самомъ покаяніи и заслугахъ Христовыхъ. Аминь.

СЛОВО

БЪ НЕДѢЛЮ ПРАВОСЛАВІЯ.

Священнодѣйствіе, намъ теперь предстоящее, такъ разительно само по себѣ, столько содержитъ въ себѣ силы и назиданія, что не имѣетъ никакой нужды въ помощи отъ нашего слова. Думать, что ему можно придать что либо посредствомъ витійства, значило бы тоже, какъ если бы, при наступленіи тучи кто либо вообразилъ, что силу небесныхъ громовъ можно увеличить шумомъ своихъ устъ. Но, можетъ быть, не безполезно будетъ для нѣкоторыхъ, если мы объяснимъ кратко и скажемъ, откуда возникла сія, благотворная сама по себѣ, но страшная и громоносная туча, и почему она ежегодно появляется въ настоящій день на ясной и мирной тверди Церкви Христовой.

Когда Богопротивныя ереси, возстававшія безумно противъ Божественности лица Сына Божія и Пресвятаго Духа, пали и принуждены были возвратиться въ свое ничтожество; то врагъ Бога и человѣковъ, не могши уязвить самыхъ достопокланяемыхъ лицъ Божества, вздумалъ напасть на ихъ священныя изображенія въ Церкви, и, во утѣшеніе себя, измыслилъ злочестивую ересь иконоборства. Для успѣха въ злобномъ замыслѣ, онъ, по обыкновенію своему, преобразился въ Ангела свѣтла, принялъ личину святой ревности, яко бы по чистотѣ вѣры Христіан-

ской, внушая, что поклоненіе св. Иконамъ поставляетъ Христіанина на ряду съ идолопоклонниками. Напрасно Богомудрые Пастыри Церкви учили и утверждали, что св. Иконы отнюдь не то, что истуканы идольскіе,—что почесть, имъ воздаваемая, воздается не бездушному веществу, не древу и краскамъ, а переходитъ на первообразное, то есть, на св. лица, ими изображаемыя. Ослѣпленные духомъ тьмы, иконоборцы не хотѣли видѣть и слышать истины. Улучивъ въ свои руки власть, они не замедлили отъ слабыхъ и ничтожныхъ возраженій своихъ обратиться къ насиліямъ и гоненію на православныхъ, кои лучше соглашались разстаться съ жизнію, нежели съ св. Иконами. Начались жестокости и казни, напоминавшія собою первыя времена мученичествъ за Христа. Однимъ изъ любимыхъ варварствъ у гонителей св. Иконъ было—начертывать ихъ изображенія, посредствомъ раскаленнаго желѣза, на лицѣ ихъ почитателей:—отсюда въ ликѣ святыхъ Ѳеодоры и Ѳеофаны, такъ называемые, Начертанные.

Можетъ быть, насиліе и обольщеніе взяли бы наконецъ верхъ надъ слабостію человѣческою. Но, Тотъ, Кто основалъ и утвердилъ Церковь Свою не чуждыми заслугами, а кровію Своею, и ввѣрилъ судьбу ея не мудрости и произволу человѣческому, а вседѣйствующему промышленію Духа истины, Тотъ не попустилъ чадамъ ея искуситься паче, нежели могли понести, но со искушеніемъ сотворилъ и *избытіе**. Послѣ долговременной и упорной борьбы истины съ заблужденіемъ, власть и могущество гражданскія перешли наконецъ изъ рукъ Еретиковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла и вся сила ереси. Св. Иконы, омы-

* 1 Кор. X, 13.

тыя кровію св. Исповѣдниковъ, явились въ большей прежняго красотѣ. Чтобы увѣковѣчить побѣду Православія надъ его врагами, св. Церковь постановила ежегодно воспоминать и праздновать возстановленіе св. Иконъ въ настоящій день, яко день перваго, по сему случаю, торжества ея. А для того, чтобы посѣченные мечемъ Слова Божія и прежнія среси не дерзнули со временемъ поднять снова мрачной главы своей, положено ежегодно же въ настоящій день поражать каждую изъ нихъ снова анаѳемою.

Такимъ образомъ воздвигнутое духомъ злобы гоненіе на св. Иконы обратилось къ величайшему его посрамленію и послужило на утвержденіе не только св. Иконъ, но и всѣхъ истинъ вѣры Христіанской. Не безъ важной посему причины и не безъ благотворной цѣли гремитъ нынѣ анаѳема. Она гремитъ для того, дабы вѣрные чада Церкви еще болѣе утвердились въ своей вѣрѣ; дабы невѣрные и легкомысленные имѣли побужденіе притти въ себя и возвратиться на путь правый.

Будемъ же, братіе, присутствовать при семъ священнодѣйствіи въ томъ самомъ духѣ, съ коимъ установила его св. Церковь. Обратимъ вниманіе на свой образъ мыслей о предметахъ вѣры: и если онъ въ чемъ либо не согласенъ съ правиломъ вѣры, указуемымъ Церковію, поспѣшимъ оставить неправое. А тѣ, у коихъ драгоцѣнный залогъ вѣры обрящется цѣлъ и невредимъ, да проліютъ вмѣстѣ съ Церковію теплыя молитвы о возвращеніи на путь правый заблудшихъ братій своихъ. Ибо Церковь Христова, яко нѣжная матерь, не хочетъ погибели никому изъ самыхъ строптивыхъ чадъ своихъ, но да вси пріидутъ въ покаяніе и единство вѣры и любви. Аминь.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ ПРАВОСЛАВІЯ.

Если бы кто изъ непочитающихъ св. Иконы принялъ трудъ быть свидѣтелемъ настоящаго нашего Богослуженія и видѣть, что совершается нынѣ въ храмахъ нашихъ въ честь св. Иконъ: то, вѣроятно, не усомнился бы признать, что нельзя оказать имъ почтенія болѣе того, какое оказывается нами. Ибо, мы не только воспѣваемъ нынѣ въ честь св. Иконъ множество пѣсней хвалебныхъ; не только износимъ ихъ съ торжествомъ на среду храма и совершаемъ предъ ними благоговѣйное поклоненіе; но и возглашаемъ наконецъ грозную анаѳему противъ тѣхъ, кои дерзаютъ, по неразумію, сравнивать св. Иконы съ истуканами языческими.

Но, братіе мои, среди нашего торжества въ честь св. Иконъ, мнѣ слышится нѣкая жалоба на насъ отъ сихъ же св. Иконъ. Возносится она, правда, не изъ храмовъ, а изъ домовъ, и при томъ не всѣхъ: но жалоба св. Иконъ, откуда бы она ни происходила, стоитъ быть выслушанною, особенно въ день настоящій.

Въ чемъ состоитъ она?—Въ томъ, отвѣчаютъ св. Иконы, что изъ нѣкоторыхъ христіанскихъ домовъ мы уже вовсе изгнаны; а въ нѣкоторыхъ, хотя и остаемся до времени, но приведены въ такое стѣсненное положеніе, что почти лучше намъ не быть въ нихъ, дабы избавить

и себя отъ уничиженія, и владѣльца дома отъ тяжести, которую мы составляемъ для него.

Хотя жалоба отъ св. Иконъ могла бъ быть принятою и уваженною безъ особеннаго предварительнаго разслѣдованія: но, чтобы явить совершенное безпристрастіе, пойдемъ въ сіи домы—взойдемъ, напр., въ этотъ. Но, тутъ, кажется, должно быть противное: ибо домовладыка любитъ изображенія; ими увѣшаны всѣ стѣны; даже мнимыя побѣды надъ нами Галловъ нашли себѣ тамъ, и не малое, мѣсто. Ужели не найдется его тутъ хотя для одной св. Иконы? Увы, смотрю во всѣ стороны и не нахожу ни единой! Чтобы значило это? Не перемѣнилъ ли хозяинъ дома своей вѣры? Нѣтъ, онъ по прежнему пишется Православнымъ Христіаниномъ. Такъ, можетъ быть, у него недостатокъ въ Иконахъ... Но, кто пріобрѣлъ десять Наполеоновъ, тотъ могъ пріобрѣсть одного Спасителя или Матерь Его.... Навожу справку: оказывается, что многими Иконами снабдило хозяина дома еще благочестіе предковъ его. Куда же онѣ дѣвались? Проданы или сокрыты. —Отъ чего и для чего? потому, что недавно послѣдовало строгое запрещеніе имѣть, тѣмъ паче показывать въ домѣ св. Иконы. Отъ кого? отъ новой повелительницы — моды.... Ей, всевластной, не угодно видѣть въ домахъ Иконъ; и ихъ нѣтъ!

Горе сему дому—моды! Не долго цвѣсти и стоять ему твердо съ ея преиспещреннымъ ликомъ!...

Пойдемъ въ другой дворъ, напр. вотъ въ этотъ.—Есть ли въ семъ домѣ св. Иконы?—Есть, и не мало. Укажите же, гдѣ онѣ?—Вонъ тамъ.—Но ихъ не видно.—Подойдите ближе, присмотритесь и увидите. Точно, это Икона: но что значитъ такая ея малость? Скудость способовъ хозяина дома? Всего менѣе; его домъ похожъ на чертоги

владѣльческіе. Недостатокъ мѣста въ помѣщеніи? Но его, явно, стало бы не на одну Икону. Тайна въ другомъ: хотятъ имѣть Иконы,—что бы не показаться вовсе отставшими отъ святаго обычая предковъ,—но имѣть въ такомъ видѣ, чтобы это, какъ говорятъ, не бросалось въ глаза. Но, что же худаго, если св. Икона будетъ замѣтна? О, вы не знаете, это значило бы подвергнуться крайней опасности. Отъ кого? отъ той же всевластной повелительницы моды. Малую, непримѣтную Икону, она еще можетъ стерпѣть и покрыть своимъ великодушіемъ, а большой, замѣтной, уважаемой — этого преступленія она не проститъ никогда. Имѣющаго такую Икону тотчасъ, безъ суда и справокъ, почтутъ и провозгласятъ человѣкомъ худаго тона, не знающимъ вкуса, не умѣющимъ жить въ свѣтѣ.— Что же послѣ сего долго думать? Прочь прежнія, большія, видимыя Иконы! Надѣлаемъ малыхъ, невидимыхъ? Мы— люди образованные!...

Судите послѣ сего сами, братіе мои, есть ли причина подозрѣвать, что и у насъ не безъ нѣкоего гоненія на св. Иконы. Не трудно видѣть и гдѣ источникъ его, и кого должно назвать у насъ врагомъ св. Иконъ. Это не человѣкъ какой либо, какъ бывало прежде во времена иконоборства, а одно пустое и праздное имя, праздное, но ужасное по своему дѣйствію на тѣхъ, кои не имѣютъ и столько, не говоримъ усердія къ Вѣрѣ и св. Церкви, а простой и обыкновенной твердости духа, чтобы не убояться стать противъ моды!...

Что же намъ дѣлать?

Поелику нынѣ день суда Церковнаго; то, призвавъ на помощь здравый смыслъ, не усомнимся произнести хотя краткое сужденіе касательно сего предмета,—не съ тѣмъ, чтобы осуждать и упрекать кого либо, а чтобы предоста-

вить случай нѣкоторымъ, не до конца ослѣпленнымъ модою, возвратиться изъ добровольнаго, и по тому самому еще болѣе постыднаго, плѣна ея.

Скажи намъ, всевластная повелительница — мода, что сдѣлали тебѣ св. Иконы, что ты такъ враждуешь противъ нихъ? Отнимали у тебя въ жилищахъ православныхъ Христіанъ мѣсто, предназначенное тобою для чего либо, тебѣ нужнаго? Но мѣсто, которое занималось Иконами, при всей изобрѣтательности твоей, доселѣ остается пусто и ты ни чѣмъ не можешь занять его съ приличіемъ. Значитъ ты враждуешь противъ св. Иконъ напрасно.—Или, можетъ быть, присутствіе на своемъ мѣстѣ св. Иконъ отняло бы часть совершенства у твоихъ украшеній комнатныхъ, придуманныхъ по послѣднему вкусу? Но что препятствуетъ сей же самый вкусъ приложить благоговѣйно къ размѣщенію и украшенію св. Иконъ? Тогда онѣ, кромѣ назиданія, послужили бы еще къ полнотѣ благолѣпія, о коемъ столько у тебя заботы. Или, можетъ быть, ты, домовладыка, опасаешься, что какой либо иновѣрецъ изъ Иконъ въ домѣ твоемъ заключитъ, что ты почитаешь св. Иконы и принадлежишь къ Церкви Православной! А кто же изъ иновѣрцевъ и безъ того не знаетъ о семъ? Для избѣжанія сей опасности (если она уже существуетъ для тебя), надобно было бы оставить не Иконы, а самую Вѣру и Церковь. Или наконецъ не боишься ли, что бы кто либо среди увеселеній, бывающихъ въ чертогахъ твоихъ, не остановилъ своего взора на св. Иконѣ, и не опустилъ потомъ очей долу? А развѣ не бываетъ сего и отъ другихъ причинъ? Какъ бы ни умножалъ ты трубы и тимпаны, не можешь удалить сихъ причинъ отъ души человѣческой. Потерпи же на ряду съ другими и благое впечатлѣніе отъ св. Иконъ, кои, можетъ быть, твоего же

на или дочь въ подобномъ случаѣ оградятъ невидимо отъ паденія душевнаго.

Какъ вамъ, братіе, а мнѣ, сколько я ни думаю, кажется, что причинъ къ удаленію и даже къ умаленію св. Иконъ въ домахъ нашихъ нѣтъ; съ другой стороны, сколько побужденій къ возстановленію ихъ въ прежнемъ надлежащемъ видѣ! Ибо, скажи намъ еще, мода, давно ли ты появилась на свѣтъ и захватила въ свои нечистыя руки скиптръ домашняго самодержавія? Вся твоя жизнь изчисляется не многими десятками лѣтъ; а св. Иконы существуютъ у насъ отъ начала Христіанства. Какъ же ты, малолѣтнее и малограмотное дитя, не усрамишься священныхъ сѣдинъ тысящелѣтняго старца? И не ты ли притворяешь въ себѣ любовь къ древности и всякой, тѣмъ паче отечественной, роешься съ примѣрнымъ терпѣніемъ подъ землею, дабы достать, какъ сокровище, то, что за нѣсколько вѣковъ брошено было, можетъ быть, на землю, какъ негодное къ употребленію? Не слѣдовало ли бы тебѣ уже по одному этому хранить благоговѣйно св. Иконы, предъ коими молились, и въ часы счастія и въ годину искушеній, отцы и праотцы наши?—Далѣе, мода—скажи намъ, кого когда спасла ты и отъ какой избавила опасности! Гдѣ царство, тобою утвержденное? Гдѣ домъ, отъ тебя процвѣтшій? Многіе напротивъ погибли и, вѣроятно, еще множайшіе погибнутъ отъ твоихъ прихотей. Посмотри же, что сдѣлали св. Иконы? Икона Суда страшнаго обратила Великаго Князя Владиміра, и съ нимъ всю Россію, отъ идоловъ къ Богу истинному; Икона Спасителя доставила Андрею Боголюбскому побѣду надъ Болгарами; Икона Знаменія Богоматери защитила беззащитный Новгородъ; Икона Богоматери Владимірскія обратила вспять Тамерлана съ его воинствомъ; Икона Богоматери Казанскія избавила Цар-

ствующій градъ Москву отъ плѣна Литовскаго и спасла Россію. Видишь ли, мода, что сдѣлали св. Иконы? въ нихъ исторія, въ нихъ спасеніе нашего отечества. Укажи же намъ, что ты сдѣлала? А мы тотчасъ можемъ указать тебѣ на домы, прежде цвѣтущіе, а теперь, по милости твоей, покрытые стыдомъ и бѣдностію;—на семейства, прежде мирныя и благословенныя, а теперь, отъ рабства тебѣ, дошедшія до того, что сынъ возстаетъ на отца, братъ не можетъ видѣть сестры.

Но, что спорить съ бездушнымъ словомъ и убѣждать вѣтръ? обратимся къ владыкѣ дома.

И такъ ты, возлюбленный, стыдишься показать въ твоемъ домѣ св. Икону: а матерь твоя не стыдилась, когда, раждая тебя, для облегченія мукъ смертныхъ, взирала на св. Икону и поручала тебя ей въ охраненіе на всю жизнь. Ты стыдишься теперь показать въ своемъ домѣ св. Икону: а въ ту ужасную минуту, когда все оставляло тебя и ты казался погибающимъ, не ты ли становился предъ нею на колѣна, со слезами просилъ Бога о помощи, и давалъ обѣты вести себя по Христіански? Стыдишься показать въ своемъ домѣ св. Икону: а не она ли, эта Икона, теперь заброшенная во мракъ, станетъ у главы твоей на стражѣ, когда ты будешь лежать во гробѣ—мертвъ и бездыханенъ?

Не продолжимъ пренія—дѣло ясно; справка вѣрна; свидѣтели съ обѣихъ сторонъ выслушаны; возраженія разсмотрѣны: остается произнести судъ. Куда клонится ваше мнѣніе? На сторону моды или св. Иконъ? Избирайте, что хотите. Не могущій выйти изъ плѣна моды, пусть лобызаетъ ея узы: а мы начнемъ сей часъ же покланяться съ благоговѣніемъ св. Иконамъ и лобызать съ любовію изображенія Спасителя нашего и Его Пречистой Матери. Аминь.

СЛОВО

ВЪ СРЕДУ 2-й НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Душе моя, душе моя, возстани—что спиши? Конецъ приближается и имаши смутитися: воспряни убо, да пощадитъ тя Христосъ Богъ: вездѣ сый и вся исполняяй!

Кто бы вы думали, братіе мои, обращается къ душѣ своей съ сими словами умилительными? Какой либо грѣшникъ кающійся? Нѣтъ, это оный святый и блаженный мужъ, изъ подъ пера, или лучше сказать, изъ сердца коего истекло то сладко-умилительное пѣснопѣніе, коимъ такъ сильно трогались мы на вечернихъ Богослуженіяхъ прошедшей недѣли, то есть, св. Андрей Критскій.—Его ли чистая и святая душа не бодрствовала выну на стражѣ своего спасенія? къ нему ли смѣло приблизиться нерадѣніе о своей совѣсти и забвеніе часа смертнаго? Но и онъ не довѣряетъ ни своему уму, ни своей добродѣтели, а старается брать всѣ мѣры, да не поникнетъ мыслями и желаніями долу.

Не тѣмъ ли паче намъ, братіе мои, должно какъ можно чаще обращаться къ душѣ своей съ подобнымъ возбужденіемъ ея отъ сна грѣховнаго, намъ, кои такъ наклонны къ разсѣянію мірскому, къ забвенію Бога и сво-

его вѣчнаго предназначенія? Увы, всѣ мы спимъ тяжкимъ и глубокимъ сномъ,— иной гордости и честолюбія, другой роскоши и пресыщенія, тотъ сномъ злобы и лукавства, сей сномъ сребролюбія и любостяжанія, спимъ день и нощь, спимъ отъ колыбели до гроба! Въ самомъ дѣлѣ, возлюбленный собратъ, что мы дѣлаемъ съ тобою для своего спасенія? Святые подвижники проводили для сего всю жизнь въ постѣ и молитвѣ, въ трудахъ и произвольныхъ лишеніяхъ; святые мученники претерпѣли для сего всѣ роды страданій и мукъ; Пророки и Апостолы не имѣли гдѣ подклонить главы и были яко отребіе міра; а мы? мы не посвящаемъ дѣлу спасенія и столько времени, сколько тратимъ на самые ничтожные предметы нашихъ прихотей и удовольствій. Не доказательство противнаго, что посѣтимъ иногда Церковь, возмемъ въ руки какую либо душеполезную книгу, побесѣдуемъ съ кѣмъ либо о вѣрѣ и о добродѣтели, подадимъ нищему милостыню, сдѣлаемъ другое какое либо доброе дѣло, не доказательство, говорю, все это душевнаго бдѣнія и попеченія о нашемъ спасеніи. А спящіе—развѣ не дѣлаютъ различныхъ движеній во снѣ, не подаютъ иногда вида, что они какъ будто не спятъ? И они, по временамъ, и разглагольствуютъ и разсуждаютъ, и ходятъ съ мѣста на мѣсто, и даже совершаютъ иногда нѣкоторыя дѣла, требующія ума и соображеній. Подобное тому—и съ нами: малая часть добрыхъ дѣлъ, нами совершаемыхъ, точно какъ движенія человѣка во время сна. Ибо, какъ совершаются онѣ? не изъ живой и постоянной любви къ Богу и ближнему, не во имя Спасителя и Господа нашего, не по твердой рѣшимости жить и дѣйствовать, какъ заповѣдуетъ Евангеліе, а случайно, даже иногда невольно, всегда почти безъ мысли о своемъ спасеніи;—то выходятъ изъ приличій свѣтскихъ,

то изъ минутнаго увлеченія чувства и сердца, то по холодному разсчету самолюбія. При томъ, совершая по временамъ нѣсколько добрыхъ дѣлъ и такимъ образомъ закрашивая свою внѣшность, мы остаемся внутри съ прежними страстями, съ тѣмъ же сердцемъ злымъ и нечистымъ, съ тою же совѣстію спящею и немощною.

Признакъ человѣка бодрствующаго есть полное сознаніе самаго себя и предметовъ, его окружающихъ: гдѣ въ насъ это сознаніе? Насъ всѣхъ окружаетъ грѣхъ и смерть, намъ предстоитъ судъ и вѣчность; а мы вовсе не думаемъ о семъ, для насъ все это какъ бы не существуетъ.

Признакъ человѣка неспящаго—ясное ощущеніе своихъ нуждъ и потребностей и постоянная забота объ ихъ удовлетвореніи: гдѣ въ насъ это ощущеніе и эта забота? Умъ нашъ недугуетъ явнымъ невѣдѣніемъ истинъ спасенія; а мы, наполняя его всякаго рода земными познаніями, небрежемъ озарить его нетлѣннымъ свѣтомъ Христовымъ. Совѣсть наша покрыта язвами грѣха; а мы, кои врачуемъ тѣло при первой немощи его, нисколько не заботимся о врачеваніи своего внутренняго судіи. Сердце наше томится по небу и благамъ вѣчнымъ, ищетъ воды живой и не изсякающей, а мы засыпаемъ его прахомъ земныхъ заботъ, заставляемъ пить изъ сокрушенныхъ кладенцевъ или лжеименной мудрости, или чувственныхъ удовольствій.

Признакъ человѣка бодрствующаго — надлежащее исправленіе дѣлъ своего званія: но изъ насъ многіе даже не знаютъ, что самое первое и высшее званіе наше есть званіе Христіанина, что истинное, всеобщее наслѣдіе наше на небесѣхъ, что земля для насъ мѣсто странствія, тѣло-темница, смерть-освобожденіе. Что же все это какъ не сонъ духовный? И долго ли спать намъ такимъ обра-

зомъ? Долго ли блуждать намъ, не вѣдая, куда идемъ и чего достигнемъ?

Душе моя, душе моя, ты, которая у меня одна, такъ что если потеряю тебя, то лишусь всего,—ты, которая, будучи создана по образу Божію, потому самому уже превыше всего міра, и даже по паденіи твоемъ искуплена драгоцѣнною кровію Сына Божія, и предназначена къ вѣчному блаженству съ Богомъ на небѣ.—*Душе моя, душе моя, что спиши?* Для чего забываешь свою природу и достоинство, и такъ жалко отдаешь себя въ рабство плоти и крови,—въ плѣнъ міру и діаволу—врагамъ твоимъ? Почто, созданная служити Богу живу и истинну, кланяешься до земли всякому куміру страстей? Почто, предназначенная къ вѣчности, расточаешь безумно и время и таланты, тебѣ ввѣренные, на суету, не помышляя объ ожидающемъ тебя за все это отчетѣ?

Душе моя, душе моя, возстани, что спиши? Тутъ ли спать, когда предъ тобою небо и вѣчность съ разверстыми вратами? Тутъ ли спать, когда подъ тобою геенна съ духами отверженными? Тебѣ ли спать, когда вокругъ и внутрь тебя брань; когда за тебя сражается небо съ адомъ; когда всезлобный врагъ назираетъ всѣ пути твоя, напрягаетъ всѣ силы свои, чтобы настигнуть и поглотить тебя на вѣки?

Душе моя, душе моя, возстани! Оттряси сонъ отъ вѣждей твоихъ, собери разсѣянныя по суетамъ міра мысли твои, и обрати ихъ на себя самую и на твое великое предназначеніе! *Возстани!*—сбрось постыдныя узы злыхъ навыковъ, коими, какъ плѣнница, привязана ты къ землѣ и тлѣнію! Возстани и посмотри, какъ все ожидаетъ твоего пробужденія:—ожидаетъ Ангелъ хранитель, дабы не всуе находиться при тебѣ и не плакать безутѣшно о твоемъ

ожесточеніи во грѣхѣ;—ожидаетъ Церковь Божія, дабы начать врачевать тебя своими молитвами и таинствами; ожидаетъ совѣсть, дабы воспринять надъ тобою права свои и вести тебя по стезямъ правды; ожидаетъ сама смерть, дая мѣсто покаянію, дабы не быть принужденною восхитить тебя, наконецъ, со грѣхами твоими предъ страшный судъ Божій.

Ты спишь, бѣдная душа моя, а время благодати и помилованія течетъ и уходитъ невозвратно. Ты спишь, а бремя грѣховъ твоихъ растетъ и множится безъ числа и мѣры. Ты спишь, а врагъ твой бдитъ и опутываетъ тебя съ ногъ до головы новыми сѣтями. Ты спишь, а Ангелъ смерти грядетъ и конецъ твой приближается. Приблизится, настанетъ, застигнетъ, поразитъ, и что будетъ тогда съ тобою? — Помогутъ ли тебѣ блага земныя, для собиранія коихъ забывала ты Бога и жертвовала всѣмъ? — Защитятъ ли тебя отъ гнѣва Божія легкомысленные друзья и клевреты, съ коими ты проводила и губила время? Въ мудрости ли мірской и невѣріи будешь искать отрады и утѣшенія на ложѣ смертномъ? Ахъ, тогда то узнаешь во всей силѣ, какъ праведно говорили тебѣ, что *никая польза человѣку, аще пріобрящетъ весь міръ, а погубитъ душу свою!** Познаешь; но что выйдетъ изъ сего познанія? Одна скорбь лютая, одно смущеніе и отчаяніе: *и имаши смутитися! Смутитися* и отъ прошедшаго, которое предстанетъ тебѣ со всѣми грѣхами и нечистою жизнію твоею;—*смутитися* и отъ настоящаго, которое будетъ исполнено ужаса, мукъ смертныхъ и отчаянія; — *смутитися*, наконецъ, и отъ грядущаго, которое, такъ долго забываемое, отвергаемое, явится предъ тебя во всемъ грозномъ и низлагающемъ величіи своемъ.

* Мар. VIII, 36.

Для чего же, бѣдная душа моя, ждать намъ съ тобою безпечно нашей погибели? Для чего, смеживъ умныя очи, идти всю жизнь къ пропасти адской? Что мѣшаетъ намъ остановиться, подумать и возвратиться вспять, когда еще есть время къ тому? *Душе моя, душе моя, воспряни убо!* Раскрой глаза и поднимись съ грѣховнаго ложа; стань на путь закона Господня, и простри руки къ добру; рѣшись служить Богу живу и истинну, какъ ты служила доселѣ идоламъ страстей; а все прочее уже готово къ твоему спасенію. Готово Евангеліе для озаренія твоихъ мыслей во всѣхъ случаяхъ жизни; готова драгоцѣнная одежда заслугъ Христовыхъ для прикрытія твоей духовной наготы; готово тѣло и кровь Сына Божія для насыщенія твоего глада; готовъ елей и бальзамъ для уврачеванія твоихъ ранъ; готова всемогущая благодать Духа Святаго для подкрѣпленія твоихъ слабыхъ силъ; готовъ самый вѣнецъ для увѣнчанія твоихъ малыхъ подвиговъ. *Воспряни убо, да пощадитъ тя Христосъ Богъ!* Слышишь ли, какъ Онъ гласомъ Евангелія вѣщаетъ съ пренебесной вечери Своей: *и еще мѣсто есть?**—Это мѣсто для насъ съ тобою, душа моя. Поспѣшимъ же сдѣлаться его достойными; доколѣ не наступила полночь, не затворились двери чертога, не угасъ елей во свѣтильникѣ нашей жизни! Аминь.

* Лук. XIV, 22

СЛОВО

ВЪ ПЯТОКЪ 2-й НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

На рѣкахъ Вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ, внегда помянути намъ Сіона. На вербіихъ посредѣ его обѣсихомъ органы наша. Яко тамо вопросиша ны плѣнившіи насъ о словесѣхъ пѣсней, и ведшіи насъ о пмѣи: воспойте намъ отъ пѣсней Сіонскихъ! Како воспоемъ пѣснь Господню на земли чуждей? Аще забуду тебе, Іерусалиме, забвена буди десница моя. Прилпни языкъ мой гортани моему, аще не помяну тебе, аще не предложу Іерусалима яко въ началѣ веселія моего. Дщи Вавилоня окаянная, блаженъ иже воздастъ тебѣ воздаяніе твое, еже воздала еси намъ! Блаженъ, иже имѣтъ и разбіетъ младенцы твоя о камень! Пс. CXXXVI.

Послѣ псалма: *Помилуй мя Боже,* нѣтъ другаго во всей Псалтири Давидовой, который бы исполненъ былъ такого умиленія душевнаго, какъ этотъ псаломъ. Кажется, онъ написанъ не чернилами, а слезами; и долженъ быть не пѣтъ, а плаканъ. Посему то и возглашается онъ въ церкви въ тѣ недѣли, кои служатъ приготовленіемъ ко святому и великому Посту. Но нисколько не будетъ излишне, если мы и теперь, во время поста, повторимъ кратко для себя содержаніе сего умилительнаго Псалма.

Приведши себѣ такимъ образомъ на память жалкую судьбу Израильтянъ въ плѣну Вавилонскомъ, мы въ ней, какъ въ зеркалѣ, можемъ увидѣть и наше бѣдственное положеніе на землѣ—въ узахъ грѣха и страстей; а это пробудитъ въ иномъ мысль о свободѣ духовной и расположитъ искать ее у великаго Разрѣшителя всѣхъ узъ, къ чему настоящее время поста представляетъ столько средствъ для самыхъ слабыхъ вѣрою и духомъ.—И такъ, что же дѣлаютъ Израильтяне въ Вавилонѣ?

На рѣкахъ Вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ, внегда помянути намъ Сіона.

Вотъ чѣмъ занимаются плѣнники Іерусалимскіе! Вмѣсто того, чтобы строить для себя въ Вавилонѣ домы, насаждать вертограды, заниматься куплею и продажею, на что дано чрезъ Пророка разрѣшеніе отъ самаго Бога, они присѣдятъ на берегу рѣкъ Вавилонскихъ, какъ бы въ ожиданіи, что волны рѣчныя съ часу на часъ поднимутъ ихъ и унесутъ въ отечество;—сидятъ и плачутъ, воспоминая о своемъ возлюбленномъ Сіонѣ. Тѣло ихъ въ Вавилонѣ, а духъ и сердце въ Іерусалимѣ. На что ни посмотрятъ въ странѣ чуждой, ничто не радуетъ ихъ, а все пробуждаетъ мысль объ отечествѣ: *на рѣкахъ Вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ, внегда помянути намъ Сіона.*

При взглядѣ на органы, кои Израильтяне принесли съ собою въ плѣнъ—не для забавъ, а чтобы бряцать на нихъ хвалу и славу Іеговы,—у Вавилонянъ раждается любопытство и желаніе послушать пѣсней Сіонскихъ. Плѣнику ли отказать побѣдителямъ въ сей просьбѣ? Иные почли бы за счастіе угодить такимъ образомъ своимъ гордымъ владыкамъ: но Израильтянинъ, теперь, не таковъ! Онъ страшится и одной мысли — осквернить священную пѣснь Сіона слухомъ языческимъ. Вмѣсто удо-

влетворенія желаній Вавилонянъ, плѣнники, въ полномъ сознаніи величія и достоинства своей Вѣры, отвѣчаютъ: *како воспоемъ пѣснь Господню на земли чуждей?* Отвѣчаютъ такъ, ни мало не заботясь, что ихъ участь, и безъ того горькая, можетъ чрезъ то отяготиться еще болѣе.

Неблаговременный вызовъ со стороны побѣдителей къ веселію и игрѣ, когда у плѣнниковъ текутъ изъ очей слезы, пробуждаетъ въ Израильтянахъ новый порывъ любви къ отечеству;—и они даютъ обѣтъ никогда не измѣнять ему: *аще забуду тебе, Іерусалиме, забвена буди десница моя!*

По удаленіи Вавилонянъ, оставшись одни, плѣнные Израильтяне тѣмъ сильнѣе предаются противъ нихъ негодованію, что видятъ, какъ они, лишивъ ихъ отечества, хотѣли бы лишить и благородства духа: *дщи Вавилоня окаянная, блаженъ, иже воздастъ тебѣ воздаяніе твое, еже воздала еси намъ! Блаженъ, иже иметъ и разбіетъ младенцы твоя о камень!*

Такъ мыслили, такъ чувствовали, такъ вели себя Израильтяне въ плѣну Вавилонскомъ!—Кто не преклонится съ уваженіемъ предъ сими чувствами? Не скажетъ, что народъ Израильскій въ самомъ плѣну и униженіи показалъ при семъ случаѣ, что онъ не напрасно былъ возлюбленъ Господомъ и избранъ Имъ нѣкогда въ особенный удѣлъ себѣ изъ всѣхъ народовъ?

Тяжелъ, братіе мои, былъ плѣнъ Вавилонскій; сокрушительно иго, возложенное Навуходоносоромъ на бѣдныхъ сыновъ Израиля!—Но что значатъ всѣ плѣны Вавилонскіе и Египетскіе въ сравненіи съ тѣмъ ужаснымъ плѣномъ, въ коемъ находится весь родъ человѣческій? Ибо, гдѣ мы всѣ? Въ странѣ чуждой, въ странѣ мрака и хлада, проклятія и смерти. Было и у насъ отечество—въ

раю сладости; но пришелъ врагъ и плѣнилъ насъ; плѣнилъ и повергъ въ нерѣшимые узы грѣха и страстей. Что мы были и что теперь? Были почтены и украшены образомъ Божіимъ; теперь часто нѣтъ въ насъ и образа человѣческаго. Наслаждались всегдашнимъ здравіемъ души и тѣла, не знали смерти и тлѣнія; теперь всѣ стонемъ изъ дѣтства отъ болѣзней душевныхъ и телѣсныхъ; и, послѣ многихъ скорбей и бѣдъ, обращаемся въ землю, отъ нея же взяты. Всѣ твари въ началѣ служили намъ съ радостію, и были яко малые домочадцы въ великомъ домѣ Божіемъ: теперь всѣ твари или убѣгаютъ отъ человѣка, или возстаютъ не него и терзаютъ своего владыку. Самое рожденіе каждаго изъ насъ, какъ нѣкоего изверга, омывается кровію и слезами; самые чистые и праведные труды сопровождаются потомъ лица и не приносятъ иногда ничего, кромѣ скорби и воздыханій. Тьма въ умѣ, злость въ волѣ, горесть въ сердцѣ, нечистота въ чувствѣ, брепкость въ тѣлѣ, мертвость во всемъ существѣ, удаленіе отъ небеснаго отечества, — вотъ наша доля всѣхъ и каждаго — отъ Адама и до сего дне!

Не должно ли послѣ сего ожидать, что и мы, подобно Израильтянамъ въ Вавилонѣ, будемъ рыдать и плакать о своемъ потерянномъ Сіонѣ? что будемъ, по крайней мѣрѣ, помнить всегда, гдѣ мы и что съ нами; не будемъ прилѣпляться сердцемъ къ странѣ чуждей и плѣну нашему, а ожидать съ радостію того вожделѣннаго часа, когда рукою Ангела смерти сложатся съ насъ всѣ узы и мы возвратимся туда, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія! Но посмотрите на міръ человѣческій.—Что увидите? Увидите купующихъ и продающихъ, услышите лики и тимпаны, всюду встрѣтите людей, кои о томъ только мыслятъ, чтобы ежедневно радоваться и веселиться, праз-

дновать и торжествовать. У многихъ потеряна самая мысль о Сіонѣ, о томъ блаженномъ состояніи, въ коемъ былъ человѣкъ первозданный: другіе, если и воспоминаютъ о немъ иногда; то какъ о предметѣ, до нихъ не касающемся. Остаться, если бы возможно было, на землѣ вѣчно; то есть, вѣчно жить въ плѣну земныхъ нуждъ и треволненій, во узахъ страстей и болѣзней,—это для многихъ составило бы верхъ наградъ и желаній!... Ничто не можетъ раскрыть намъ очей и показать, что мы не на своей родинѣ, что мы въ плѣну и заточеніи. Напрасно смерть безъ всякаго порядка восхищаетъ насъ, одного за другимъ, въ вѣчность: мы спокойно становимся на убылое мѣсто и продолжаемъ тоже заблужденіе!...

Такъ унизились, огрубѣли, обезчувствѣли мы въ плѣну нашемъ! До того забыто нами, что̀ мы были нѣкогда и чѣмъ паки быть должны! Малая токмо часть, какъ бы нѣкіимъ чудомъ спасшаяся отъ всеобщаго ослѣпленія видитъ истинное положеніе человѣка на землѣ; чувствуетъ, какое тяжкое иго на всѣхъ сынѣхъ Адамлихъ; воздыхаетъ и плачетъ о падшемъ состояніи всѣхъ и каждаго. И что же? Сіи избранные, сіи ясновидящіе кажутся для всѣхъ прочихъ — людьми мрачными, мечтателями легкомысленными, существами малоспособными къ жизни общественной, такими лицами, о коихъ должно сожалѣть, и коихъ не безполезно избѣгать!...

По истинѣ, если гдѣ, то въ семъ жалкомъ ослѣпленіи человѣческомъ обнаруживается вся сила и ужасное свойство грѣха: ибо явно, что онъ не только лишаетъ человѣка Богоподобія, не только унижаетъ его до состоянія неразумныхъ тварей, дѣлаетъ похожимъ на духа отверженнаго; но, въ добавокъ къ униженію и плѣну, исторгаетъ у него самую память о его прежнемъ величіи и бу-

дущемъ предназначеніи. Послѣ сего бѣдный грѣшникъ не смѣетъ поднять очей на небо, яко ему чуждое; не видитъ предъ собою ничего, кромѣ земли; въ угожденіе бѣдному чреву поставляетъ все свое блаженство; за мимолетными благами и забавами гоняется, какъ дитя; на самую смерть свою смотритъ, какъ на дань природѣ; тогда какъ она есть точію оброкъ грѣха.

Душа падшая, душа плѣнная, душа погибающая, пробудись отъ своего нечувствія и познай, кто ты? Грѣхъ и страсти унизили, ослѣпили, подавили, умертвили тебя; но ты и теперь болѣе заключаешь въ себѣ, нежели сколько есть въ видимомъ мірѣ: ибо ты одушевленный образъ Божій. Сама по себѣ ты не можешь и подумать о томъ, чтобы сразиться съ жестокимъ врагомъ твоимъ и разорвать узы, на тебя возложенныя; но, у тебя есть всемогущій Заступникъ, Который можетъ *связать крѣпкаго* * противника твоего, разрушить всѣ твердыни его и преподать тебѣ всѣ средства къ возврату въ Отечество. Предай себя Ему;—и невозможное сдѣлается возможнымъ. Какъ бы ты ни была погружена въ чувственность; какъ бы ни были тяжки и велики грѣхи твои; хотя бы чернотою твоею ты походила на самаго духа злобы: все исправится, все убѣлится, все просвѣтлѣетъ, и ты паки содѣлаешься такимъ существомъ, въ коемъ будетъ почивать самъ Богъ; достигнешь еще на земли того величія, предъ коимъ не со страхомъ токмо, но и съ любовію начнетъ преклоняться вся тварь.

Хочешь ли, возлюбленный слушатель, узнать, какъ намъ нужно вести себя въ плѣну нашемъ, чтобы возвратиться въ первобытное состояніе невинности и блаженства?

---

* Мат. XII. 25.

Возмемъ для сего примѣръ съ Израильтянъ и ихъ поведеніе въ Вавилонѣ. Не смотря на удаленіе отъ любезнаго отечества, они духомъ и мыслію своею непрестанно были въ Сіонѣ и Іерусалимѣ:—да витаетъ, какъ можно чаще, и наша мысль и нашъ духъ не въ селеніяхъ, подобныхъ намъ, грѣшниковъ, а въ свѣтлыхъ обителяхъ Отца Небеснаго. Да содѣлается, какъ у Израильтянъ, и у насъ всѣхъ началомъ и концемъ занятій и всякаго веселія мысль о Іерусалимѣ небесномъ, о томъ блаженномъ часѣ, когда мы, сбросивъ тяжелыя узы плоти, должны будемъ возвратиться въ свое отечество.

Помышляя о святыхъ радостяхъ Сіона, Израильтяне не хотѣли принимать участія въ нечистыхъ забавахъ и языческихъ увеселеніяхъ Вавилонскихъ: — да удалятся, сколько возможно, и отъ насъ тлетворныя забавы и утѣхи плотскія, кои, въ самомъ очищенномъ видѣ ихъ, вредятъ уже тѣмъ, что губятъ драгоцѣнное время и земленятъ сердце. Будемъ говорить по чаще душѣ своей словами Израильтянъ: *како воспоемъ пѣснь Господню на земли чуждей?* Какъ намъ веселиться и радоваться безумно, когда мы въ плѣну грѣха, подъ гнѣвомъ Божіимъ, съ лютыми язвами въ совѣсти? Намъ ли предаваться суетамъ и губить время, когда насъ ожидаетъ смерть, судъ страшный и вѣчность?

Израильтяне, въ порывѣ праведнаго негодованія, изъявляли желаніе, чтобы самые младенцы дщери Вавилонской, лишившей ихъ отечества, были разбиты о камень; —вооружимся и мы святою ревностію противъ всѣхъ исчадій нашей грѣховной природы. Начнемъ не только огребаться плотскихъ грубыхъ грѣховъ, но избивать о камень самоотверженія самые нечистые помыслы, самыя тайныя зловожделѣнія души и сердца. Если мы, одуше-

вившись вѣрою и призвавъ на помощь благодать Божію, пребудемъ постоянны въ семъ святомъ подвигѣ; то узы плѣна грѣховнаго будутъ со дня на день слабѣть на насъ; и мы, находясь еще въ Вавилонѣ міра сего, начнемъ ощущать блаженную свободу духа, возноситься надъ всѣмъ бреннымъ; а по прошествіи краткихъ дней земной жизни, — когда Ангелъ смерти сниметъ съ насъ послѣднія узы плоти, — въ мирѣ и съ радостію возвратимся въ Іерусалимъ небесный. Аминь.

СЛОВО

ВЪ ПЯТОКЪ 2-й НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА,

ПРЕДЪ ИСПОВѢДІЮ.

Благо есть исповѣдатися Господеви! Пс. XCI. 2.

Такому лицу, каковъ былъ св. Давидъ,—Царю, ущедренному отъ Господа и дарами природы и дарами благодати, и однакоже глубоко падавшему иногда съ высоты своего сугубаго, царепророческаго, достоинства, безъ сомнѣнія, не легче насъ, братіе мои, было исповѣдывать свои грѣхи и признаваться въ своихъ беззаконіяхъ. Между тѣмъ видите, какъ онъ смотритъ на исповѣдь? какъ на великую милость, какъ на драгоцѣнный даръ, какъ на услажденіе души и сердца: *благо есть исповѣдатися Господеви!*

А изъ насъ многіе идутъ къ духовному отцу на исповѣдь, какъ на нѣкое истязаніе, стыдясь учинить признаніе во грѣхахъ своихъ. Откуда эта разность? Отъ того, что св. Давидъ ясно видѣлъ, какъ вреденъ и пагубенъ для человѣка грѣхъ, а мы не видимъ сего. Ибо кто видитъ смертоносную ядовитость грѣха, тотъ естественно старается освободиться отъ него, и потому любитъ исповѣдь, яко вѣрнѣйшее къ тому средство. А кто не увѣренъ

въ заключающейся во грѣхѣ пагубѣ, тотъ потому самому не дорожитъ и исповѣдію, а напротивъ тяготится ею; ибо она заставляетъ его раскрывать предъ служителемъ Алтаря всю срамоту своихъ грѣховныхъ дѣяній. Посему предъ исповѣдію крайне нужно каждому исповѣдующемуся пріобрѣсть увѣренность въ томъ, что грѣхъ есть величайшее зло для человѣка; такъ что если онъ не освободится отъ него посредствомъ покаянія и исповѣди, то, рано или поздно, но погибнетъ на вѣки.

Трудно ли увѣриться въ семъ? нѣтъ, для сего довольно обратить вниманіе даже на одну, такъ сказать, поверхность грѣха.

Ибо, что есть грѣхъ? нарушеніе пресвятой воли Творца. Теперь судите: малое ли дѣло стать противникомъ и врагомъ Существа Всемогущаго?—Того Существа, въ рукахъ Коего мы и весь міръ, наша жизнь и дыханіе, наше время и наша вѣчность?

Что есть грѣхъ? Уклоненіе на сторону врага Божія—діавола. Опять судите, малое ли дѣло стать за одно съ симъ человѣкоубійцемъ, сдѣлаться похожимъ на него въ измѣнѣ истинѣ, заразиться его ядомъ змінымъ.

Что есть грѣхъ? Ослѣпленіе ума, развращеніе воли, искаженіе совѣсти, растлѣніе тѣла. Бездѣдица ли—испортить такимъ образомъ все Богоподобное существо свое, уклонить его отъ цѣли бытія въ противную сторону, и внести въ него сѣмя тли и смерти вѣчной?

Что ожидаетъ грѣшника въ будущемъ? Ожидаетъ еще большая тьма, еще большее изможденіе силъ, еще большее горе и пагуба, ожидаетъ конечное лишеніе всѣхъ благъ, душевныхъ и тѣлесныхъ, конечное отверженіе отъ лица Божія, осужденіе на вѣчное мученіе въ адѣ, съ діаволомъ и аггелами его.

Довольно и сихъ самыхъ простыхъ понятій о грѣхѣ, чтобы затрепетать всѣмъ существомъ своимъ при одной мысли, что ты грѣшникъ!

А трепеща при мысли о своихъ грѣхахъ, какъ не поспѣшить къ исповѣди, когда въ ней, силою Премудрости Божіей, открытъ способъ къ примиренію насъ съ Богомъ и своею совѣстію? Когда въ ней за одно чистосердечное признаніе своихъ беззаконій и раскаяніе въ нихъ подается совершенное прощеніе? По истинѣ, мы должны были бы спѣшить къ исповѣди и тогда, если бы въ ней требовалось что либо самое тяжкое для насъ и неудобоисполнимое: ибо лучше все претерпѣть и всего лишиться, нежели оставаться врагомъ Богу и другомъ діаволу. Но отъ насъ ничего подобнаго не требуется, а только самое необходимое — чтобы мы исповѣдали свои грѣхи, показали отвращеніе къ нимъ, рѣшились оставить ихъ на всегда, и вознаградить прошедшее, чѣмъ можемъ, въ настоящемъ. И отъ этого удаляться? и это почитать труднымъ? и ради этого оставаться во грѣхахъ? — Что же значитъ послѣ сего напе покаяніе? Гдѣ ненависть ко грѣху? Гдѣ любовь къ Богу, къ самимъ себѣ?

Скажемъ же, братіе, и мы со св. Давидомъ: *благо есть исповѣдатися Господеви;* и поспѣшимъ къ св. налою, какъ преступники спѣшатъ къ тому мѣсту, гдѣ объявляется прощеніе и милость Царская. Аминь.

СЛОВО

ВЪ СУББОТУ 2-й НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

ПО ПРИЧАЩЕНІИ СВ. ТАИНЪ.

Съ чѣмъ привѣтствовать васъ, возлюбленные? Съ окончаніемъ, или съ началомъ добраго подвига? Можно привѣтствовать и съ окончаніемъ; но, кажется, лучше съ началомъ. Ибо,—ссылаемся на васъ самихъ,—можете ли вы сказать, что дѣло спасенія вашего кончено? Нѣтъ, оно кончится не нынѣ, не завтра, а, если дастъ Господь, вмѣстѣ съ нашею жизнію!...

Что же кончилось теперь? Окончилось обыкновенное и видимое, такъ называемое, говѣніе; окончилось урочное хожденіе въ церковь на Богослуженіе; окончилось приготовленіе къ таинству Исповѣди и св. Причастія;—а дѣло спасенія, это великое и святое дѣло, ахъ, оно еще не кончено, не кончено!...

Если бы хотя началось теперь во всѣхъ, какъ должно! И начало спасенія дѣло не малое,—больше всѣхъ, такъ называемыхъ, великихъ дѣлъ міра. Ибо, что имъ предполагается? Предполагается, что душа, спавшая доселѣ сномъ смертнымъ, бывшая добычею врага Божія, воспрянула, пробудилась, пришла въ чувство и начала жить и дѣйствовать по законамъ истины и правды;—предполагается, что узы грѣха разорваны, плѣнъ страстей кончился, идо-

лы плоти сокрушены, знамя вѣры и любви чистой поднято, путь изъ Египта въ Ханаанъ начатъ: о, есть съ чѣмъ привѣтствовать того, въ коемъ положено это начало!

Есть ли же оно въ васъ? Вѣруемъ, что есть; ибо, не вы ли исповѣдали вчера свои грѣхи, дали обѣтъ не возвращаться на прежнія беззакопія, и вести отнынѣ мужественную брань съ порокомъ и соблазнами вѣка? Откуда могла произойти эта исповѣдь и сіи святые обѣты, какъ не изъ отвращенія ко грѣху и беззаконію? Не вы ли, въ слѣдствіе вашей исповѣди, пріяли вчера отпущеніе вашихъ грѣховъ, вступили въ миръ съ Богомъ и своею совѣстію? Что это, какъ не возвращеніе вамъ первобытнаго состоянія невинности, не дарованіе свободы духа и совѣсти, не новое рожденіе для новой жизни въ Богѣ, для новаго образа мыслей, чувствъ и дѣйствій? Не вы ли, наконецъ, пріобщились нынѣ самаго Божественнаго тѣла и крови Спасителя? Но, что можетъ служить лучше сего, и къ укрѣпленію въ духовной жизни, и въ борьбѣ со страстями, и залогомъ обѣтованій вѣчныхъ?

И такъ, въ васъ есть теперь все, изъ чего слагается начало нашего спасенія—и желаніе быть добрыми, и силы на добро, и рѣшимость сражаться съ пороками, и свобода отъ нихъ, и вождѣленіе жизни вѣчной, и самый залогъ и обрученіе ея. Съ симъ то благимъ началомъ привѣтствуемъ мы теперь васъ; привѣтствуемъ и молимъ хранить и продолжать начатое, воспользоваться преимуществами новаго благодатнаго состоянія, устремиться по пути правды, къ вамъ приближенному и для васъ открытому, употребить въ дѣло благодать помилованія и освященія, а для сего—немедленно размыслить, какъ вамъ вести себя отселѣ, что оставить, что начать, и что продолжать. Ибо, отъ чего погибали плоды прежнихъ говѣній, Исповѣдей

и Причащеній? Именно отъ того, что не было взято необходимыхъ мѣръ для ихъ охраненія; — оттого что съ окончаніемъ говѣнія, думали кончилось самое дѣло спасенія; — оттого, что, вышедъ изъ храма по Причащеніи, паки тотчасъ предавались прежнему образу мыслей и дѣйствій. Погибнутъ сіи драгоцѣнные плоды и теперь, если поступимъ также, какъ поступали прежде; погибнутъ и теперь, если не поспѣшимъ удалиться отъ всего, что соблазняло и губило насъ; погибнутъ, если не будемъ бодрствовать надъ собою, хранить свое сердце и совѣсть, ограждать себя непрестанно страхомъ Божіимъ и тайною молитвою.

Стойте же, возлюбленные, трезвитесь, бодрствуйте, мужайтесь, укрѣпляйтесь, возрастайте, усовершайтесь! Преподавъ вамъ вчера — отпущеніе грѣховъ, а нынѣ — тѣло и кровь Господа, мы уже ничего болѣе не можемъ сдѣлать для васъ, какъ только продолжить наши молитвы о спасеніи вашемъ, и быть готовыми руководить васъ на пути къ небу. А вамъ надобно изыти на дѣло и на дѣланіе свое до вечера вашей жизни. Господь Всещедрый, подавшій вамъ духа покаянія и молитвъ, да даруетъ вамъ и духа постоянства и терпѣнія *въ дѣлѣ благѣ*, и да предохранитъ отъ пагубнаго возвращенія вспять! Аминь.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ 2-ю ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Извѣстно ли вамъ, братіе мои, что въ продолженіе Великаго Поста каждый день Недѣльный посвященъ Церковію воспоминанію какого-либо великаго лица, или великаго событія? Такъ, въ Воскресенье, непосредственно предъ постомъ, воспоминается въ церкви паденіе Адамово, дабы мы, приведши себѣ на память, какъ родъ человѣческій изгнанъ изъ рая сладости за невоздержаніе, тѣмъ усерднѣе облобызали св. Постъ, яко дверь въ рай потерянный. Въ первую недѣлю самаго Поста совершается торжество Православія, показующее, чего стоило нѣкогда сохраненіе сокровища Вѣры во всей его неприкосновенности, и симъ самымъ научающее насъ дорожить имъ по надлежащему. На срединѣ поприща постнаго предложится для поклоненія всечестный Крестъ, въ ободреніе насъ къ дальнѣйшимъ подвигамъ и для услажденія имъ горькихъ водъ покаянія. Пятая седмица огласится именемъ св. Іоанна Лѣствичника, яко величайшаго изъ подвижниковъ благочестія, который не токмо самъ, какъ орелъ, воспарилъ надъ всѣмъ дольнимъ, но, въ твореніяхъ своихъ, начерталъ и для другихъ Лѣствицу къ небу. Послѣдняя недѣля Четыредесятницы начнется ублаженіемъ памяти Преп. Маріи Египетской, яко трогательнѣйшаго образца покаянія: ибо первою половиною жизни своей, она, какъ извѣстно, превзошла едва не всѣхъ грѣшниковъ; а въ продолженіе по-

слѣдней—удивила чистотою своею самыхъ Ангеловъ. Въ нынѣшній день недѣльный, по уставу св. Церкви, прославляются подвиги св. Григорія Паламы, Архіепископа Θессалонитскаго.

При такомъ распорядкѣ въ Уставѣ Церковномъ, въ каждую седмицу нынѣшняго Поста первый источникъ для душевнаго назиданія нашего есть воспоминаніе, вмѣстѣ съ Церковію, того лица или событія, коему посвящена Недѣля. Мы тѣмъ съ большею охотою воспользуемся нынѣ симъ источникомъ — и для васъ и для себя, что онъ, какъ ни близко протекаетъ отъ каждаго, но, къ сожалѣнію, весьма мало употребляется въ дѣло, такъ что для многихъ почти вовсе неизвѣстенъ. Такимъ образомъ слова и бесѣды наши съ вами, если не будутъ имѣть другаго какого дѣйствія; то, по крайней мѣрѣ, приведутъ сколько нибудь въ извѣстность сей святой источникъ.

И такъ, нынѣ, какъ мы сказали, совершается хвалебная память иже во святыхъ отца нашего, Григорія Паламы. Чѣмъ заслужилъ онъ почесть столь великую? Не тѣмъ ли, что былъ Пастырь знаменитый, особенно въ древности, паствы Θессалонитской? Но мы имѣемъ пространный списокъ Пастырей сея Церкви, и ни одинъ изъ нихъ не раздѣляетъ сей чести со св. Григоріемъ. Или, можетъ быть, онъ прославляется за то, что былъ просвѣщеннѣйшій Святитель своего времени и оставилъ намъ много своихъ поучительныхъ твореній? Но и за это отличіе надлежало бы прославлять не его одного, а и многихъ другихъ, чего однакоже не дѣлаетъ св. Церковь. Можно еще подумать, что св. Григорій ублажается такъ за свою особенную святость. Это гораздо ближе къ дѣлу; ибо, безъ святости жизни, онъ ни коимъ образомъ не содѣлался бы предметомъ похвалы для Церкви; но и сія причи-

на не изъясняетъ всего, такъ какъ и святостію жизни отличался не онъ одинъ, а многіе. Если цѣлая седмица св. Поста украшается именемъ св. Григорія, то должно быть въ самыхъ дѣяніяхъ его нѣчто такое, почему онъ особенно приходитъ на память во время поста, и въ слѣдствіе чего воспоминаніе о немъ служитъ къ особенному назиданію для постящихся. Чтобы это было такое?—То, какъ видно изъ житія его, что онъ, во первыхъ, былъ одинъ изъ величайшихъ подвижниковъ въ монашескомъ, и слѣдовательно постническомъ и труженическомъ образѣ жизни, на святой горѣ Аѳонской. Тамъ провелъ онъ большую часть своихъ дней въ постѣ, молитвѣ и безмолвіи, и тамъ возросъ онъ до той чистоты сердца и высоты духа, что содѣлался видимымъ и ощутительнымъ для всѣхъ сосудомъ благодати Божіей. — То, во вторыхъ, что св. Григорій былъ ревностнѣйшій поборникъ житія пустыннаго, и слѣдовательно постнаго, противъ тѣхъ, кои хотѣли очернить и унизить его разными клеветами. Послѣднее обстоятельство сіе требуетъ поясненія: посему мы войдемъ въ нѣкоторыя подробности, кои, впрочемъ, таковы, что могутъ послужить къ назиданію и въ наше время.

Пустынножители горы Аѳонской, ведя образъ жизни подвижнической, до того очищали себя отъ всего плотскаго, и до того утончались и возвышались въ духѣ, что многіе изъ нихъ сподобляемы были откровеній и видѣній духовныхъ, — особенно осіянія свѣтомъ небеснымъ, подобнымъ тому, который видѣнъ былъ окрестъ Спасителя на Ѳаворѣ. Въ событіи семъ, не только не было ничего противнаго духу Евангелія, но, можно сказать, оно было доказательствомъ и залогомъ того, что обѣщается въ немъ Праведникамъ; то есть, что они сами просвѣтятся яко солнце въ царствіи небесномъ. Ибо, удивительно ли, что

тѣ, кои предназначены быть нѣкогда, яко солнце, и нынѣ уже, на земли еще, озаряются яко луна свѣтомъ отъ духовнаго Солнца, еже есть Христосъ Господь?—Но иначе смотрѣли на сей духовный опытъ враги Православія. Вмѣсто того, чтобы признать съ благоговѣніемъ въ немъ успѣхъ подвижниковъ въ духовной жизни, они смотрѣли на него, какъ на плодъ воображенія. Мало сего: начали разглашать всюду, что Аѳонскіе пустынники впали не только въ самообольщеніе, но и въ ересь; что они, усвояя сему пренебесному свѣту Божественность, вводятъ якобы въ Божество два начала—сотворенное и несотворенное,—что подобнымъ ученіемъ нарушается даже вѣра правая.

Можете представить, братіе, какъ горька была клевета сія для обитателей святой горы и какъ тяжела для всей Церкви Православной! Среди тогдашнихъ треволненій еретическихъ, Аѳонъ всегда былъ яко духовный Араратъ, на коемъ находилъ себѣ пристанище и спасался ковчегъ Православія;—и вотъ на семъ самомъ Араратѣ, какъ утверждали зломыслящіе, является ересь, является подъ видомъ самымъ благочестивымъ, и слѣдовательно наиболѣе опаснымъ! Такая мысль могла привести въ смущеніе и тѣхъ, коихъ *чувствія* обучены по выраженію Апостола, *долгимъ ученіемъ* на различеніе *добра и зла;** тѣмъ паче не могли оставаться въ покоѣ души простыя и малоопытныя въ жизни духовной:—вся Церковь Греческая пришла въ сильное волненіе!...

Въ сіе то опасное для Церкви время, Пастырь Ѳессалонитскій, является яко Ангелъ тишины для укрощенія бури.—Обладая обширнымъ и глубокимъ познаніемъ св. Писанія, онъ показуетъ всѣмъ и каждому, что ученіе о

---

* Евр. V, 14.

свѣтѣ Ѳаворскомъ, коего видѣнія сподобляются подвижники Аѳонскіе, совершенно согласно съ духомъ Евангелія, что тѣ, кои сомнѣваются въ бытіи сего свѣта и въ озареніи имъ избранныхъ Божіихъ еще на землѣ, обнаруживаютъ симъ только недостатокъ своей чистоты и своихъ духовныхъ подвиговъ. — Какъ ученикъ и воспитанникъ Аѳона. коему не по слухамъ только, а на опытѣ извѣстенъ былъ образъ жизни тамошнихъ подвижниковъ, св. Григорій входитъ во всѣ подробности спорнаго предмета, преслѣдуетъ каждую клевету зломыслящихъ отъ перваго ея начала и до послѣдняго конца, и, разсѣявъ такимъ образомъ тьму, наведенную на святую гору, показуетъ ее во всемъ, дотолѣ еще не такъ извѣстномъ, величіи духовномъ. Самый плѣнъ у Срацынъ не связываетъ устъ св. Григорія: онъ и въ узахъ продолжаетъ разить враговъ Православія и утверждать въ истинѣ колеблющихся чадъ Церкви.

Въ благодарность за сіи то Апостольскіе подвиги, доставившіе миръ Церкви Православной, и пріобрѣтшіе Григорію наименованіе—*Сынъ свѣта Божественнаго*, вскорѣ по святой кончинѣ его, единодушно положено пастырями Церкви, чтобы память о немъ украшала собою настоящій день недѣльный. И праведно! Поелику имъ ограждена и защищена честь не жителей токмо Аѳона, а всей жизни подвижнической, спасена честь святаго Поста, яко первѣйшаго изъ средствъ, коимъ св. подвижники Аѳонскіе достигали озаренія свѣтомъ Божественнымъ; то воспоминаніе подвиговъ св. Григорія всего болѣе потому приличествовало не другому какому либо времени, а именно днямъ великаго Поста.

Мы, благодареніе Господу, свободны отъ еретическихъ треволненій, смущавшихъ Церковь во время св. Григорія: но память о немъ весьма поучительна и для насъ. Чѣмъ?—

Тѣмъ, чтобы мы, содержа въ умѣ древній примѣръ, не позволяли себѣ увлекаться тѣми легкомысленными сужденіями о жизни подвижнической, и въ частности о святомъ Постѣ, кои, къ сожалѣнію, можно слышать по временамъ и изъ устъ людей, нечуждыхъ уваженія къ Церкви. Тѣмъ паче, чтобы заграждали слухъ свой отъ безумнаго глумленія въ семъ родѣ тѣхъ, кои берутся судить о всемъ и отвергать все, сами не вѣдая, какъ должно, ничего. Не удивительно, если духовные опыты св. подвижниковъ всего чаще подвергаются нареканію у таковыхъ лжеумниковъ; ибо они слишкомъ удалены отъ ихъ скуднаго и слабаго понятія о предметахъ духовныхъ, и совершенно противуположны ихъ оплотянѣлому взгляду на все, и на самый духъ человѣческій.

Если встрѣтите подобныхъ людей, если услышите подобныя рѣчи: то вспомните о св. Григоріѣ и его подвигѣ; вспомните, какъ онъ разсѣялъ и низложилъ клеветы на святую жизнь подвижниковъ. Такое воспоминаніе послужитъ для васъ всегда готовымъ щитомъ противу соблазна. — Не въ первый и не въ послѣдній разъ жизнь по духу подвергается нареканіямъ отъ людей плотскихъ. Апостолъ давно сказалъ, что *плотскій человѣкъ не пріемлетъ, яже Духа* Божія, *и не можетъ разумѣти; юродство бо ему есть.** Примѣтьте выраженіе Апостола: *и не можетъ разумѣти:* какъ же судить о томъ, чего не разумѣемъ? Чтобы судить о духовныхъ предметахъ, тѣмъ паче о духовныхъ опытахъ, надобно самому судящему сподобиться Духа, чего да достигнемъ всѣ мы благодатію Господнею и молитвами св. Григорія! Аминь.

---

* 1 Кор. 1, 14.

СЛОВО

НА ПАМЯТЬ ЧЕТЫРЕДЕСЯТИ МУЧЕНИКОВЪ.

Жалуются иногда на недостатокъ въ Церкви проповѣдниковъ; а мнѣ кажется, что у насъ меньше слушателей, нежели проповѣдниковъ. Ибо, вѣрно, немало такихъ Церквей, въ коихъ нынѣ не найдется и по десяти слушателей; а проповѣдниковъ нынѣ въ каждой Церкви по четыредесяти. Такъ называю я празднуемыхъ нынѣ св. Мучениковъ; и, вѣрно, никто не лишитъ ихъ сего священнаго титла. Ибо, если, по слову Писанія, не малъ уже и тотъ, кто возвѣщаетъ истину словомъ и устами; еще болѣе тотъ, кто проповѣдуетъ своими дѣлами и жизнію: то на какую высоту должно поставить того, кто за истину проповѣди Евангельской пролилъ свою кровь и претерпѣлъ смерть мученическую? Предъ такою проповѣдію всѣ наши слова и все наше витійство суть яко слабое лепетаніе младенца предъ величественною рѣчью мужа и старца. Не такая ли проповѣдь сокрушила идоловъ и привлекла ко Христу вселенную? У первобытныхъ Христіанъ, гонимыхъ кесарями и философами, не было не только каоедръ проповѣдническихъ, ниже храмовъ; самое Богослуженіе и таинства совершались изрѣдка, тайно, подъ землею, среди безмолвія полунощнаго. Но гласъ

Евангельской проповѣди гремѣлъ неумолкно во всѣ концы земли: не давалъ покоя ни кесарямъ, ни философамъ, влеча всѣхъ и каждаго ко Христу. Откуда исходилъ онъ? Изъ мрачныхъ темницъ, наполненныхъ Христіанами, — изъ раскаленныхъ печей и конобовъ, въ кои повергали ихъ, — съ пылающихъ костровъ и крестовъ, облитыхъ кровію свидѣтелей истины. Является на позоръ среди града или веси исповѣдникъ Христовъ, и начинается проповѣдь! Ему предлагаютъ прощеніе и свободу, богатства и чести, иногда цвѣтущую красотою невѣсту, да поклонится идоламъ: но онъ возводитъ очи горѣ, и, вмѣсто отвѣта, знаменуетъ себя крестомъ!... Его подвергаютъ мукамъ, бичуютъ, жгутъ различными огнями, рвутъ тѣло клещами, лишаютъ очей и устъ; онъ терпитъ безъ ропота и молится о самыхъ мучителяхъ! Его предаютъ на растерзаніе лютымъ звѣрямъ, или пригвождаютъ ко кресту, или повергаютъ съ камнемъ на выи въ море: онъ срѣтаетъ смерть съ такимъ свѣтлымъ лицемъ, съ какимъ рѣдкіе идутъ подъ вѣнецъ брачный. Удивительно ли послѣ сего, что самыя грубыя толпы народа, пораженныя величіемъ души Страдальца, приведъ сами въ умиленіе и нѣкоего рода святый восторгъ, восклицали: великъ Богъ Христіанскій! Свята вѣра, дающая такое мужество и презрѣніе жизни! Сею то проповѣдію, братіе мои, побѣжденъ міръ, не оружіемъ, не краснорѣчіемъ, не мудростію земною! И вотъ, подобныхъ проповѣдниковъ является нынѣ предъ насъ, не одинъ, не два, не десять, а четыредесять, какъ бы по числу дней святаго и великаго Поста.

Что же они намъ проповѣдуютъ? Проповѣдуютъ любить Христа до смерти, не бояться на землѣ ничего кромѣ Бога, — пренебрегать всѣми благами міра, какъ бреніемъ, вѣровать въ жизнь будущую такъ, какъ

бы она была предъ очами нашими. Ибо, что могло расположить ихъ отвергнуть всѣ ласки и обѣщанія Судіи, презрѣть всѣ угрозы и лютость мучителя, какъ не живая вѣра во Христа и упованіе жизни вѣчной? Что заставило претерпѣть мразъ всенощнаго пребыванія въ езерѣ зимнемъ, сокрушеніе ногъ и голеней млатомъ, какъ не вся терпящая и николиже отпадающая любовь ко Христу? — „Не точію честь воинскую, но и самыя тѣлеса наши возми отъ насъ: ничтоже бо намъ есть дражаѣ, ничтоже честнѣе, паче Христа Бога нашего,“ такъ отвѣщали мученики на угрозы Игемона. Что же мучитель? Кипя гнѣвомъ и пользуясь временемъ года, онъ повелѣваетъ ихъ, связанныхъ и обнаженныхъ, повергнуть въ езеро, да погибнутъ отъ мраза; и въ тоже время, злохитрый, велитъ устроить на берегу баню, да желающій избѣжать смерти обрѣтетъ себѣ въ ней жизнь. Такимъ образомъ и мразъ и теплота равно служатъ злобѣ мучителя и во искушеніе Подвижниковъ. Но кто и что можетъ разлучить истинно-вѣрующихъ отъ любви Христовой? Павелъ давно за всѣхъ ихъ далъ отвѣтъ, что сего не могутъ сдѣлать ни животъ, ни смерть, ни настоящая, ни грядущая.

Какъ бы вы мнили, братіе мои, проведутъ св. Подвижники нощь въ езерѣ? Будутъ воздыхать, плакать, желать, по крайней мѣрѣ, скорѣе смерти и призывать ее? Нѣтъ, они совершатъ тамъ всенощное Богослуженіе. Слышите ли, какъ начинаютъ раздаваться по воздуху псалмы Давидовы? Слышите ли цѣлый хоръ гласовъ, призывающихъ небо и землю, мразъ, снѣгъ и духъ буренъ хвалить имя Господне? Это гласы святыхъ страдальцевъ. Тѣло ихъ покрывается льдомъ, а сердце разгарается любовію Христовою; уста отъ мраза цѣпенѣютъ,

а духъ паритъ, какъ пламень горѣ, къ Богу крѣпкому и живому. О езеро, не водами, а молитвами наполненное? Не вѣтромъ, а духомъ Божіимъ колеблемое! Не безсловесныхъ жителей, а какъ бы Ангеловъ безплотныхъ вмѣщающее!

Если гдѣ, то надъ симъ святымъ мѣстомъ и среди сего всенощнаго бдѣнія можно было ожидать особеннаго знаменія небеснаго; и оно послѣдовало! Среди мрака полуночнаго внезапно разверзаются небеса, являются вѣнцы небесные, и сходятъ на главы страстотерпцевъ. Но, что значитъ, что сихъ вѣнцевъ тридесять девять? гдѣ же четыредесятый? Увы, его нѣтъ на небѣ, потому что не стало на землѣ!—Единъ изъ страждущихъ, не стерпѣвъ мукъ, обратился къ банѣ, устроенной мучителемъ; но гдѣ мнилъ, несчастный, обрѣсти спасеніе, тамъ внезапно испустилъ духъ. Но мѣсто не устоявшаго въ брани не останется праздным; не нарушится святое число страстотерпцевъ. Званный обратился вспять, — явится не званный, но избранный. Въ самомъ дѣлѣ, кто это безъ судей и мучителей течетъ къ езеру, свергаетъ съ себя одежду, и со гласомъ: я Христіанинъ, становится о страну святыхъ Мучениковъ? Это единъ изъ ихъ же стражей, который не предался сну, подобно собратіямъ своимъ; бдѣлъ, яко добрый воинъ, на стражѣ; видѣлъ все терпѣніе и всю вѣру слугъ Христовыхъ; зрѣлъ вѣнцы, на нихъ сходящіе съ неба; и, уразумѣвъ недостающее число ихъ, по причинѣ малодушія единаго, спѣшитъ восполнить собою недостатокъ и принять тотъ вѣнецъ, отъ коего уклонился маловѣрный собратъ ихъ. Опять полный ликъ, опять всецѣлое торжество, опять совершенная побѣда надъ діаволомъ! Четыредесять вошло въ езеро, четыредесятъ и выйдетъ, да не будетъ ни малѣйшей радости врагу Божію!

Видите ли, какъ справедливо сказано нами, что каждый мученикъ есть проповѣдникъ? Чѣмъ привлеченъ сей новый подвижникъ? Не проповѣдію съ каѳедры Церковной, а вѣнцемъ святыхъ Исповѣдниковъ, стоявшихъ за Христа всю нощь въ хладномъ езерѣ. Можетъ быть онъ сто разъ слышалъ проповѣди учителей Христіанскихъ, но оставался во тьмѣ идолопоклонства: когда же увидѣлъ страданіе и мужество Исповѣдниковъ, тогда безъ слова и проповѣди уразумѣлъ истину и тронулся душею, вознебрегъ своимъ званіемъ, самою жизнію, и въ одну минуту изъ язычника взошелъ на высоту мученика.

Такъ дѣйствовалъ нѣкогда примѣръ св. мучениковъ! Надъ нами, кажется, и онъ потерялъ всю силу. Святые подвиги ихъ, торжествуемые Церковію, содѣлались для насъ похожи на тѣ сонмы звѣздъ, кои, за отдаленіемъ, сливаются для нашего глаза въ туманно-свѣтлыя пятна. Когда наводится на эти пятна зрительная труба: они раздѣляются въ яркія звѣзды, и мы дивимся ихъ величію; а во все прочее время не обращаемъ на нихъ никакого вниманія, даже не знаемъ о ихъ существованіи. Такъ, когда проповѣдникъ ли, или какая книга раскажетъ намъ о подвигахъ мученическихъ; мы изумляемся величію души ихъ, не думая однакоже нисколько о томъ, чтобы взять съ нихъ примѣръ для своихъ дѣйствій, засвѣтить отъ ихъ небеснаго огня въ своемъ сердцѣ вѣру, устремиться по слѣдамъ ихъ любви къ Богу. А безъ книгъ и проповѣдника дѣянія Мучениковъ для насъ, по невниманію нашему къ нимъ, какъ бы не существуютъ. Даже тѣ изъ насъ, кои носятъ имена св. Мучениковъ, часто вовсе не знаютъ, кто былъ тотъ, коего именемъ они отличаются со дня своего рожденія.

Но, обратимся къ нашимъ Проповѣдникамъ. И такъ,

езеро не потопило ихъ; мразъ зимній не погасилъ въ нихъ пламени Вѣры и любви: вошли въ езеро простыми воинами Христовыми, а вышли съ вѣнцами побѣдными; всѣ воинство діавола низложили, а сами не потеряли ни единаго ратника; ибо на мѣсто взятаго въ плѣнъ тотчасъ явился новый. Что же дѣлаетъ мучитель? осуждаетъ ихъ на перебіеніе голеней; и симъ, не вѣдая самъ, уготовляетъ имъ новый вѣнецъ на небѣ, и даже новую отраду въ самомъ мученіи на землѣ. Ибо симъ родомъ мученій и смерти они, подобно Апостолу Павлу, восполняли въ себѣ *лишеніе скорбей Христовыхъ.**

Могъ ли послѣ сего оставить ихъ безъ подкрѣпленія на сей подвигъ Тотъ, Кто самъ въ вертоградѣ Геѳсиманскомъ благоволилъ быть укрѣпляемъ отъ Ангела? — И се, — въ часъ полуночи, которую св. Мученики проводили въ молитвѣ и пѣснопѣніи, ожидая на утро смерти, темница ихъ исполняется свѣтомъ небеснымъ, и они слышатъ гласъ глаголющій, вѣруяй въ Мя, аще и умретъ оживетъ! Дерзайте, мужайтесь, стойте: побѣждающій пріиметъ вѣнецъ жизни!—Ободренные симъ гласомъ, Страстотерпцы на утріе шли на смерть, какъ мы возвращаемся послѣ долговременнаго отсутствія въ домъ отеческій.

И такъ, душа ихъ уже воспарила на небо; но святыя тѣлеса оставались еще во власти мучителей. Что же дѣлаютъ слуги сатаны (ибо онъ единъ былъ истиннымъ врагомъ Христа и гонителемъ Христіанъ: судіи и мучители языческіе были только его слѣпыми орудіями, ревнуя по чести мнимыхъ боговъ своихъ)? Зная, что Христіане дорожатъ останками св. Мучениковъ, и чтутъ

---

* Колос. I, 24.

съ благоговѣніемъ ихъ, яко святыню, они умышляютъ лишить ихъ сего сокровища: для сего предаютъ тѣлеса пламени; и потомъ самые останки, послѣ сожженія, изсыпаютъ въ рѣку, да не останется на земли и слѣда отъ свидѣтелей истины. Но, что могутъ всѣ усилія вратъ адовыхъ противъ царства Христова?—Не напрасно написано: *хранитъ Господь вся кости ихъ и ни едина отъ нихъ сокрушится.** Въ постыженіе злобы и лукавства сатаны, мученики являются въ сновидѣніи Епископу града, и повелѣваютъ ему именемъ Божіимъ взять изъ рѣки то, что осталось отъ тѣлесъ ихъ. Повелѣніе радостное; но какъ исполнить его? какъ приступить къ рѣкѣ предъ глазами мучителей? И, приступивъ, какъ найти то, что поглощено водою и смѣшалось съ струями рѣчными? Но, для вѣры и упованія нѣтъ неисполнимаго. Святитель съ малымъ числомъ вѣрующихъ идетъ къ рѣкѣ нощію, безъ всякихъ свѣтильниковъ, не вѣдая самъ, какъ обрѣтется сокровище. И се, кости мучениковъ сами собою являются тотчасъ, какъ звѣзды, на днѣ потока, блистая сіяніемъ небеснымъ; и вѣрующіе безъ всякаго усилія собираютъ ихъ, яко драгоцѣнное сокровище, яко ободреніе для самихъ себя на подвигъ мученическій.

Да, братіе мои, на подобный же подвигъ мученическій. Тогда было не то, что нынѣ: нельзя было, подобно намъ, быть Христіанами по одному имени. Исповѣдывать Христа значило въ то время быть готовымъ на все:—нынѣ липиться имущества, завтра подвергнуться ссылкѣ, послѣ-завтра итти на костеръ, или на борьбу со львами и тиграми. И нѣкоторые сомнѣваются еще, находя въ жизни Мучениковъ чрезвычайныя знаменія и откровенія не-

---

* Псал. XXXIII, 21.

бесныя, коими Господь утѣшалъ иногда и ободрялъ ихъ? Но. могло ли быть иначе? Когда вѣрные рабы Господни непрестанно жертвовали для славы имени Его всѣмъ, самою жизнію: то могла ли любовь Его оставаться хладною къ тѣмъ, кои умирали за Него, и не обнаруживать себя предъ возлюбленными своими, особенными знаменіями; когда и намъ, кои для Господа не переносимъ никакихъ трудностей, не роняемъ со главы нашей, можно сказать, ни одного волоса; когда, говорю, и для насъ Господь великодаровитый дѣлаетъ такъ много—оставляетъ столько св. Таинствъ, хранитъ нерушимо Церковь, не отъемлетъ Евангелія и Креста своего, ни благодати св. Духа? Всемогущій не могъ не являть чудесъ, когда слабый человѣкъ при всей немощи своей, являлъ съ своей стороны, можно сказать, чудеса Вѣры и терпѣнія. Посему я въ большее прихожу удивленіе, когда встрѣчаю жизнь Мученика и не вижу чудесъ, нежели когда нахожу ихъ въ избыткѣ.

Взглянемъ еще разъ на свѣтоносный ликъ нашихъ нынѣшнихъ Проповѣдниковъ; нашихъ, говорю, — ибо въ самой вещи весьма возможно, что они въ семъ храмѣ теперь не только духомъ, но и нетлѣнными тѣлесами своими. Въ каждомъ храмѣ, какъ не безъизвѣстно вѣроятно и вамъ, есть мощи св. Мучениковъ; но какихъ именно, того не вѣдаютъ самые служители храма. Ибо мощи сіи преемственно преходятъ изъ храма въ храмъ, начавъ съ первобытныхъ временъ Церкви. Поелику же нынѣшній ликъ Мучениковъ одинъ изъ самыхъ многочисленныхъ; то не удивительно, если и въ нашемъ храмѣ есть хотя одна изъ тѣхъ святыхъ костей, кои, какъ видѣли мы, яко звѣзды блистали среди потока во тьмѣ ночной.

Что же вѣщаютъ намъ св. Мученики, присутствуя съ нами и святыми тѣлесами своими, или точію духомъ? Всѣ вѣщаютъ, какъ мы замѣтили въ началѣ слова, единое и тожде, то есть, любить Господа Іисуса до смерти, не мѣнять заповѣдей Его ни на что въ мірѣ, все терпѣть и переносить для сохраненія драгоцѣннаго залога Вѣры и любви, не почитать ничего страшнымъ, кромѣ суда и гнѣва Божія, жить на земли для неба и вѣчности, и презирать, совершенно презирать и ни во что вмѣнять, гдѣ нужно, не только землю и все земное, но самое тѣло, самую жизнь свою. Аминь.

СЛОВО

ВЪ СРЕДУ 3-й НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Нынѣ силы небесныя съ нами невидимо служатъ: се бо входитъ Царь славы; се жертва тайная совершенная дорѣносится. Вѣрою и любовію приступимъ, да причастницы жизни вѣчныя будемъ!

О какомъ земномъ торжествѣ, какъ бы велико и славно ни было оно, можно сказать такимъ образомъ? Въ земныхъ торжествахъ, если есть что либо важное и великое, то оно бываетъ обыкновенно снаружи, предъ глазами всѣхъ и каждаго; а то, чего не видно, бываетъ нерѣдко мало, даже низко. А въ таинствахъ Церкви напротивъ: видимое часто мало, и какъ будто слишкомъ просто и обыкновенно; а незримое и разумѣваемое всегда высоко. свято, Божественно. Такъ и при настоящемъ Богослуженіи, по видимости, происходитъ немного: послѣ пѣнія сего священнаго гимна, во многихъ храмахъ исходитъ изъ алтаря одинъ смиренный Священнослужитель съ святымъ сосудомъ въ рукѣ и съ дискосомъ на главѣ. Но сила совершаемаго таинства всегда одна и таже: первый въ мірѣ святитель ничего не прибавилъ бы къ важности происходящаго, равно какъ и послѣдній изъ служителей Алтаря ничего не можетъ убавить изъ сего

величія. Каждый разъ, въ каждомъ храмѣ, вмѣстѣ съ человѣками самыя силы небесныя — служатъ; довершаютъ, то есть, своимъ невидимымъ содѣйствіемъ то, чего не достаетъ въ видимыхъ служителяхъ тайны. Кто могъ бы повѣрить сему, представляя себѣ величіе существъ премірныхъ? Ибо сказать—силы небесныя служатъ, значитъ болѣе, нежели какъ если бы кто сказалъ: всѣ Цари и Владыки земные служатъ. Но съ другой стороны когда слышишь, что во время сего священнодѣйствія входитъ самъ Царь славы; то всякое недоумѣніе исчезаетъ тотчасъ. Ибо гдѣ Царь неба, тамъ должны быть и небесные слуги Его, какъ бы высоки и важны они ни были. Какъ въ человѣческомъ быту, Царь гдѣ ни явится,—хотя бы въ самой послѣдней хижинѣ, хотя бы въ темницѣ,—самый первый вельможа почтетъ себѣ за особенную честь сопровождать его, и показываетъ еще большее вниманіе и усердіе, нежели въ самомъ дворцѣ царскомъ; такъ и здѣсь. Съ радостію и благоговѣніемъ чины Ангельскіе предстоятъ Престолу Божію на небѣ; но еще съ большею (если возможна для нихъ большая), радостію и благоговѣніемъ являются они на служеніе Господу своему на земли, въ храмахъ нашихъ: ибо здѣсь видятъ они въ Немъ то, чего не видятъ на небѣ; то есть, не только крайнюю Его любовь къ намъ бѣднымъ тварямъ, но и Его вся превосходящее смиреніе, по коему Онъ, будучи Царь славы, является на Алтаряхъ нашихъ яко жертва, приносимая за грѣхи человѣческіе. Въ виду такого смиренія самаго Царя, можно ли думать о своемъ величіи—Его слугамъ. И се, нынѣ они и съ нами, недостойными, служатъ, и безъ сомнѣнія, съ стократъ большею чистотою, и благоговѣніемъ и любовію, нежели мы нечистые и грѣшные.

Судите послѣ сего, братіе мои, какъ необходимо и справедливо то, чего требуетъ отъ насъ св. Церковь; то есть, чтобы мы приступали съ вѣрою и любовію къ тому, что предлагается нынѣ на святой Трапезѣ. Надобно приступать съ вѣрою: ибо, если приступать безъ вѣры, то, можно сказать, не къ чему и приступать. Ибо, что въ это время на святой Трапезѣ для человѣка безъ вѣры? Малый по виду, преждеосвященный хлѣбъ, или точнѣе сказать, часть хлѣба, которая приготовлена руками человѣческими и, по видимости, мало чѣмъ отличается отъ хлѣба обыкновеннаго. Только для вѣры этотъ малый хлѣбъ важнѣе всего въ мірѣ; только она созерцаетъ въ немъ животворящее тѣло и кровь Христову, въ коихъ заключена для насъ жизнь вѣчная. Посему то и должно приступать съ вѣрою, и при томъ живою, предъ косю невидимое, какъ видимое. Ибо есть и вѣра слабая, колеблющаяся, которая мало чѣмъ отлична отъ сомнѣнія, потому и мало приноситъ плода для человѣка. Такою слабою вѣрою вѣровалъ нѣкогда Петръ, и утопалъ. Ибо не сказано ему: невѣрный, а *маловпре!* Вѣра была у него, только слабая; потому и не могла спасти отъ потопленія. При такой вѣрѣ обыкновенно раждается множество вопросовъ: что, какъ, почему, для чего? Между тѣмъ какъ вѣра полная и живая не знаетъ никакихъ недоумѣній: она, по замѣчанію Апостола, *всему вѣру емлетъ.** Нѣтъ нужды, что Апостолъ сказалъ это о любви, а мы прилагаемъ это къ вѣрѣ; ибо истинная вѣра и любовь не разлучны другъ друга. Посему то и въ настоящемъ случаѣ требуется съ вѣрою и любовь: *Вѣрою и любовію приступимъ!*

---

* 1 Кор. XIII. 6.

И мнѣ кажется, что если дѣлить нераздѣлимое, то безъ Вѣры еще приступить можно; — ибо для Вѣры въ настоящемъ случаѣ потребно со стороны души нашей даже нѣкое усиліе, такъ какъ надобно признавать за истину то, что незримо для очей тѣлесныхъ;—а безъ любви, коль скоро есть вѣра, кажется, нельзя и приступить, то есть, нельзя подойти къ сему таинству и тотчасъ не исполниться любовію къ Спасителю, подобно какъ нельзя приблизиться къ великому огню, и тотчасъ не почувствовать теплоты и жара. Въ самомъ дѣлѣ, если подобное производитъ подобное же: то гдѣ болѣе мѣста для любви, какъ не при Таинствѣ Евхаристіи? Что она есть, иное, какъ не выраженіе величайшей любви къ намъ нашего Спасителя? Кто, кромѣ Его, питаетъ тебя тѣломъ и кровію своею? Не говори, что это для Него не стоитъ теперь труда: ибо, если теперь не трудно Ему дѣлать это чудо; то, подумай, чего стоило сдѣлать его въ началѣ? Для сего надлежало взойти на крестъ, умереть въ мукахъ, быть вмѣстѣ съ злодѣями, лечь во гробъ. Кто сдѣлаетъ для тебя это? Какъ же послѣ сего приступить къ такой любви безъ любви? *Вѣрою* убо и *любовію приступимъ*, какъ внушаетъ Церковь: приступимъ вѣрою, прозрѣвая въ то, что сокрыто отъ очей тѣлесныхъ; приступимъ любовію, предая себя всецѣло Тому, Кто предалъ себя за насъ до смерти крестныя.

Но, Боже мой, какъ противны расположеніе и дѣйствія нѣкоторыхъ людей тому, что въ настоящемъ случаѣ быть должно! Не замѣчаете ли вы, братіе мои, какъ въ то самое время, когда Церковь возглашаетъ: *нынѣ силы небесныя съ нами невидимо служатъ; се бо входитъ Царь славы!* и когда истинно-вѣрующіе, или что въ семъ случаѣ одно и тоже, всѣ истинно-разумные повергаются

съ благоговѣніемъ долу, не смѣя возвесть очей на святыя тайны, несомыя Священникомъ, какъ, говорю, въ это самое время иные не только видимо продолжаютъ вращать мірскіе помыслы въ душѣ своей, но не стыдятся выставлять своего безчувствія и разсѣянія даже наружу—предъ вами, такъ что когда другіе лежатъ въ смиреніи долу, они стоятъ безчинно, заводятъ разговоры, показываютъ на лицѣ смѣхъ, въ движеніяхъ неблагопристойность? Вотъ до чего можетъ простираться, не скажу, безвѣріе,—ибо его часто у таковыхъ людей нѣтъ,—а неразуміе, безразсудство и безстрашіе! За чѣмъ въ такомъ разѣ уже и ходить въ церковь? Лучше сидѣть дома и заниматься какимъ либо дѣломъ; ибо такое поведеніе въ церкви сопряжено съ ужаснымъ грѣхомъ для души. Въ такихъ людяхъ — на этотъ, по крайней мѣрѣ, разъ — не только нѣтъ никакой любви къ своему Спасителю, а напротивъ какая-то какъ бы ненависть и вражда. Ибо, какъ же не вражда, когда ты не только самъ не оказываешь уваженія къ таинству Господню, а еще возмущаешь собою чувства тѣхъ, кои стоятъ во храмѣ, и не даешь имъ помолиться съ благоговѣніемъ? Не такъ ли точно поступаютъ съ своими врагами, стараясь отнимать у нихъ уваженіе, имъ оказываемое? Вѣроятно, таковые люди не представляютъ себѣ этого; но поступокъ ихъ отъ того не лучше: — и если Церковь о вѣрныхъ чадахъ своихъ говоритъ, что съ ними находятся въ храмѣ силы небесныя; то о сихъ несчастныхъ должно сказать противное, что съ ними и въ храмѣ — силы преисподнія, научая ихъ глумиться, когда должно плакать, — заводить разговоры, когда отъ благоговѣнія надлежало бы въ молчаніи пасть на землю. Не возмущайтесь, братіе мои, таковымъ безчинствомъ: оно попущается Господомъ для нашего испытанія! Ибо Онъ

могъ бы тотчасъ послать на таковыхъ громъ и молнію. Самыя силы небесныя, въ храмѣ находящіяся, не замедлили бы стать за честь своего Владыки, и обратили бы въ прахъ безумныхъ презрителей дома Божія: но милосердіе Божіе терпитъ ихъ, дая время на покаяніе, а съ другой стороны испытывая симъ нашу вѣру и терпѣніе въ молитвѣ. Посему, говорю, не смущайтесь много симъ несчастнымъ примѣромъ; но тѣмъ паче не увлекайтесь имъ къ подражанію. Ибо, чему тутъ подражать? Кто бы ни были такіе люди, чѣмъ бы ни отличались въ мірѣ, поступая такимъ образомъ, они глупѣе малолѣтныхъ дѣтей. Ибо и дитя, когда видитъ, что предъ нимъ происходитъ что либо важное и священное, стоитъ внимательно, устремивъ взоры на происходящее. Посему тутъ мѣсто не подражанію, а сожалѣнію; ибо какъ не пожалѣть о такомъ безчувствіи и забвеніи не только святости мѣста, но и всякаго приличія? Чтобы, однако же, подобный примѣръ не оказалъ какого либо вреднаго дѣйствія на малолѣтныхъ, кои еще не могутъ судить о лицахъ и вещахъ правильно; то не оставляйте внушать дѣтямъ вашимъ, какъ худо поступаютъ тѣ, кои ведутъ себя въ Церкви такимъ образомъ, какъ это глупо, безчестно и Богопротивно, какъ всѣ этимъ недовольны; дабы заранѣе поселить такимъ образомъ въ нихъ уваженіе ко храму Божію, Ибо и сіи несчастные своевольцы поступаютъ безчинно во храмахъ, по всей вѣроятности, потому, что съ младыхъ лѣтъ не было кому наставить ихъ и внушить, что значитъ храмъ, и что здѣсь, во время совершенія таинствъ, сами силы небесныя съ нами невидимо служатъ. Аминь.

СЛОВО

ВЪ ПЯТОКЪ 3-й НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ!—

Одно изъ самыхъ знаменательныхъ священнодѣйствій въ Великопостной Литургіи то, когда, среди чтенія изъ Ветхаго Завѣта паремій, вдругъ разверзаются Царскія врата, является среди ихъ священнодѣйствующій съ свѣщею и кадильницею въ рукѣ; и, знаменуя ими предстоящихъ во образъ креста, возглашаетъ: *свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ!* Не удивительно, если при этомъ всякъ изъ предстоящихъ преклоняетъ главу свою до земли: ибо разверстіе Царскихъ вратъ образуетъ собою отверстіе самихъ небесъ; свѣтильникъ и кадильница знаменуютъ полноту даровъ Духа святаго; а появленіе Священнодѣйствующаго есть яко явленіе Ангела съ неба. Кто будетъ столько надменъ, чтобы не преклониться предъ сими знаменіями благодати Божіей?

Но не одного простаго преклоненія главъ, или поверженія себя предъ свѣтомъ Христовымъ долу, ищетъ при семъ отъ насъ св. Церковь. Нѣтъ, въ духовномъ смыслѣ она хощетъ противнаго—восклоненія нашихъ главъ предъ симъ свѣтомъ, открытія предъ нимъ всего существа нашего, дабы такимъ образомъ мы, отъ ногъ до главы,

этой цѣли государственное межеваніе имѣетъ своимъ назначеніемъ опредѣлить границы различныхъ поземельныхъ владѣній не только для настоящаго, но и для будущаго времени, и опредѣлить ихъ съ такою твердостію и достовѣрностію, чтобы каждый всегда могъ знать границы своей поземельной собственности, или чтобы границы смѣшавшіяся, изгладившіяся, нарушенныя, въ случаѣ спора всегда могли быть узнаны и возстановлены.

Любопытно и назидательно слѣдить постепенные успѣхи государственнаго межеванія, слѣдить, какъ оно возникло, какъ было производимо въ различныя времена, какими сопровождалось результатами, какъ отдѣлилось отъ другихъ правительственныхъ дѣйствій, съ которыми оно первоначально сливалось. Исторія государственнаго межеванія по внутреннѣйшему существу своему представляетъ намъ исторію образованія поземельной собственности, не только въ законодательномъ, но и въ статистическомъ отношеніи: законы о государственномъ межеваніи или показываютъ намъ, въ какомъ видѣ при изданіи ихъ уже существовали права поземельнаго владѣнія, кому они и въ какомъ пространствѣ принадлежа-

Сими словами, во вторыхъ, предполагается полнота и преизбытокъ для всѣхъ Свѣта Христова. И дѣйствительно, въ немъ нѣтъ недостатка ни для кого. Онъ просвѣщаетъ и самыхъ мудрыхъ — открывая имъ тайны Царствія Божія, коихъ никакой умъ самъ собою открыть не могъ,—и самыхъ буіихъ, отверзая имъ, вмѣсто стихійнаго ума, очеса сердца, коими они видятъ утаенныя отъ премудрыхъ и разумныхъ вѣка сего. Просвѣщаетъ и самыхъ богатыхъ, научая не превозноситься ради тлѣнныхъ благъ, богатѣть не въ себя, а въ Бога, и сокрывать сокровище тамъ, идѣже ни тля тлитъ, ни татіе подкапываютъ и крадутъ;—и самыхъ бѣдныхъ, показуя имъ внутри ихъ самихъ богатство, коего не стоитъ весь міръ, уча быть нищими не однимъ тѣломъ, но и духомъ, да стяжутъ царствіе. Просвѣщаетъ и самаго перваго властелина, приводя на память, что надъ нимъ есть Владыка, Который потребуетъ строгаго отчета въ каждой слезѣ, отъ него пролитой;—и самаго послѣдняго раба, утѣшая его тѣмъ, что внутренней свободы духа и совѣсти никто у него отнять не можетъ, что человѣкъ добродѣтельный въ самыхъ узахъ выше всѣхъ счастливцевъ міра и ближе къ Спасителю, Который, будучи Сыномъ Божіимъ, насъ ради принялъ зракъ не Царя, а раба и служителя всѣмъ;—просвѣщаетъ старцевъ, открывая предъ ними жизнь нестарѣющую, призывая отъ земнаго странствія туда, гдѣ успокоеніе отъ всѣхъ трудовъ;—просвѣщаетъ юношей, располагая къ борьбѣ со страстьми и похотьми; — просвѣщаетъ самыхъ младенцевъ, отверзая имъ уста на хваленіе Господа.

Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ!

Произнося сіи слова устами служителя своего, св. Церковь, какъ бы такъ говоритъ: можетъ быть, нѣкоторые

жребіемъ ли рожденія или обстоятельствами жизни, будучи удалены отъ свѣта наукъ и мудрости земной, оказываютъ свое мнимо-несчастное положеніе, и думаютъ, что они, находясь съ однимъ природнымъ смысломъ, не могутъ, подобно людямъ просвѣщеннымъ, достигнуть цѣли бытія своего, и должны навсегда оставаться позади ихъ не только во времени, но и въ вѣчности. Да не унываютъ таковые напрасно, и да не теряютъ мужества! Тотъ, Кто въ мірѣ чувственномъ повѣсилъ на небѣ солнце и луну, да освѣщаютъ равно всѣхъ,—Тотъ не забылъ и въ мірѣ духовномъ разлить свѣтъ для озаренія всѣхъ и каждаго безъ исключенія. Посѣщай церковь, слушай Евангеліе,—Пророковъ и Апостоловъ; и кто бы ты ни былъ, земледѣлецъ или воинъ, дитя или старецъ, слуга или поденщикъ, узнаешь все, что нужно человѣку знать для своего спасенія, для того, то есть, чтобы явиться въ вѣчности, куда мы всѣ должны итти, способнымъ къ своему великому предназначенію.

Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ!

Можетъ быть нѣкоторые, какъ бы такъ еще говоритъ Церковь, наполнившись сіяніемъ отъ свѣтильника наукъ и мудрости земной, воображаютъ, что имъ уже не нужно никакого болѣе просвѣщенія, что они знаютъ все, что нужно, и могутъ спокойно оставаться съ своимъ запасомъ познаній. Да выйдутъ таковые изъ своего опаснаго предубѣжденія! Доколѣ они не изучили Евангелія и креста Христова; не уразумѣли, какъ должно, что вѣщаютъ о человѣкѣ Пророки и Апостолы: дотолѣ они не знаютъ самаго необходимаго. Только во свѣтѣ Христовомъ можно видѣть Бога, себя и міръ въ истинномъ ихъ видѣ; только по указанію откровенія небеснаго, можно найти стезю, ведущую въ животъ вѣчный.

Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ!

Посему, какъ бы такъ говорила Церковь, всѣмъ и каждому должно ходить во свѣтѣ и творить дѣла свѣта. Бѣдный язычникъ можетъ сказать еще, что онъ не зналъ, какъ ему вести себя въ семъ мірѣ; ибо не имѣлъ въ рукахъ Евангелія: Христіанинъ—безотвѣтенъ! Свѣтъ Христовъ озарялъ для него все, показывалъ ему, и его собственную бѣдность, и богатство къ нему милости Божіей, и прошедшее наше состояніе въ раю, и будущее состояніе въ царствіи небеснѣмъ, и путь узкій, ведущій въ животъ вѣчный, и путь широкій, вводящій въ пагубу, и силу креста Христова, и необходимость крестоношенія собственнаго. Все освѣщено, раскрыто, указано всѣмъ и на всегда! Посему и должно всѣмъ ходить во свѣтѣ, избѣгать дѣлъ тьмы, не предаваться сну и безпечности.

Таковъ, братіе мои, смыслъ священныхъ словъ: *Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ!* Церковь повторяетъ ихъ, и въ наученіе, и въ предостереженіе наше.

Наше дѣло послѣ сего, осмотрѣться и узнать, какимъ свѣтомъ водимся мы въ жизни — Христовымъ, или какимъ либо другимъ? Какой бы ни былъ свѣтъ сей, но если онъ не Христовъ, то въ отношеніи къ вѣчному спасенію нашему все равно, что тьма, и даже еще иногда хуже тьмы. Ибо, застигнутый тьмою человѣкъ, по крайней мѣрѣ, или останавливается, или идетъ тихо и ощупью, и старается, если можно, выйти на свѣтъ. А при сіяніи ложнаго свѣта, человѣкъ бываетъ спокоенъ, идетъ не останавливаясь, позволяетъ себѣ всякаго рода движенія, смѣло перемѣняетъ пути и направленія: и послику водится ложнымъ свѣтомъ, какъ пловецъ на морѣ; то подвергается неминуемымъ опасностямъ, заходитъ туда, откуда нѣтъ возврата. Не сіе ли самое случается со многи-

ми умниками, кои, по надеждѣ на мудрость мірскую, пренебрегаютъ свѣтомъ Христовымъ?—Куда обыкновенно приходятъ они наконецъ и приводятъ идущихъ за ними? Приходятъ и приводятъ въ такую бездну нечестія и разврата, на которую одинъ взглядъ исполняетъ трепетомъ сердце, не потерявшее чувствъ человѣческихъ.

Блюдитесь, братіе мои, сего ложнаго свѣта, который въ наши времена особенно началъ ослѣплять собою очи у многихъ. Памятуйте твердо, что единъ Христосъ есть истинный свѣтъ нашъ, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ и исходящаго изъ міра: и если срѣтите какого либо наставника, то первѣе всего старайтеся узнать, какого онъ свѣта есть. Если не Христова, то кто бы онъ ни былъ, заграждайте отъ него слухъ и сердце ваше. Ибо, какъ въ мірѣ чувственномъ солнце одно, и нѣтъ другаго свѣта, кромѣ его: такъ и въ мірѣ духовномъ едино истинное и животворное свѣтило — Господь и Спаситель нашъ, Іисусъ Христосъ, Ему же слава, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ КРЕСТОПОКЛОННУЮ.

И призвавъ народы со ученики своими, рече имъ: иже хощетъ по мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по мнѣ грядетъ. Иже бо аще хощетъ душу свою спасти, погубитъ ю; а иже погубитъ душу свою Мене ради и Евангелія, той спасетъ ю. Кая бо польза человѣку, аще пріобрящетъ міръ весь и отщетитъ душу свою? Марк. VIII, 34—36.

Возвѣщая вамъ, братіе мои, слово Божіе, мы всегда находили въ васъ благоговѣйное вниманіе къ нему, такъ что — къ утѣшенію нашему — и намъ можно сказать со Апостоломъ, что вы принимали возвѣщаемое вамъ не *аки слово человѣческое, но яко же есть воистину слово Божіе.** При всемъ томъ мы почитаемъ за долгъ нынѣшнее собесѣдованіе наше начать приглашеніемъ усугубить ваше вниманіе, очистить и воскрылить мысль, отверсть и разширить уста сердца. Такъ поступаемъ мы не потому, чтобы предполагали сказать вамъ отъ себя самихъ что либо особенно важное и дорожили собственными словами нашими, а потому, что въ нынѣшнемъ Евангеліи, которое мы будемъ излагать, содержится поученіе чрезвычайно нужное и важное для каждаго.

---

* I Сол. II, 13.

Въ самомъ дѣлѣ, братіе, хотя слова Господа и Спасителя нашего всѣ *духъ и животъ суть,** всѣ *суть ей и аминь;*** но и Онъ Самъ не о всемъ говорилъ одинаково: когда хотѣлъ внушить что либо особенно важное; то возвышалъ голосъ, говоря: *аминь, аминь, глаголю вамъ,**** или присовокуплялъ въ заключеніе сказаннаго: *имѣяй уши слышати, да слышитъ!*****

Нынѣшняя бесѣда Господа такова, что ее надобно слышать, если бы то было возможно, и неимѣющимъ ушей. Посему и предложена она особеннымъ образомъ: *призвавъ*,—какъ говоритъ Евангелистъ,—*народы со ученики своими.* Иное, то есть, говорилъ по временамъ Спаситель ученикамъ Своимъ, сообразно ихъ особому предназначенію, а иное—народу, соотвѣтственно его нуждамъ; всегда почти при томъ говорилъ Онъ, вызванный желаніемъ слушателей: а нынѣ Онъ говоритъ ко всѣмъ, говоритъ Самъ, говоритъ, призвавъ къ слышанію *народы со ученики.* Такъ поступлено, безъ сомнѣнія, не по чему другому, а потому, что бесѣда имѣла быть особенною, чрезвычайно нужною и важною для всѣхъ.

И такъ, пріидите всѣ, малые и великіе, просвѣщенные и простые, знатные и худородные, пріидите выслушать то, что речетъ намъ Господь и Спаситель нашъ.

Призвавъ народы со ученики, рече имъ: иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ.

Видите ли важность проповѣди Христовой? Дѣло идетъ не о маломъ чемъ либо, а обо всемъ. Кто изъ насъ не захочетъ итти за своимъ Спасителемъ и Господомъ? Въ этомъ состоитъ самая вѣра наша, что мы всѣ идемъ за Нимъ,

* Іоан. VI, 63. — ** 2 Кор. I, 20.—*** Іоан. X, 1.—**** Мат. XIII, 9.

какъ за источникомъ истины и самою истиною; въ этомъ состоитъ вся нравственность наша, что мы идемъ за Нимъ, какъ за Наставникомъ въ добродѣтели, какъ за Образцомъ въ святости и самою святостію; въ этомъ состоитъ все упованіе наше, что мы идемъ за Нимъ, какъ за Избавителемъ отъ всѣхъ золъ, какъ за Виновникомъ жизни вѣчной и самою жизнію. Отъ вѣры во Христа, отъ послѣдованія за Нимъ, мы ожидаемъ всего. Посему для каждаго изъ насъ крайне нужно знать, чего требуетъ это самое послѣдованіе и въ чемъ состоитъ оно; кто дѣйствительно идетъ за Христомъ, и слѣдовательно дойдетъ до цѣли, и кто не идетъ за Нимъ, хотя и думаетъ, и слѣдовательно никогда не достигнетъ преднамѣреннаго конца? И се, Спаситель Самъ хощетъ сказать намъ о всемъ этомъ, хощетъ указать каждому, что значитъ итти за Нимъ. Можно ли послѣ сего быть равнодушнымъ къ такой проповѣди?

И такъ, еще повторимъ, для кого дорого спасеніе своей души, кто хочетъ на самомъ дѣлѣ быть Христіаниномъ, тотъ обрати все вниманіе на слова Спасителя. Если условіе спасенія, Имъ самимъ предложенное, выполняется въ тебѣ: то ты на добромъ пути; ты безопасенъ, блаженъ, хотя бъ былъ послѣднимъ отребіемъ міра. А если ты не подходишь подъ сіе правило, если небесная мѣра не по тебѣ: то, кто бы ты ни былъ, и чтобы ни значилъ въ мірѣ, между людьми, ты въ крайней опасности; и если останешься тѣмъ, что теперь, то непремѣнно погибнешь на вѣки.

Дабы облегчить для каждаго занятіе симъ столь важнымъ дѣломъ, разсмотримъ, братіе мои, со всѣмъ прилежаніемъ каждое слово Спасителя, какъ бы отъ него зависѣли (какъ и дѣйствительно зависятъ) наша жизнь и наше спасеніе.

Иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ.

Въ словахъ сихъ предлагаются три условія, кои надобно выполнить тому, кто хочетъ быть не своимъ, а Господнимъ. Надобно, во первыхъ, отвергнуться себя; надобно, во вторыхъ, взять крестъ свой; надобно, наконецъ послѣдовать за Господомъ. Вотъ лѣствица къ небесамъ: другой нѣтъ и быть не можетъ! Вотъ и главныя ступени сей лѣствицы: другихъ нѣтъ и быть не можетъ! Разсмотримъ каждую ступень порознь.

Иже хощетъ по мнѣ ити, да отвержется себе! Самоотверженіе есть условіе, крайне непріятное для нашего самолюбія, но, какъ показываетъ опытъ, необходимое во всѣхъ дѣлахъ важныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, начинаютъ ли учиться чему либо: отвергаются своего ума, слушаютъ и вѣрятъ, что скажетъ учитель. Идутъ ли на сраженіе съ непріятелемъ: отвергаются своей воли и подчиняютъ себя распоряженіямъ военачальника. Хотятъ ли вылечиться отъ какой либо тяжкой и опасной болѣзни: во всемъ полагаются на искусство врача и отдаютъ себя на его руки. Такъ поступаютъ обыкновенно и въ земныхъ дѣлахъ! Удивительно ли послѣ сего, что съ самоотверженія начинается и дѣло нашего спасенія, или, что тоже, послѣдованіе за Христомъ.

Но въ чемъ должно состоять оно и до чего простираться? — И въ обыкновенныхъ дѣлахъ самоотверженіе простирается очень далеко. Воинъ, напр. простираетъ и долженъ простирать его до того, что онъ, по одному слову, не только общаго и главнаго вождя, но и ближайшаго своего малаго начальника, готовъ итти на явную смерть. Будемъ ли послѣ сего удивляться, если самоотверженіе Христіанское прострется до смерти?

И оно простирается досюда. Да, братіе, мы не сказали бы вамъ правды, если бы сказали, что отверженіе себя, котораго требуетъ Господь нашъ отъ послѣдователей Своихъ, ограничивается отверженіемъ нѣкоторыхъ токмо худыхъ мыслей, желаній или поступковъ; нѣтъ, оно состоитъ въ отверженіи всего ума плотскаго, всей воли невозрожденной, и это не въ извѣстныхъ только случаяхъ, не на извѣстное только время, а вездѣ и всегда, на всю жизнь. Притомъ, это всецѣлое, и всегдашнее отверженіе себя должно въ Христіанинѣ простираться до возненавидѣнія себя, какъ прямо и ясно написано о томъ въ Евангеліи: *аще кто грядетъ по мнѣ, и не возненавидитъ душу свою, не можетъ быти мой ученикъ**. Какъ, по видимому, ни строго требованіе сіе, но оно столь же естественно, какъ и необходимо въ настоящемъ состояніи нашемъ. Ибо въ грѣшникѣ, каковы всѣ мы, не много такого, что можно любить, и крайне много, за что должно ему себя ненавидѣть. Съ другой стороны, что ненавидимъ, того легко и самоотвергаться; трудно оставлять и презирать только то, что любишь. Посему послѣдователь Христовъ, для успѣха въ отверженіи себя, самъ долженъ стараться возненавидѣть себя; ибо возненавидѣвъ, онъ уже не можетъ не отвергаться себя.

Но какъ возненавидѣть себя, когда каждый, по природѣ, любитъ себя? Какъ возненавидѣть?—А какъ ненавидитъ себя преступникъ, въ коемъ пробудилась совѣсть, и самъ себѣ желаетъ казни?—Какъ ненавидитъ себя больной, страждущій какою либо ужасною болѣзнію, и призываетъ смерть?—Какъ ненавидитъ себя человѣкъ, просто соскучившій жизнію и не желаетъ смотрѣть на свѣтъ Божій?—Во всѣхъ сихъ случаяхъ наша ненависть про-

* Лук. XIV, 26.

стирается далѣе всѣхъ предѣловъ: а когда нужно отвергнуться самихъ себя, дабы итти за Господомъ къ вѣчной жизни, тутъ мы будемъ недоумѣвать и спрашивать: какъ возненавидѣть себя?—Познаніемъ самихъ себя. Когда бы ты увидѣлъ, что на плечахъ твоихъ грязное, разодранное, смрадное рубище, тотчасъ сбросилъ бы его съ себя, и никогда бы не воротился за нимъ, чтобы надѣть его. Узнай же, чрезъ вниманіе къ себѣ, что твоя настоящая чувственная жизнь есть такое именно рубище, и ты возненавидишь свою чувственность и отвергнешь себя. Равно, если бы ты увидѣлъ, что у тебя въ самой любимой комнатѣ твоей, гдѣ ты почиваешь, завелись змѣи: то немедленно убѣжалъ бы изъ этой комнаты и предпочелъ ей чистую хижину: познай же, что въ душѣ твоей живутъ и непрестанно плодятся злыя пожеланія, и ты возненавидишь свое сердце и не захочешь имѣть его. Равнымъ образомъ, когда бы ты узналъ, что ты заразился смертельною болѣзнію: то въ такомъ случаѣ ты радъ бы бросить себя и навсегда уйти отъ себя, еслибъ то можно было, на край свѣта: познай же, что ты зараженъ смертоноснымъ ядомъ грѣха, что сей ядъ непремѣнно причиняетъ смерть вѣчную; и ты готовъ будешь не только разлюбить, но и возненавидѣть себя, и такимъ образомъ исполнить во всей точности требованіе небеснаго врача, чтобы всецѣло отвергнуться себя, ради послѣдованія за Нимъ.

Но какъ бы то ни было, возлюбленный собратъ, только безъ отверженія себя нельзя сдѣлать въ послѣдованіи за Господомъ ни единаго вѣрнаго шага. Ибо, разсуди самъ, какъ бы ты рѣшился оставить свой путь и слѣдовать за Господомъ, если бы ты не разлюбилъ своего пути, не убѣдился, что ты самъ не можешь быть своимъ

руководителемъ; другими словами: не отвергнулся самаго себя? Слѣдуютъ за другими тогда, когда не полагаются на самихъ себя; не полагаются на самихъ себя тогда, когда убѣдились въ своихъ недостаткахъ, въ своей худости. Другое дѣло, если бы Господь повелъ тебя за собою тѣмъ же путемъ, какимъ слѣдовалъ ты самъ: но Онъ будетъ вести тебя путемъ новымъ, нерѣдко совершенно противнымъ твоему прежнему пути, потребуетъ отъ тебя именно того, что не по твоему прежнему образу мыслей и чувствъ, не по твоему грѣховному нраву и жизни. Какъ же ты будешь выполнять требуемое, не оставивъ прежняго образа мыслей, чувствъ и желаній? Какъ, не отвергнувшись своего ума, ты будешь принимать тайны Вѣры, кои превыше ума и противны его мудрованіямъ? Какъ, не отвергнувшись своего самолюбія, ты будешь почитать себя первымъ изъ грѣшниковъ и любить своихъ враговъ? Какъ, не отвергнувшись своей плоти и крови, ты будешь распинать свою плоть съ ея страстями и похотями?—Какъ, не возненавидѣвъ своей души, ты будешь стараться погубить ее?—Явная несовмѣстность! Отъ того, что̀ и бываетъ съ тѣми, кои, не отвергнувшись себя, думаютъ итти за Господомъ? Они только думаютъ итти за Нимъ, а въ самомъ дѣлѣ идутъ не за Нимъ, а за самими собою; кто за своимъ умомъ и познаніями, кто за своимъ сердцемъ и даже страстями, кто за обычаями вѣка сего и примѣрами другихъ. Иначе и быть не можетъ; потому что, иже хощетъ итти за Господомъ, тотъ, по слову Его, прежде всего *да отвержется себе:* это первое необходимое условіе, первая ступень въ лѣствицѣ къ небесамъ!

Второе требованіе и вторая ступень: *да возметъ крестъ свой!* Крестъ есть орудіе казни; онъ необходимъ, когда

есть преступникъ, коего казнить должно: кто же этотъ преступникъ? Мы сами: нашъ плотскій человѣкъ, наша злая воля, наше преступное самолюбіе, все ветхое падшее существо наше. Отвергаясь его мы много дѣлаемъ, но далеко не все. Отвергнутый ветхій человѣкъ нашъ не будетъ лежать въ бездѣйствіи, какъ лежитъ ветхое, сброшенное съ плечъ рубище: нѣтъ, это лютый звѣрь, который, отвергнутый и даже пораженный, возобновляетъ нападеніе и становится тѣмъ разъяреннѣе и опаснѣе, чѣмъ болѣе его поражаютъ. Тутъ одно изъ двухъ: надобно умертвить отвергнутаго, или самому пасть подъ его ударами. Чѣмъ же будемъ умерщвлять врага нашего, т. е., нашу плоть и кровь, наше самолюбіе и страсти, наше плотоугодіе и гордость? — Собственнымъ разумомъ? Онъ самъ, доколѣ не возродится свыше, *кичится,** вземлется на разумъ Божій, и потому имѣетъ нужду въ умерщвленіи. Собственною волею?—Но она такъ слаба на добро, что *хотѣти*, какъ выражается Апостолъ, *прилѣжитъ ей, а еже содѣяти доброе, не обрѣтаетъ.*** И какъ она возложитъ руки на свое собственное самолюбіе? Нужно орудіе самоумерщвленія внѣшнее, твердое, могущественное; посему то и повелѣвается. отвергнувшись себя, взять крестъ. То есть, что сдѣлать? То есть, полюбить, избрать, усвоить себѣ все, что умерщвляетъ въ насъ наше самолюбіе и злую волю, нашу чувственность и страсти. Посему крестъ, напримѣръ, есть бѣдность и недостатки; крестъ—безчестіе и клевета; крестъ—болѣзни и слабости; крестъ—худая женитьба и худое сосѣдство; крестъ—бездѣтство и бѣдная многосемейность; крестъ—потеря сродниковъ и друзей; крестъ—всѣ несчастные случаи. Сей-то

* I Кор. VIII, 1. — ** Рим. VII, 18.

крестъ, эту совокупность огорченій, досадъ, лишеній, искушеній, бѣдствій, надобно взять, то есть, избрать и усвоить себѣ тому, кто хочетъ быть истиннымъ послѣдователемъ Христовымъ. Надобно взять не такъ, какъ преступникъ береть орудіе казни, съ отвращеніемъ, досадою, по необходимости; нѣтъ, надобно взять добровольно, съ усердіемъ, въ повиновеніи благой волѣ Божіей, по любви къ своему спасенію, въ твердомъ убѣжденіи въ его пользѣ и необходимости; надобно взять сей крестъ, какъ больной беретъ самое горькое и противное лекарство, ожидая отъ него возвращенія себѣ здоровья и жизни. Только, когда крестъ берется такимъ образомъ, онъ составляетъ врачевство, есть признакъ послѣдователя Христова, есть символъ и знаменіе Христіанства. Безъ такого взятія добровольнаго, разумнаго, въ духѣ вѣры и любви, крестъ есть тягость подавляющая, умерщвляющая, но не воскрешающая. Ибо, надобно знать, братіе, что крестъ, какъ совокупность лишеній, неизбѣженъ человѣку на земли; отъ него нельзя уйти никому; его надобно несть всякому, и не слѣдуя за Христомъ, подобно какъ его несъ вмѣстѣ со Христомъ разбойникъ, Его хулившій. Но такой крестъ, не взятый, а возложенный необходимостію, не спасаетъ, а только убиваетъ и мучитъ безплодно.

Замѣтимъ еще и то, что Спаситель велитъ послѣдователю своему взять крестъ *свой*—тотъ, который принадлежитъ именно ему, назначенъ свыше для него. Это нужно замѣтить для того, что злая воля наша своенравна во всемъ, даже въ выборѣ креста, на коемъ ей должно быть распятою. Не хотятъ взять тотъ, который данъ Богомъ, а хотятъ имѣть самодѣльный, въ такомъ, а не другомъ видѣ, состоящій изъ такихъ, а не другихъ скорбей и лишеній. Такъ напр. такому то человѣку видимо суж-

дено страдать и очищаться подвигами жизни семейной и общественной; а онъ ищетъ для себя крестовъ жизни отшельнической. До какихъ затрудненій, опасностей не доводитъ людей такой произволъ и самоправіе, по видимому, не предосудительные, а въ самомъ дѣлѣ вредоносные? А главная опасность та, что такимъ образомъ даютъ мѣсто своему произволу, когда онъ-то первый и долженъ подлежать отверженію и смерти на крестѣ. Нѣтъ, возлюбленная о Христѣ душа, если ты дѣйствительно отверглась, какъ должно, самой себя и рѣшилась итти за Господомъ своимъ на Голгоѳу; то ты уже не будешь разбирать крестовъ, престанешь вымышлять ихъ по своему, а возмешь тотъ, который давно готовъ для тебя. Да, онъ давно готовъ! Ибо, такъ какъ крестъ есть существенная необходимость для каждаго: то промыслъ Божій располагаетъ нашею жизнію такъ, что для каждаго есть свой крестъ, своя доля скорбей, искушеній, болѣзней. Сей то крестъ есть самый дѣйствительный и животворящій; ибо онъ устроенъ не человѣкомъ, а самимъ Богомъ. Посему кто рѣшился итти за Господомъ и для того взять крестъ, долженъ найти именно свой крестъ, а не брать чуждаго, себѣ не принадлежащаго, дабы за свое своеволіе не пасть подъ его тяжестію.

Но, ужели въ семъ случаѣ нѣтъ никакого мѣста произволу, свободнымъ самолишеніямъ и жертвамъ? Есть, весьма есть! Только первѣе всего надобно рѣшиться переносить лишенія и скорби, посылаемыя отъ Бога; тѣ, кои неизбѣжны по самому нашему положенію въ мірѣ и обществѣ, а потомъ уже, если достанетъ усердія и откроется случай и нужда, рѣшаться на жертвы произвольныя. Но и въ семъ случаѣ необходимо правило—брать крестъ опять не чуждый, а свой, то есть, сообразный съ своимъ

состояніемъ, съ своими силами, съ Христіанскимъ смиреніемъ и самоотверженіемъ. И особенно съ самоотверженіемъ, чтобы, думая имѣть вторый и сугубый плодъ, такъ сказать, въ лучшемъ видѣ, не потерять перваго, и, взявъ крестъ, не взять въ немъ тайно и непримѣтно самаго себя.

Таковъ, братіе мои, смыслъ втораго требованія отъ послѣдователя Христова, и се свойство второй ступени въ лѣствицѣ къ небесамъ!

Третье требованіе и третья ступень есть шествіе съ крестомъ за Господомъ: *да возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ!*

Грядетъ. Жизнь наша есть путь непрерывный: можно остановиться на немъ своею дѣятельностію; но нельзя остановить теченія вещей, развитія или упадка собственныхъ силъ и жизни. Все это, не останавливаясь, идетъ неудержимо. Тѣмъ паче жизнь духовная, Христіанская есть путь непрестанный, всегдашнее хожденіе во свѣтѣ заповѣдей Божіихъ, гдѣ нельзя остановиться безъ того, чтобы въ то же время не остаться назади.

Посему-то Спаситель повелѣваетъ послѣдователю своему, взявъ крестъ, не стоять въ раздумьи, не смотрѣть по сторонамъ, а итти не останавливаясь: то есть, что дѣлать? Во первыхъ, всегда помнить, откуда, изъ какой тьмы и пагубы онъ изведенъ благодатію Божіею,—куда, къ какому свѣту, чистотѣ и совершенству ему должно стремиться, что у него и для чего за плечами, то есть, не свирѣли и тимпаны, не розы и лиліи, а крестъ: а помня все это, непрестанно устремляться въ передняя, переходя путемъ узкимъ отъ вѣры въ вѣру, отъ добродѣтели къ добродѣтели, отъ одного опыта самоумерщвленія къ другому, не удовлетворяясь никакою внѣшнею благовидностію

своего поведенія, а простираясь до истинной чистоты намѣреній, до совершенной Богоугодности дѣйствій, до полнаго умерщвленія въ себѣ грѣха и самолюбія. Такъ поступалъ Апостолъ Павелъ, который и послѣ того, какъ былъ уже на третіемъ небѣ, почиталъ себя еще *не у достигшимъ*,* и нося *язвы Господа на тѣлѣ*** своемъ, будучи распятъ міру, все еще продолжалъ по вся дни умерщвлять тѣло свое, *да некако*, говоритъ, *проповѣдуя инымъ, самъ неключимъ буду*.*** Противно сему поступаютъ тѣ, кои, по надеждѣ на окружающія ихъ лишенія и горести, думаютъ, что они уже чрезъ то совершенно безопасны отъ искушеній и соблазновъ: потому оставляютъ духовное бодрствованіе и предаются бездѣйствію. Отъ того-то именно бываетъ, что иные, какъ выражается сей же Апостолъ, *начеше духомъ*, скончаваютъ плотію.**** Блюдись сего, послѣдователь Христовъ!

Чрезвычайно важно еще при томъ, чтобы, взявъ крестъ, итти не за кѣмъ либо другимъ, а именно за своимъ Спасителемъ: *грядетъ въ слѣдъ Мене*. Увы, братіе мои, можно нести крестъ и итти—не во слѣдъ Спасителя, а въ слѣдъ того же мнимоотвергнутаго грѣховнаго своего человѣка! Можно страдать и терпѣть, и въ тоже время погублять мзду и страданій и терпѣнія! Это бываетъ, когда мы, среди нашего крестоношенія, руководствуемся не вѣрою въ Господа и Его примѣромъ, не правилами Евангелія, а своимъ воображеніемъ и чувствами, или худо понятыми примѣрами другихъ. Въ такомъ случаѣ обыкновенно впадаютъ въ крайности; устремляются къ тому, что, хотя само въ себѣ хорошо, но намъ не свойственно;—и не исполняютъ того, что кажется не такъ высоко, но для насъ

---

* Фил. III, 13. — ** Гал. VI, 17. — *** 1 Кор. IX, 27. — **** Гал. III, 3.

необходимо. Чтобы избѣгнуть сего крестоносцу, надобно непрестанно имѣть предъ очами жизнь Господа своего и, по возможности, подражать ей. Кто будетъ поступать такимъ образомъ, тотъ не увлечется напримѣръ тою неправильною мыслію, якобы для самоотверженія Христіанскаго нужно человѣку броспть всѣ житейскія связи и бѣжать въ пустыню. Спаситель напротивъ для великаго крестоношенія своего изшелъ изъ пустыни; около четырехъ лѣтъ провелъ между людьми всякаго рода, странствуя по градамъ и весямъ. Памятуя сіе, каждый можетъ спокойно оставаться въ своемъ званіи и при своихъ обыкновенныхъ дѣлахъ; только, пребывая и живя, какъ членъ общества, не долженъ забывать, что онъ есть крестоносецъ Христовъ, и что—въ слѣдствіе сего—и ему предлежитъ своя доля скорбей и напастей; если не отвнѣ, то отъ собственнаго сердца и страстей, доколѣ онѣ не будутъ умерщвлены на крестѣ. Кто будетъ итти съ своимъ крестомъ во слѣдъ Спасителя своего, тотъ избѣгнетъ и той искусительной мысли, что для крестоносца Христова вовсе не позволительно участвовать въ невинныхъ радостяхъ жизни, въ удовольствіяхъ семейныхъ, пользоваться дружбою, уваженіемъ сограждан, и прочія. Нѣтъ, Господь самъ не отвергалъ знаковъ любви къ Себѣ, раздѣлялъ общую радость на бракѣ въ Канѣ Галилейской, похвалилъ жену, помазавшую ноги Его муромъ; былъ даже на Ѳаворѣ и блисталъ славою небесною: только и на самомъ Ѳаворѣ не забывалъ креста своего, бесѣдуя съ Моусеемъ и Иліею о исходѣ своемъ, *его же хотяше скончати во Іерусалимѣ,** то есть, о своей крестной смерти. Наконецъ, Онъ ли не имѣлъ мужества нести свой кресть до конца? И однако-

* Лук. IX, 31.

же не перекъ, когда распинатели возложили крестъ Его на Симона Киринейскаго. Тѣмъ паче намъ слабымъ и непостояннымъ, кто бы мы ни были, не подобаетъ уклоняться, когда промыслъ посылаетъ кого либо для облегченія нашего креста, дабы въ противномъ случаѣ не попасть, за свое самонадѣяніе, въ плѣнъ послѣднему врагу — гордости духовной.

Кратко: взявъ крестъ, должно итти путемъ вѣры и добродѣтели,—итти непрестанно, — итти за своимъ Спасителемъ, руководясь Его примѣромъ и повелѣніями,— итти, не озираясь вспять къ прежнимъ грѣховнымъ навыкамъ, не разсѣвая взоровъ по сторонамъ, ограждаясь непрестанно смиреніемъ и молитвою.

Но, куда же приводитъ путь сей?—Гдѣ цѣль его, и что тамъ?

Спаситель не открылъ сего въ настоящемъ случаѣ прямо, потому что, когда предлагалась настоящая бесѣда, Его собственный путь еще продолжался. Но можно ли много недоумѣвать и вопрошать о томъ, гдѣ конецъ пути крестнаго?—Когда велятъ итти съ крестомъ за плечами: то, явно, не на бракъ и пиршество. Когда надобно итти съ симъ крестомъ за Господомъ: то нельзя не притти наконецъ на Голгоѳу.—Для чего носили преступники свои кресты? Для того, чтобы быть распятыми на нихъ. Для того же долженъ нести свой крестъ и ты, Христіанинъ! Смерть, смерть крестная, вотъ цѣль твоего крестоношенія, твоего послѣдованія за Христомъ! *Иже Христовы суть,* говоритъ Апостолъ, *плоть распяша со страстьми и похотьми;** и представляетъ въ примѣръ сего распятія себя самаго: *имъ же мнѣ міръ распялся и азъ міру.***

---

* Гал V, 24. — ** Гал. VI, 14.

Но, если гдѣ, то при сей истинѣ, все падшее существо наше возмущается, вся кости плотскаго человѣка нашего вопіютъ: *не хощемъ сему, да царствуетъ надъ нами.** Что за Царь, у коего вмѣсто скиптра — крестъ? Что за предводитель къ побѣдѣ, который ведетъ послѣдователей своихъ на смерть неизбѣжную? Въ самомъ дѣлѣ, братіе мои, почему такъ мало истинныхъ послѣдователей Христовыхъ?—Именно потому, что, слѣдуя за Христомъ, надобно итти на смерть своей чувственности. Отвергаться самихъ себя отчасти соглашаются; ибо не могутъ не видѣть, что въ нихъ есть много даже такого, чего вовсе нельзя терпѣть. Соглашаются даже и взять крестъ, то есть, переносить скорби, подвергаться лишеніямъ, находя это съ одной стороны неизбѣжнымъ, а съ другой полезнымъ: но быть распяту со Христомъ, погребену, дабы потомъ не имѣть своего ума, своей воли, своей жизни— на это рѣшаются только немногіе, избранные; объ этомъ вовсе не думаютъ, сего не почитаетъ нужнымъ большая часть даже изъ такъ называемыхъ добрыхъ Христіанъ.

Да будетъ же извѣстно, братіе мои, всѣмъ и каждому, что безъ сораспятія нашего Господу и Спасителю нашему невозможно, рѣшительно невозможно, участвовать намъ и въ воскресеніи съ Нимъ: ибо естественная жизнь наша во грѣхѣ и страстяхъ такъ противуположна истинной жизни нашей въ Богѣ, какъ ночь противуположна дню. Чтобы насталъ день и взошло солнце, непремѣнно надобно пройти прежде ночи: подобно сему, чтобы явилась въ насъ жизнь Христова, а съ нею радость и блаженство вѣчныя, необходимо прежде истребиться въ насъ жизни грѣховной. Посему думающіе достигнуть спасенія инымъ

---

* Лук. XIX, 14.

какимъ образомъ, а не чрезъ умерщвленіе своея плоти и страстей, подобны тѣмъ людямъ, кои желали бы получить здоровье, неисцѣлившись отъ лютой болѣзни. Сего не можетъ сдѣлать для насъ Спаситель нашъ: ибо это значило бы предоставить царствіе небесное грѣху и страстямъ. Посему кто хощетъ послѣдовать Ему, тотъ заранѣе долженъ рѣшиться на умерщвленіе въ себѣ всего, противнаго волѣ Божіей, и слѣдовательно первѣе всего—на умерщвленіе своего самолюбія, которое составляетъ корень всѣхъ нашихъ нечистотъ и преступленій.

Дѣло столь великое, хотя можетъ начаться въ насъ каждое мгновеніе, очевидно—не можетъ совершиться въ краткое время; ему должна быть посвящена вся наша жизнь. Посему тотъ въ жалкомъ заблужденіи, кто думаетъ, что для вѣчнаго спасенія души своей достаточно, напр., провести въ покаяніи и молитвѣ одинъ какой либо великій Постъ. Нѣтъ, этотъ великій и воистину душеспасительный Постъ долженъ состоять изъ всей нашей жизни. Пасха и Воскресеніе послѣ таковой Четыредесятницы празднуются уже не на земли, а тамъ—въ не вечернемъ дни царствія Христова.

Очевидно такъ же, что умерщвленіе въ насъ ветхаго человѣка сопряжено со многимъ принужденіемъ себѣ, съ лишеніями и скорбями. Но что же дѣлать? Это болѣзни новаго рожденія отъ духа. Какъ по плоти нельзя родиться безъ крови и слезъ; такъ нельзя возродиться и по духу безъ скорби и печали по Бозѣ. Спаситель никого не принуждаетъ къ сему: *иже аще кто хощетъ!* Но мы сами, понявъ надлежащимъ образомъ дѣло спасенія нашего, мы сами должны отвергнуть широкій путь, вводящій неминуемо въ пагубу, и возлюбить путь узкій, который одинъ вводитъ въ животъ. Ибо, что пользы, если мы, уклонив-

шись отъ ига Христова, и избѣгнемъ скорбей временныхъ, а подвергнемся чрезъ то, подобно богачу Евангельскому, мученію вѣчному? Но избѣгнемъ ли, уклонившись отъ послѣдованія Христу, даже временныхъ скорбей? Увы, міръ насъ обольщающій, имѣетъ не однѣ розы, а и множество вмѣстѣ съ ними терновъ: первыя цвѣтутъ кратко, а послѣдніе — всегда на древѣ. Какая неизмѣримая толпа міролюбцевъ! Но много ли довольныхъ своею участію? Всѣ стонутъ и воздыхаютъ. Посему если уже неизбѣжно страданіе; то лучше терпѣть и страдать для Христа и со Христомъ, нежели для міра и съ міромъ. Въ первомъ случаѣ временными страданіями искупается вѣчное блаженство; а въ послѣднемъ—временныя страданія послужатъ залогомъ и предначатіемъ вѣчныхъ мукъ.

Уразумѣемъ же тайну креста Христова и нашего. Познаемъ необходимость обоихъ крестовъ; познавъ, возлюбимъ тотъ и другой любовію неразрывною; возлюбивъ, будемъ нести свой крестъ, по слѣдамъ Спасителя нашего, распиная на немъ ветхаго человѣка нашего, тлѣющаго въ похотехъ прелестныхъ. Сдѣлаемъ все сіе, братіе мои; ибо, се есть животъ вѣчный! Другаго пути къ животу и царствію для насъ нѣтъ и быть не можетъ! Аминь.

СЛОВО

НА ПАМЯТЬ АЛЕКСІЯ ЧЕЛОВѢКА БОЖІЯ.

Св. Апостолъ Павелъ, бесѣдуя съ Коринѳянами о будущемъ воскресеніи мертвыхъ, замѣтилъ, что какъ звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ,* такъ будетъ въ день Воскресенія и съ тѣлесами Праведниковъ: всѣ, т. е., они заблистаютъ свѣтомъ небеснымъ; но свѣтъ сей будетъ не одинаковъ—въ однихъ сильнѣе, въ другихъ слабѣе. Таковое разнообразіе въ блаженномъ просвѣтленіи Праведныхъ на небѣ произойдетъ, безъ сомнѣнія, не отъ чего другаго, какъ отъ внутренняго разнообразія ихъ душевныхъ качествъ и степени Богоподобія, достигнутой ими на земли.

Какъ бы въ нѣкое предвареніе и залогъ сего служитъ теперь разнообразіе тѣхъ особенныхъ именованій, коими св. Церковь отличаетъ многихъ изъ Угодниковъ Божіихъ. Такъ, иной на языкѣ Церкви называется Великомученникомъ и Многострадальнымъ; — другой Прозорливымъ, третій Постникомъ, тотъ Милостивымъ, сей Молчаливымъ, иной Столпникомъ, другой Начертаннымъ, иной Вселенскимъ Учителемъ. Всѣ сіи и подобныя проименованія, очевидно, не праздныя имена, а выражаютъ собою отличительный характеръ Святыхъ Угодниковъ и служатъ

* 1 Кор. XV, 41.

предвѣстіемъ и залогомъ той особенной славы и того величія, коимъ каждый изъ нихъ украсится во царствіи Отца Небеснаго.

Празднуемый нами, Угодникъ Божій Алексій такъ-же отличается особымъ названіемъ— *Человѣка Божія.* И всѣ Праведники суть человѣки Божіи; подобно какъ грѣшники—человѣки не Божіи, а сыны, какъ называетъ ихъ самъ Спаситель, діавола; но св. Алексій именуется человѣкомъ Божіимъ въ особенномъ нѣкоемъ значеніи, какъбы это названіе принадлежало ему преимущественно предъ всѣми другими.

Отъ кого нареченъ св. Алексій симъ высокимъ именемъ? — Если бы его нарекъ такъ и гласъ человѣческій, подобно какъ св. Іоаннъ еще при жизни его нареченъ былъ Златоустымъ за сладость бесѣдъ своихъ: то и тогда это названіе составило бы для него великую похвалу; ибо это значило бы, что всѣ, видѣвшіе его, признавали въ немъ человѣка Божія въ высшей степени. Но Алексій нареченъ такъ не отъ человѣкъ и человѣкомъ, а свыше, отъ самаго Бога: ибо въ то время, когда Праведникъ скончавалъ теченіе свое и приближался къ исходу изъ сея жизни; недовѣдомый гласъ въ Церкви, во время Богослуженія, возгласилъ: *грядите зрѣть человѣка Божія!*

Поелику же на небѣ нѣтъ именъ праздныхъ или преувеличенныхъ, и что нарекается съ неба, то нарекается по строгому соотвѣтствію названія съ тѣмъ, что называется: то въ имени человѣка Божія, даннымъ такимъ образомъ св. Алексію, содержится, братіе мои, и величайшая похвала для него, и обильное назиданіе для насъ.

И такъ, вникнемъ въ жизнь человѣка Божія и посмотримъ, чѣмъ заслужилъ онъ наименованіе, столь великое и поучительное.

Обозрѣвая жизнь св. Угодника, тотчасъ видишь, что она вся исполнена пламенной любви къ Богу, соединенной съ самоотверженіемъ самымъ высокимъ и всецѣлымъ. Нѣтъ почти ни одной возможной для человѣка жертвы, которой бы онъ не принесъ въ даръ Богу. Алексій былъ единственнымъ наслѣдникомъ великихъ и разнообразныхъ стяжаній своихъ родителей;—и, отвергнувъ всѣ сіи богатства, содѣлался на всю жизнь нищимъ Христа ради. Алексію, по самому происхожденію его отъ славнаго и высокаго рода, предлежалъ путь честей и отличій, благоволеніе Монарха и близость ко двору его: онъ, презрѣвъ всякую славу и честь, смирилъ себя, подобно Спасителю, до рабіяго зрака. Алексій цвѣлъ красотою и избыткомъ силъ телѣсныхъ: но въ самой юности еще увядилъ постомъ и трудами плоть свою до того, что самые родители не могли узнать его, и до самой кончины содержали его въ домѣ своемъ, какъ чуждаго странника. Съ нимъ сочетана была бракомъ благороднѣйшая и лучшая изъ невѣстъ Римскихъ:—и, дѣва до брака, осталась дѣвою до конца своей жизни, не зрѣвъ супруга своего на ложѣ брачномъ; ибо, уязвленный другою, высшею любовію, Алексій въ самую ночь брачную сокрылся навсегда изъ подъ крова родительскаго. Казалось окончен весь рядъ жертвъ — все отдано Богу; — и отдаленная пустыня, въ которую уклонился юный подвижникъ, сохранитъ навсегда въ себѣ сію вѣтвь райскую. Нѣтъ, она только возраститъ и укрѣпитъ ее для новыхъ плодовъ, то есть, для новыхъ жертвъ и подвиговъ.

Но, что же можно сдѣлать болѣе? Развѣ претерпѣть мученическую смерть за Христа? Но время гоненій за Вѣру уже прошло: вѣнца мученическаго уже нѣтъ. Нѣтъ рукотвореннаго, кроваваго; но есть нерукотворенный, без-

кровный; — и онъ долженъ украсить главу подвижника. Какимъ образомъ? Внемлите и возблагоговѣйте!

Пустыня, ограждавшая Алексія отъ всего міра, начинаетъ терять безмолвіе отъ славы его подвиговъ: онъ видитъ вокругъ себя непрестанно людей, ищущихъ его молитвъ и благословенія; видитъ и спѣшитъ бѣжать отъ похвалъ и чести, его преслѣдующихъ, въ другое отдаленное мѣсто, гдѣ бы никто не зналъ его, кромѣ Бога и Ангела Хранителя. И что же? Море, коему онъ для сего ввѣряетъ себя, внезапно воздымается бурею, и, — такъ устроившу Промыслу, — износитъ корабль его предъ врата града отеческаго!..

Другой со взоромъ, менѣе очищеннымъ и не такъ способнымъ проникать во глубину путей Божіихъ, увидѣлъ бы въ семъ простой случай, и снова началъ бы искать удаленія отъ того мѣста, гдѣ сосредоточены всѣ искушенія для сердца. Но для Человѣка Божія нѣтъ случая: онъ познаетъ въ семъ событіи волю Божію о себѣ, и что же предпринимаетъ? Искомую пустыню умышляетъ найти для себя въ самомъ домѣ отеческомъ: является предъ него въ видѣ странника, испрашиваетъ себѣ у родителей, во имя давно потерянаго сына ихъ, малаго угла въ дому; — и, само-заключенный, проводитъ въ немъ 17 лѣтъ въ подвигахъ поста и молитвы! Собственные слуги его, по наущенію духа злобы, обливаютъ его иногда нечистотами; онъ терпитъ! — Ежедневно видитъ мать и отца, скорбящихъ о потерѣ сына; и терпитъ! Слышитъ вопли супруги, оплакивающей свое вдовство безвременное; и терпитъ!—Когда всѣ бесѣдуютъ о немъ; онъ за всѣхъ бесѣдуетъ съ единымъ Богомъ. Судите, чего стоили для сердца человѣческаго сіи 17 лѣтъ, проведенныхъ такимъ образомъ! И вотъ, тотъ безкровный вѣнецъ мученическій,

коимъ суждено было свыше украситься Человѣку Божію!...

Престанемъ же, братіе мои, ссылаться на невозможность съ нашею бренною плотію побѣждать приверженность къ вещамъ земнымъ. Ибо вотъ съ ссю самою плотію оставлены ради Христа всѣ блага міра, прерваны всѣ узы плоти, побѣждена природа со всѣми ея не только нечистыми, но и самыми невинными требованіями!

Предложить ли однако же сей примѣръ для подражанія всѣмъ и каждому? Нѣтъ, это было бы не по духу самаго Евангелія. Не всѣ могутъ быть Авраамами, чтобы принести въ жертву Исаака; не всѣ — Алексіями, чтобы изъ подъ вѣнца брачнаго устремиться прямо за вѣнцемъ мученическимъ. *Могій вмѣстити, да вмѣститъ!** Но, не имѣя способности подражать нѣкоторымъ подвигамъ Святыхъ человѣковъ Божіихъ во всей ихъ полнотѣ и, можно сказать, безпредѣльности, мы должны приближаться къ нимъ — поколику для насъ возможно — въ ихъ любви къ Богу и презрѣніи благъ мірскихъ. Хочешь ли въ настоящемъ случаѣ видѣть, въ чемъ можно и намъ подражать Человѣку Божію? Внемли, тебя Богъ благословилъ богатствомъ и стяжаніями, отъ предковъ ли доставшимися, или тобою самимъ пріобрѣтенными: пользуйся ими, но не употребляй во зло—свое и другихъ; содѣлай блага земныя средствами къ пріобрѣтенію благъ небесныхъ; яви собою въ маломъ видѣ то, что Богъ дѣлаетъ въ великомъ, то есть, сдѣлайся благодѣтелемъ неимущихъ и нуждающихся: тогда и при богатствѣ, или лучше сказать, за самое богатство твое ты будешь Человѣкомъ Божіимъ; ибо всѣ облагодѣтельствованные тобою будутъ прославлять, ряди тебя, Отца, иже на небесѣхъ.

* Мат. XIX, 12.

Предъ тобою открытъ путь достоинствъ и почестей: иди по немъ, но иди прямою и чистою стезею, не употребляя никакихъ недостойныхъ средствъ къ твоему возвышенію, не жертвуя для сего совѣстію; и чѣмъ болѣе будешь возвышаться надъ собратіями твоими, тѣмъ болѣе смиряйся въ духѣ твоемъ, пользуясь высотою своею для покрова и поддержанія слабыхъ и угнѣтенныхъ. Яко облеченный довѣріемъ власти предержащей, говори истину, которую другой не въ состояніи сказать, — стой за правду и тогда, когда всѣ ее оставляютъ,—являй всегда и вездѣ собою примѣръ безкорыстія и самоотверженія для блага общественнаго, съ терпѣніемъ переноси клевету и зависть: тогда ты, и при высотѣ твоей и достоинствахъ, или лучше сказать, за сію самую высоту и достоинства, честно достигнутыя, праведно поддерживаемыя, на добро обращаемыя, будешь Человѣкомъ Божіимъ; ибо всѣ будутъ, ради тебя, прославлять имя Божіе.

Ты вступилъ въ бракъ; обязался узами супружества: вкушай чистыя радости семейной жизни; но не забывай, что ты въ союзѣ не съ одною твоею супругою, что ты въ крещеніи сочетался Христу, и что душа твоя уневѣщена Ему, яко жениху, и тебя ожидаетъ брачная вечеря во царствіи Его. Памятуя сіе, веди себя какъ прилично тому, который долженъ быть нѣкогда единъ духъ съ Господемъ. Если чада твои рождены будутъ не въ похоти плоти, а по духу Вѣры и воспитаны въ страхѣ Божіемъ; если домочадцы твои сохранены отъ пороковъ и разврата; если домъ твой есть подобіе Церкви — все въ немъ боится Бога, дѣлаетъ правду, наблюдаетъ миръ и чистоту: то ты и въ супружествѣ, и за супружество, Человѣкъ Божій! Аминь.

СЛОВО

ВЪ СРЕДУ 4-й НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ! Лук. XXIII, 42.

Св. Церковь поступаетъ съ нами, какъ матери поступаютъ съ младенцами, когда учатъ ихъ говорить. Матери заставляютъ для сего младенцевъ повторять за собою имена лицъ и названіе предметовъ, кои всего нужнѣе для разговора: такъ дѣлаетъ и Церковь. Поелику для насъ грѣшниковъ всего нужнѣе покаяніе; то чтобы научить каяться во грѣхахъ нашихъ, она заставляетъ насъ въ настоящіе дни повторять, въ слѣдъ за нею,—то покаянный псаломъ Давидовъ: *помилуй мя, Боже, по великій милости Твоей;* то умилительную пѣснь Израильтянъ: *на рѣкахъ Вавилонскихъ — тамо сѣдохомъ и плакахомъ;* то сокрушенную молитву св. Ефрема Сирина: *Господи и Владыко живота моего;*—то настоящее трогательное воззваніе къ Спасителю покаявшагося на крестѣ разбойника: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ!*

Поелику за сіи послѣднія слова тому, кто произнесъ ихъ, сказано отъ самаго Спасителя: *днесь со мною будеши въ раи;* то не удивительно, что они сдѣлались особенно драгоцѣнными для всѣхъ грѣшниковъ, и всякой разъ, ког-

да возглашаются въ Церкви, производятъ всеобщее видимое впечатлѣніе, выражающееся осѣненіемъ себя крестомъ и приклоненіемъ главы. Каждый чувствуетъ, что въ семъ воззваніи кающагося разбойника содержится какъ бы нѣкій ключь ко вратамъ рая. И подлинно, это ключь къ царствію; только для того, дабы отверзать имъ, что хотятъ, надобно не имѣть только его въ своихъ рукахъ, а умѣть дѣйствовать имъ какъ должно. Иначе мы сами что подумали бы о царствіи небесномъ, если бы для входа въ него стоило только произнести нѣсколько словъ? Если онѣ отверзли рай разбойнику; то потому, что съ сими малыми словами въ устахъ. у него крайне много соединено было въ сердцѣ. Безъ сего и разбойникъ, сколько бы ни повторялъ ихъ на крестѣ своемъ, не услышалъ бы того вожделѣннаго отвѣта, коимъ благоволилъ удостоить его Спаситель міра.

Кому же, спросите, могутъ онѣ отверзть рай?—Тому, во первыхъ, кто имѣетъ такую же живую и твердую Вѣру въ Господа Іисуса, какую имѣлъ разбойникъ на крестѣ. Посмотрите, какъ онъ вѣруетъ! Вѣруетъ такъ, какъ не вѣровали въ часъ смерти Господа, многіе изъ ближайшихъ учениковъ Его. Ибо самъ Петръ отвергся Его въ это время трижды, и притомъ съ клятвою. Петръ отвергается, а разбойникъ сего отверженнаго всѣми, сего умученнаго, распятаго вмѣстѣ съ злодѣями, оставленнаго, по видимому, самимъ Отцемъ Его, признаетъ не сотворившимъ ни единаго зла, именуетъ Господомъ своимъ и Владыкою, и приноситъ Ему смиренную молитву о томъ, чтобы не быть забытымъ отъ Него въ Его будущемъ царствіи!.. Что можно представить себѣ выше и сильнѣе такой Вѣры?—Суди же послѣ сего самъ, въ состояніи ли ты усвоить себѣ исповѣданіе разбойника? Если чувствуешь въ себѣ

присутствіе его Вѣры; если вопреки всѣхъ мудрованій лжеименнаго разума, который и до нынѣ ослѣпленный, продолжаетъ видѣть въ Іисусѣ Сына не Божія, а только Маріи,—ты постоянно видишь въ Немъ Христа, Божію силу и Божію премудрость; если ты готовъ остаться съ Нимъ, и тогда, когда бы всѣ оставили Его; если ни Его крестъ, за тебя несомый, ни твой, для Него подъемлемый, нисколько не соблазняютъ тебя. а еще болѣе привязываютъ къ нему твою душу и сердце: то смѣло отверзай уста и произноси: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ!* Гласъ твой будетъ услышанъ; и двери рая не затворятся для твоей Вѣры!

Кто можетъ достойно произнести слова разбойника? Тотъ, кто подобно ему, не только искренно сознаетъ свои грѣхи, и благодушно переноситъ ихъ несчастныя послѣдствія. Разбойникъ, не смотря на свое покаяніе, подвергся на земли всему, что преступникъ закона можетъ потерпѣть отъ правосудія человѣческаго: онъ умираетъ теперь на крестѣ въ ужасныхъ мукахъ. Но смотри какъ терпитъ эти муки! Когда злополучный клеврет его предается безполезному ропоту; онъ смиренно исповѣдуетъ, яко *по дѣломъ наю воспріемлева.* Какъ бы такъ говорилъ: что ты ропщешь? Съ нами происходитъ именно то, что должно: подобные намъ грѣшники по необходимости должны мучиться и страдать.—Это показываетъ, что въ немъ произошла рѣшительная перемѣна мыслей, что онъ почувствовалъ всю худость своихъ поступковъ, получилъ сердечное омерзеніе ко грѣху и смотритъ на него, какъ на такого врага человѣку, отъ котораго не много значитъ освободиться даже муками крестными. Не потому ли, можетъ быть, онъ не проситъ у Спасителя даже облегченія своихъ страданій, даже мужества для перенесенія ихъ;—

хочетъ, то есть, испить чашу мученій до дна, дабы горечію ея очиститься отъ всѣхъ прежнихъ тлетворныхъ сладостей грѣха. Взоръ его весь устремленъ въ одно будущее, къ жизни вѣчной за гробомъ. Тамъ хочетъ онъ начать новое бытіе и новую дѣятельность, чистую и святую; и молитъ Іисуса о томъ, дабы грѣхи его не воспрепятствовали ему въ семъ благомъ намѣреніи: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ!* — То есть, покрой грѣхи мои предъ судомъ правды Божіей, дополни, отъ заслугъ Твоихъ, чего не достанетъ въ казни, мною претерпѣнной: да буду и въ царствіи Твоемъ не отринутъ отъ лица Твоего такъ же, какъ теперь удостоенъ приблизиться къ Тебѣ крестомъ моимъ! Таковы: смиреніе, преданность и упованіе кающагося разбойника!

Хощешь ли убо, грѣшникъ, и ты улучить благую часть его? Улучи же прежде его чувства. — Не ограничивайся слабымъ признаніемъ, что ты грѣшникъ:—кто изъ грѣшниковъ не имѣетъ его?—Но покажи, что ты чувствуешь всю мерзость грѣховъ твоихъ. Чѣмъ показать? Во первыхъ тѣмъ, чтобы навсегда бросить грѣхъ; а во вторыхъ, благодушнымъ терпѣніемъ тѣхъ бѣдствій, кои, какъ тѣнь за тѣломъ, всегда слѣдуютъ за грѣхомъ. Подвергло ли тебя правосудіе человѣческое заслуженному наказанію: неси его безъ ропота, говоря, подобно разбойнику: *по дѣломъ наю воспріемлева.* Произошелъ ли отъ грѣховной жизни твоей самъ собою вредъ и зло, напр. болѣзнь, лишеніе имущества, безчестіе;—терпи благодушно говоря: *по дѣломъ наю воспріемлева.* Истинно кающійся, почувствовавъ мерзость грѣха, не только не старается избѣгать наказанія за него, а ищетъ, и не рѣдко проситъ его, какъ милости; не находя у другихъ, самъ изобрѣтаетъ для себя наказаніе. Когда и ты поставишь себя въ такое рас-

положеніе духа: то отверзай уста съ вѣрою и говори: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ!* Гласъ твой услышится; и ты не будешь забытъ Владыкою рая.

Кто можетъ достойно произносить слова разбойника?

Тотъ, кто, подобно сему разбойнику, не только самъ чувствуетъ отвращеніе отъ грѣха, престаетъ грѣшить; но и старается привесть къ покаянію подобныхъ себѣ грѣшниковъ, особенно тѣхъ, съ коими участвовалъ въ беззаконіяхъ. Это святая обязанность кающагося грѣшника: онъ долженъ употребить все, чтобы не самому только возвратиться на путь правый, но и возвратить на него тѣхъ, кои совращены имъ съ него его страстями. Какъ трогательно исполняетъ сію обязанность кающійся на крестѣ разбойникъ въ отношеніи къ распятому собрату своему! Можетъ быть, не онъ соблазнялъ его на грѣхъ, а самъ былъ соблазненъ имъ: но поелику злодѣянія были общія; то онъ хочетъ раздѣлить съ нимъ и свое покаяніе. *Ни ли ты боишися Бога?* говоритъ онъ, услышавъ хулу его на Іисуса; *мы убо по дѣломъ наю воспріемлева: Сей же ни единаго зла сотвори.* Не много словъ, но какого самоотверженія стоило произнести ихъ тому, кто самъ раздираемъ былъ муками отъ креста? Посему-то кающійся разбойникъ не оканчиваетъ даже своей проповѣди собрату своему, а, прервавъ ее, слабѣющими устами обращается къ Спасителю съ молитвою: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ!* — желая уже не словами одними, а и примѣромъ своимъ досказать бѣдному собрату, что и ему надобно сдѣлать.

И такъ, кающійся грѣшникъ, если хочешь усвоить себѣ сію молитву; то не останавливайся на своемъ обращеніи. Ты грѣшилъ не одинъ, и каяться долженъ не одинъ.

Не скрывай убо обращенія своего, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, предъ другами и клевретами твоего беззаконія: всѣ видѣли, что ты грѣшникъ, пусть всѣ увидятъ, что ты грѣшникъ кающійся. Какъ бы кто изъ прежнихъ клевретовъ твоихъ, подобно распятому клеврету кающагося разбойника, безумно ни издѣвался надъ дѣломъ спасенія: ты не долженъ симъ огорчаться, а дѣлать свое дѣло. Совѣтуй, проси, умоляй, заклинай,—но старайся возвратить на путь правый соучастниковъ твоихъ. Ибо такимъ токмо образомъ ты будешь подобенъ благоразумному разбойнику и можешь не постыдно говорить съ нимъ ко Спасителю твоему: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ!*

Вообще, братіе мои, не должно думать, что когда мы произнесемъ нѣсколько словъ со вздохомъ—Давидовыхъ ли, мытаря ли, разбойника ли кающагося, то уже имѣемъ право на помилованіе и можемъ продолжать грѣшить безпечно, по прежнему. Нѣтъ, это было бы заблужденіе самое грубое. Въ такомъ случаѣ сіи же самыя слова послужатъ намъ въ осужденіе. Ты зналъ и вѣдалъ, скажутъ намъ нѣкогда, какъ должно каяться; ибо твои же уста произносили слово покаянія Давидова, или разбойника на крестѣ. Зачѣмъ же, употребляя ихъ слова, не подражалъ ихъ дѣйствіямъ? Для чего принималъ ихъ образъ, и не стяжалъ ихъ духа и сердца?—И такъ, умоляя вмѣстѣ съ разбойникомъ Господа, чтобы Онъ воспомянулъ насъ *во царствіи Своемъ*, позаботимся о томъ, чтобъ было что воспомянуть о насъ Господу, дабы намъ, и воспомянутымъ, не сдѣлалось хуже отъ самаго воспоминанія о насъ, то есть, отъ нашихъ неправдъ и нашего нераскаянія во грѣхѣ. Аминь.

СЛОВО

ВЪ ПЯТОКЪ 4-й НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ! Лук. XXIII, 42.

Нѣтъ, братіе мои, ни одного самаго сильнаго и дѣйствительнаго врачевства, которое отъ злоупотребленія не могло бы обратиться во вредъ. Даже чѣмъ сильнѣе и лучше лѣкарство, тѣмъ бываетъ вреднѣе, когда употребляютъ его не какъ должно. Трогательный примѣръ разбойника, покаявшагося на крестѣ и за свое покаяніе удостоившагося слышать изъ устъ самаго Спасителя: *днесь со Мною будеши въ раи!*—есть одно изъ дѣйствительнѣйшихъ врачевствъ духовныхъ для кающихся грѣшниковъ, къ поддержанію въ нихъ надежды на милость Божію, къ огражденію ихъ отъ уныніе и отчаянія. Но и сіе врачевство, вмѣсто пользы, иногда ожесточаетъ болѣзнь душевную, и обращается въ пагубу; когда, по надеждѣ на примѣръ покаявшагося и спасшагося на крестѣ разбойника, отлагаютъ свое покаяніе до послѣднихъ минутъ жизни. Извѣстно, какъ судятъ въ такомъ случаѣ: разбойникъ, говорятъ, за нѣсколько минутъ до смерти успѣлъ принести покаяніе и войти въ рай; тѣмъ паче намъ, кои не разбойники, возможно будетъ раскаяться во грѣхахъ предъ

самою смертію. и удостоиться, подобно ему, помилованія. Противъ сего ложнаго умствованія можно бы сказать многое, а паче всего то, что съ смертію и адомъ, какъ замѣтилъ еще древній святой Мудрецъ, нѣтъ договора и условій, что онѣ не дадутъ намъ предъ кончиною нашею, можетъ быть, и нѣсколькихъ минутъ на покаяніе; ибо многіе, какъ показываетъ опытъ, умираютъ внезапно: но, мы, оставивъ все прочее, хотимъ теперь показать наипаче то, что самый примѣръ разбойника нисколько не можетъ служить поводомъ къ отлаганію нашего покаянія до смерти, и что тѣ ошибаются самымъ жестокимъ образомъ, кои думаютъ видѣть въ семъ разбойникѣ образецъ покаянія самаго удобнаго и легкаго. — Да даруетъ Господь, чтобы слово наше о семъ послужило кому-либо на пользу и воздвигло отъ ложной надежды хотя единаго изъ грѣшниковъ.

И такъ, возлюбленный собратъ, ты ищешь для себя покаянія легкаго, хочешь для сего всю жизнь отдать грѣху и страстямъ, въ надеждѣ послѣдними минутами купить, такъ сказать, за безцѣнокъ рай Божій. Ищи же примѣра для сего покаянія, гдѣ угодно, только не въ лицѣ разбойника на крестѣ.—Какъ? легкое покаяніе, когда руки и ноги прободены гвоздями? легкое покаяніе когда въ спискѣ самыхъ варварскихъ мученій нѣтъ большаго, какъ быть распяту? Легкое покаяніе, когда отъ мукъ крестныхъ самъ великій Подвигоположникъ вопіетъ: *Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставилъ?* * Поставь себя на мѣстѣ истаевающаго въ мукахъ разбойника, почувствуй, если можешь, то, что онъ, распятый, терпитъ и чувствуетъ;—и тогда воображай, если угодно, что его покаяніе легко и удобно.

* Мат. XXVII, 46.

„Но все же,—подумаетъ кто-либо,—рай стоилъ разбойнику только нѣсколькихъ часовъ мученія и нѣсколькихъ словъ.“ И что же бы, скажи, можно было сдѣлать ему теперь болѣе въ его положеніи? Если бы онъ сошелъ со креста, тогда мы въ правѣ были бы требовать отъ него дальнѣйшихъ плодовъ покаянія, новыхъ различныхъ подвиговъ добродѣтели; и онъ, безъ сомнѣнія, удивилъ бы насъ чистотою своей жизни и самоотверженіемъ: но теперь остаются у него свободны однѣ мысли и уста; и смотри, какъ онъ употребляетъ ими! Правда, что изъ его устъ исходитъ только нѣсколько словъ: но прислушайтесь къ симъ словамъ:—въ нихъ вся полнота вѣры, любви и надежды,—все, что можно требовать при смерти не только отъ грѣшника, но и отъ самаго праведника. Чего стоило одно то, чтобы назвать въ эту минуту Господомъ и Владыкою рая того, кто висѣлъ на крестѣ? — Если бы разбойникъ видѣлъ Іисуса, вызывающимъ Лазаря изъ гроба; то не трудно было бы воскликнуть подобно Ѳомѣ: *Господь мой и Богъ мой!* * Если бы онъ зрѣлъ Его на Ѳаворѣ во славѣ между Моисеемъ и Иліею; то легко было бы съ Петромъ сказать: *добро здѣ быти!*** *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго!**** Если бы онъ слышалъ, по крайней мѣрѣ, Его бесѣдующимъ во храмѣ; то на благодать, льющуюся изъ устъ Его, можетъ быть невольно бы отвѣчалъ: *къ кому идемъ? глаголы живота вѣчнаго имаши.* ***** Теперь же, что предъ очами разбойника? Единъ крестъ Іисусовъ и Его муки! Что слышитъ онъ? отовсюду хулу и насмѣшки надъ страждущимъ. Обѣтованный Мессія отличается отъ него только однимъ вѣнцемъ терновымъ!.. И въ семъ то отверженномъ, по видимому, не только людьми, но и самимъ Богомъ, человѣкѣ,

* Іоан. XX, 28.—** Мат. XVII, 4.—*** Мат. XVI, 16 —**** Іоан. VI, 68.

разбойникъ узнаетъ Искупителя всѣхъ человѣковъ, Сына Божія!.. Какой вѣры требовалось, чтобы не ослѣпнуть среди всеобщей тьмы, не увлечься бурнымъ потокомъ общаго мнѣнія, вознестись надъ всѣми соблазнами! Но разбойникъ возносится!.. Іисусъ и на крестѣ для него тоже, какъ если бы онъ видѣлъ Его на престолѣ славы. Подлинно, если о Сотникѣ Капернаумскомъ сказано, что вѣрѣ его подобной не было въ цѣломъ Израилѣ; то о разбойникѣ въ настоящую минуту должно сказать, что его вѣры нельзя было обрѣсти тогда въ цѣломъ мірѣ.

И сей то примѣръ мы беремъ въ возглавіе нашей лѣности въ дѣлѣ спасенія? И на семъ то крестѣ разбойника, на сихъ то гвоздяхъ мы думаемъ спокойно опочить во грѣхахъ до самой смерти? Увы, намъ ли, при нашемъ маловѣріи, при нашемъ разслабленіи духовномъ, намъ ли, говорю, надѣяться, что мы въ часъ смерти, возъимѣемъ ту силу вѣры, коей не было въ часъ смерти Господа въ нѣкоторыхъ изъ самыхъ Апостоловъ?

Но въ разбойникѣ, какъ мы видѣли въ прошедшемъ собесѣдованіи, открылась на крестѣ не одна вѣра чрезвычайная, открылась во всей силѣ и любовь къ ближнимъ, которая заставила его, забывъ собственныя муки, пещись о спасеніи своего несчастнаго собрата. Многіе ли способны къ такому высокому самоотверженію? И если бы кто былъ къ сему способенъ; то мы, кои хочемъ продолжать грѣховную жизнь до смерти, мы именно потому самому всего менѣе будемъ способны. Ибо, думаешь ли, нераскаянный грѣшникъ, что окаменѣвшее во грѣхѣ сердце твое вдругъ въ состояніи будетъ источить сію святую воду любви? Увы, если бы предъ симъ камнемъ сталъ самъ Моисей съ жезломъ своимъ; то и онъ сказалъ бы: *еда изъ камене сего изведемъ вамъ во-*

*ду.** Въ самомъ дѣлѣ, сколько духовные Отцы ни употребляютъ увѣщаній надъ умирающими грѣшниками, но что большею частію видятъ и слышатъ? Видятъ одну сухость сердца и отчаяніе; слышатъ одинъ вопль болѣзни, или даже ропотъ, нисколько не похожій на гласъ кающагося разбойника. Престанемъ же обольщать себя примѣромъ Голгоѳскаго разбойника, который, если правильно понять его, скорѣе долженъ устрашить насъ, нежели расположить кого-либо къ безпечности въ дѣлѣ спасенія. Если,—такъ надлежитъ разсуждать въ семъ случаѣ,—если и изъ двухъ грѣшниковъ, кои были распяты и умирали вмѣстѣ со Спасителемъ, одинъ содѣлался добычею ада; то кто можетъ въ безпечности ожидать своего спасенія? Правда, другой спасся и улучилъ рай; но сколько самыхъ рѣдкихъ совершенствъ обнаружилось въ душѣ его! Если токмо такое покаяніе пріемлется, какъ сего разбойника; то хотя бы всѣмъ предъ смертію былъ отверстъ рай, въ него войдутъ весьма немногіе. Чѣмъ ожидать въ себѣ такихъ чудесъ благодати,—кои, можетъ быть, еще прежде были заслужены разбойникомъ,—стократъ благоразумнѣе и лучше—заранѣе вступить на путь покаянія и приготовить свою душу къ вѣчности.

Къ чему же, наконецъ, спроситъ кто-либо, долженъ служить намъ примѣръ спасшагося на крестѣ разбойника? Къ тому, во первыхъ, чтобы не соблазняться ничѣмъ въ лицѣ и ученіи Спасителя нашего, Который и доселѣ, какъ на Голгоѳѣ, для сыновъ погибели служитъ предметомъ хулы и недоумѣній преступныхъ. Когда ты услышишь гдѣ-либо подобныя безумныя насмѣшки не только надъ лицомъ Спасителя, но и надъ чѣмъ либо священ-

* Чис. XX, 10.

нымъ. касающемся вѣры и Церкви Его, — вспомни разбойника и скажи: *Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ!*

Къ тому, во вторыхъ, дабы не думать, что если ты за твои грѣхи потерпѣлъ наказаніе на земли, то уже совершенно чистъ и правъ предъ Богомъ и можешь смѣло ожидать смерти, дабы итти прямо въ рай. Когда придетъ къ тебѣ сія обманчивая мысль; то вспомни разбойника, который претерпѣлъ на земли самую ужасную казнь, и, однакоже, не думалъ чрезъ то быть правымъ, а ожидалъ помилованія отъ милосердія Господня, и скажи съ нимъ же: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ!*

Къ тому, въ третьихъ, чтобы не отчаяваться отъ множества своихъ грѣховъ въ милосердіи Божіемъ, и, призвавъ на помощь Спасителя, бодрственно вести брань съ злыми навыками—въ надеждѣ, что Тотъ, Который не отвергъ кающагося на крестѣ разбойника, не отвергнетъ и твоихъ слезъ и твоего смиреннаго гласа, когда ты возопіешь къ Нему съ вѣрою и любовію. Посему когда врагъ искуситель будетъ располагать тебя къ унынію и отчаянію, говоря, что тебѣ не возможно быть помилованну, представь разбойника на крестѣ и молись его словами: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ!*

Къ тому, наконецъ, что если прилучится тебѣ быть застигнутымъ смертію совершенно внезапно, и ты не имѣешь возможности уже ничего сдѣлать на пользу бѣдной души твоей; то, по крайней мѣрѣ, старайся предать Господу духъ твой съ сими словами: *Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ!* Аминь.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ 4-ю ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Изъ предшествующихъ собесѣдованій нашихъ вамъ уже извѣстно, братіе мои, что настоящій день недѣльный посвященъ Церковію хвалебному воспоминанію памяти св Іоанна Лѣствичника. Не безъизвѣстно также и то, что великая честь сія воздана ему Церковію преимущественно за то руководство въ духовной жизни, какимъ пользовались отъ него многіе во время житія его на земли, и которое онъ, можно сказать, увѣковѣчилъ для всѣхъ насъ въ душеспасительномъ твореніи своемъ, извѣстномъ подъ именемъ Лѣствицы.

И такъ, намъ остается, сообразно намѣренію Церкви, познакомить васъ съ сею Лѣствицею, которая, къ сожалѣнію, мало извѣстна даже для тѣхъ, коимъ не противно было бы начать не умозрительный токмо, а и дѣятельный восходъ по священнымъ ступенямъ ея.—Причиною такой неизвѣстности сей превосходной книги можетъ быть отчасти и языкъ ея—Славянскій, и потому не для всѣхъ понятный. Ибо, мы, учась многимъ языкамъ иностраннымъ, кои большею частію не находятъ у насъ для себя почти никакого употребленія, не брежемъ, къ стыду нашему, о изученіи языка Славянскаго, не смотря на

то, что онъ есть языкъ Священнаго Писанія, языкъ Церкви и корень нашего языка отечественнаго. Но, если бъ была охота, то Лѣствица Іоаннова могла бъ къ желающимъ явиться и на томъ самомъ языкѣ, который для нихъ сдѣлался одною изъ первыхъ потребностей въ жизни. Ибо, твореніе сіе, за его достоинство, давно усвоено всѣми образованными народами. Но мы, жертвуя языку Галловъ такъ многимъ, не умѣемъ и не хотимъ извлекать изъ него той пользы, которую онъ могъ бы доставить намъ духовными твореніями, на немъ находящимися;— а только, подобно неразумнымъ дѣтямъ, сосемъ изъ него ядъ сладкій, посредствомъ чтенія душетлѣнныхъ повѣстей и высокоумныхъ мечтаній.

Но, обратимся къ Лѣствицѣ Іоанновой. Такъ названо имъ самимъ собраніе душеполезныхъ размышленій о главныхъ добродѣтеляхъ Христіанскихъ, преимущественно тѣхъ, коими подавляется и умерщвляется въ насъ ветхій нашъ человѣкъ, то есть, грѣхолюбивая плоть съ ея страстями и похотями, и оживаетъ вмѣсто его, растетъ и укрѣпляется въ насъ человѣкъ новый, духовный, живущій по Возѣ вѣрою, любовію и упованіемъ жизни вѣчной. Составлено сіе твореніе для посвятившихъ себя жизни иноческой; но поелику сущность дѣла спасенія для всѣхъ одна и та же, и состоитъ въ очищеніи природы нашей отъ зла, въ ней гнѣздящагося, и въ наполненіи ея благодатію Божіею, а съ нею и всѣми добродѣтелями: то Лѣствица Іоаннова весьма полезна и душеспасительна для всякаго, кто желаетъ быть Христіаниномъ не на словахъ токмо и по имени, а на самомъ дѣлѣ. Число ступеней или духовныхъ размышленій въ Лѣствицѣ — тридесять, по числу лѣтъ земной жизни Господа нашего до Его Крещенія: ибо Господь крестился и изшелъ на дѣло нашего

спасенія не прежде тридесяти лѣтъ, и при томъ потому, какъ должно полагать, что въ это время естество человѣческое достигаетъ своего полнаго возраста; а мы всѣ, по наставленію Апостола, должны приходить въ мѣру возраста исполненія Христова, — къ чему ведетъ и способствуетъ Лѣствица Іоаннова. Посему и добродѣтели слѣдуютъ въ ней, одна за другою, въ естественномъ ихъ порядкѣ и преемствѣ, начиная отъ пріуготовительныхъ и низшихъ.

„Вотъ краткое, внѣшнее очертаніе творенія Іоаннова! Хотите ли ознакомиться съ его внутреннимъ духомъ? Для сего, сообразно нынѣ чтенному Евангелію, * гдѣ въ одномъ изъ событій изображена чудотворная сила молитвы, прочитаемъ изъ его Лѣствицы размышленіе о молитвѣ.

„Молитва,—такъ начинаетъ св. Лѣствичникъ,—въ разсужденіи своего качества, есть сообщеніе и соединеніе человѣка съ Богомъ: а въ разсужденіи дѣйствія, есть ходатайство о благосостояніи мїра, Божіе примиреніе, матерь и дщерь слезъ, очищеніе грѣховъ, надежный мостъ для прехожденія волнъ искушеній, средостеніе, защищающее отъ всякихъ злоключеній, пресѣченіе внутреннихъ браней, Ангельское упражненіе, всѣхъ безтѣлесныхъ существъ пища, будущее веселіе, непрерывное дѣйствіе, источникъ добродѣтелей, ходатайца благодатныхъ дарованій, невидимое преспѣяніе, душевное брашно, просвѣщеніе мысли, сѣкира отчаянія, утвержденіе надежды, разрушеніе печали, монашеское богатство, безмолвническое сокровище, утоленіе гнѣва, зерцало духовнаго успѣванія, учительница умѣренности, живое представленіе человѣческаго состоянія, будущихъ вещей вѣстница, пред-

* Мар. IX, 29.

знаменованіе грядущія славы. Молитва, для молящагося истинно, есть судъ и истязаніе Господне, прежде будущаго онаго страшнаго судища.“

Скажите, кто бы изъ насъ могъ лучше и полнѣе изобразить свойство и силу молитвы? Сколько тутъ, не говорю мыслей и чувствъ молитвенныхъ, а тайнъ и чудесъ молитвы? И какъ ощутительно, что все это изображеніе молитвы составлено не по воображенію, какъ нерѣдко бываетъ у насъ, а по дѣйствительному опыту! Отъ того какъ полно жизни каждое слово и выраженіе!

Вотъ что повѣствуетъ потомъ св. Лѣствичникъ о различныхъ видахъ молитвы.

„Предстояніе на молитвѣ едино: но многіе и различные виды. Ибо, иные съ Богомъ, яко съ другомъ своимъ и Владыкою бесѣдуютъ, и не столько для своего, сколько для другихъ заступленія, пѣснь и молитву Ему возсылаютъ. Другіе просятъ духовнаго богатства, славы и священнаго къ Богу дерзновенія. Иные молятъ избавитися вовсе отъ своего супостата. Другіе молятся о полученіи какого нибудь достоянія; иные, дабы совершенно освободиться отъ безспокойства о долгѣ грѣховномъ; другіе, чтобъ изведеннымъ быть изъ скучныя житія сего темницы; иные, наконецъ, чтобъ разрѣшены были ихъ преступленія.“

Какъ и здѣсь видно не умозрительное какое либо соображеніе, а духовная опытность! И мы могли бы говорить о родахъ молитвы: но какъ? гадая и предполагая, собирая, подобно нищимъ, лепты чуждыхъ сказаній и опытовъ, не смѣя утвердить, что дѣло происходитъ такъ, а не иначе. Иной языкъ у Іоанна: онъ говоритъ твердо и рѣшительно; ибо прошелъ то дѣломъ, о чемъ говоритъ словомъ.

Одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ о молитвѣ состоитъ въ томъ, какъ предстоять на ней?

„Ежели случилось тебѣ, — отвѣчаетъ Лѣствичникъ, — когда ни есть, быть обвиненнымъ предъ земнымъ судіею: то не для чего искати тебѣ другаго образа предстоянія на молитвѣ. Если же ты ни самъ ни предъ какимъ не предстоялъ Судіею, ниже другихъ истязуемыхъ не видывалъ: то по крайней мѣрѣ научися сему отъ примѣра тѣхъ прошеній, коими больные врачей умоляютъ, когда врачи хотятъ у нихъ рѣзати или жещи какіе нибудь члены.“

Отвѣтъ краткій, но вполнѣ обнимающій все дѣло.

Нужны ли въ молитвѣ многія слова и краснорѣчіе?

„Не мудрствуй, вразумляетъ Лѣствичникъ, при молитвѣ своими словами: ибо часто простая и нехитростная дѣтская нѣмота Небесному Отцу пріятна бываетъ. Не пецыся также при ней быть многословнымъ, дабы пріискиваніемъ рѣчей не разсѣяти своей мысли. Едино мытарево слово умилостивило Бога, и едино съ вѣрою произнесенное реченіе спасло разбойника. Многоглаголаніе бо при молитвѣ часто разныя въ умъ нашъ мечтанія приводитъ, и расхищаетъ оный: а краткое и едино слово не рѣдко разсѣянную мысль нашу во едино собираетъ. Не зѣло буди при молитвѣ дерзновенъ, хотя бы ты и чистоту нѣкоторую стяжалъ: но паче приступай къ Богу съ великимъ смиренномудріемъ; то болѣе получишь у него дерзновенія. Хотя бы ты взошелъ на всю добродѣтелей лѣствицу, однако всегда молися о оставленіи своихъ прегрѣшеній, слушая Ап. Павла, о грѣшникахъ глаголющаго: отъ нихъ же первый есмь азъ.“

Какъ ни полезны и вѣрны сіи совѣты касательно образа моленія, но ихъ все еще можно найти и у другихъ Наставниковъ, писавшихъ о молитвѣ. Но, вотъ драгоцѣн-

ный совѣтъ, который преподанъ, касательно сего предмета, однимъ Лѣствичникомъ, и безъ сомнѣнія, взятъ изъ опыта. „Когда при какомъ ни есть молитвы своея изреченіи почувствуешь внутреннее услажденіе, либо умиленіе; то остановись на ономъ: ибо тогда Ангелъ Хранитель вкупѣ съ нами молится.“

Есть ли степени въ молитвѣ? Есть, отвѣтствуетъ Лѣствичникъ.

„Начатіе молитвы состоитъ въ томъ, чтобы приходящія къ намъ постороннія мысли, при первой ихъ встрѣчѣ, единымъ своимъ умомъ отражати. Средина оныя есть, когда мысль наша въ томъ единственно углубляется, что мы читаемъ и о чемъ разсуждаемъ. Совершенство же ея заключается въ восхищеніи души нашея къ Богу.“

О, если бы сподобилъ насъ Господь и сей послѣдней высоты!

Что дѣлать тѣмъ, кои не стяжали еще умѣнія молиться?

„Доколѣ мы достодолжнымъ образомъ молиться еще не можемъ, доколѣ походимъ на тѣхъ, кои малыхъ дѣтей учатъ ходити. Старайся всегда мысль свою горѣ возносити, или лучше сказать, въ разумѣнія молитвенныхъ словъ углубляти; и хотя бъ она по младенчеству своему утомилась, паки возставляй ее. Ибо непостоянство есть свойственно нашей мысли: но могущій вся утвердити, конечно, и оную можетъ возставить. Ежели ты неупустительно въ подвигѣ семъ пребудешь; то конечно и къ тебѣ пріидетъ Тотъ, Иже положитъ предѣлы морю твоея мысли, и речетъ ко оному: во время твоея молитвы досель грядиі и не преходи далѣе! Невозможно духа никакими узами связати: но идѣже присутствуетъ Творецъ духовъ, тамо вся Ему повинуются.“

Премудро успокоиваетъ св. Іоаннъ тѣхъ, кои думаютъ, что молитва ихъ безплодна и тѣмъ смущаются.

Моляся чрезъ долгое время, и прошенія своего не получая, не говори, что будто ничего не стяжалъ ты своею молитвою: ибо уже получилъ ты и такъ много. Какое бо добро можетъ быти величественнѣе, какъ прилѣплятися Господу и въ безпрерывномъ съ нимъ союзѣ пребывати.“

Премудро также отвѣчаетъ св. Подвижникъ на вопросъ: можно ли дерзать молиться за другихъ, не имѣя еще дара молитвы?

„Когда тебя просятъ, чтобы ты помолился о спасеніи другаго, то ты не отрицайся, хотя и не стяжалъ еще дара молитвы. Ибо, часто вѣра того, который проситъ и молящагося въ сокрушеніи сердца спасаетъ. Моляся же о другихъ и бывъ отъ Бога услышанъ, не возносися: потому что вѣра ихъ въ томъ тебѣ содѣйствовала и помогала.“

Долго ли надобно стоять на молитвѣ?

„Не отходи отъ молитвы дотолѣ, дондеже, по Божію мановенію, огнь усердія твоего нѣсколько угасати и вода слезъ твоихъ истощатися будетъ. Ибо, можетъ статься таковаго другаго времени, къ прощенію грѣховъ твоихъ толь способнаго, во всю твою жизнь не получиши.“

Выслушаемъ еще нѣкоторые, особенно примѣчательные, совѣты святаго Іоанна касательно молитвы.

„Не опредѣляй на молитву того времени, которое ты на отправленіе дѣлъ нужнѣйшихъ и духовныхъ употребити долженъ.“

Совѣтъ весьма нужный для нѣкоторыхъ. Ибо какъ есть люди, кои небрегутъ вовсе о молитвѣ и готовы промѣнять ее на занятіе предметами самыми маловажными и ненужными: такъ есть и такіе, кои, по нѣкоему при-

страстію къ-молитвѣ устной, бросаютъ для ней дѣла самыя важныя, и такимъ образомъ производятъ разстройство въ исполненіи своихъ обязанностей, и кладутъ нареканіе на молитву. Апостолъ заповѣдуетъ непрестанно молиться: но какъ? не устами, а сердцемъ,—не во храмѣ токмо, или предъ образомъ, а и занимаясь дѣлами своего званія,—вездѣ и во всякое время.

„Не исчисляй подробно, продолжаетъ Лѣсвичникъ, при молитвѣ своей всѣхъ тѣлесныхъ пороковъ, каковы они сами въ себѣ суть, дабы тебѣ самому себѣ навѣтникомъ не содѣлаться.“

Опять важный совѣтъ! Коль скоро душа, по милосердію Господа, очистится покаяніемъ отъ грѣховъ и просвѣтлѣетъ благодатію Св. Духа; то одно воображеніе грѣховъ и беззаконій, особенно плотскихъ, отъемлетъ уже у ней часть чистоты умственной: посему и должно быть избѣгаемо. Всегда памятуй, что ты былъ великимъ грѣшникомъ, дабы сохранить смиреніе и угонзнуть отъ мечтаній о своемъ достоинствѣ: но подробности грѣховъ старайся забыть, дабы мысль о нихъ, какъ искра, не произвела паки въ грѣхолюбивой природѣ твоей пожара.

Можно ли по чему-либо узнать о дѣйствіяхъ своей молитвы?

Можно, отвѣтствуетъ св. Іоаннъ. „При всякой молитвѣ бываетъ нѣкоторое знаменіе о услышаніи Богомъ нашего прошенія: знаменіе сіе состоитъ въ разрѣшеніи нашего сомнѣнія и въ твердомъ объявленіи намъ неизвѣстнаго?“

Значитъ, надобно только умѣть наблюдать сіе знаменіе, и для сего имѣть тонкость слуха внутренняго.

Какія дѣйствія молитвы въ тѣхъ, кои умѣютъ молиться?

„Нѣкоторые, возставъ отъ молитвы, какъ бы изъ нѣкоторой распаленной пещи исходятъ, чувствуя себя отъ грѣховной нечистоты очищенными; а другіе, какъ бы нѣкіимъ свѣтомъ озарены будучи, и въ одежду смиренія и веселія облечены, отъ молитвеннаго подвига возвращаются,“

Довольно на сей разъ и сихъ краткихъ приводовъ.

Не правда ли, братіе мои, что твореніе, въ коемъ содержатся такіе рѣдкіе духовные опыты и такіе превосходные душеспасительные совѣты, стоитъ того, чтобы обратить на него вниманіе и прочесть его, хотя изъ любопытства, въ сіи дни поста и покаянія? Кто можетъ сдѣлать это и не сдѣлаетъ, тотъ накажетъ самъ себя; ибо лишитъ душу свою пищи самой здравой и сладкой. А тѣмъ, кои не могутъ имѣть Лѣствицы Іоанновой сами, постараемся пособить мы, показуя ее по временамъ и предлагая для общаго употребленія съ сего священнаго мѣста. Аминь.

СЛОВО

НА ДЕНЬ БЛАГОВѢЩЕНІЯ ПРЕСВ. БОГОРОДИЦЫ.

Почему нынѣшній день называется днемъ Благовѣщенія? — Очевидно, по какой либо благой вѣсти для всѣхъ насъ. Что это за вѣсть?

Та вѣсть, что къ намъ, бѣднымъ, на землю, низшелъ нынѣ Единородный Сынъ Божій, вѣчное Слово, коимъ сотворено и держится въ бытіи все видимое и невидимое;—низшелъ до того, что облекся естествомъ нашимъ, содѣлался во всемъ, кромѣ грѣха, подобнымъ намъ человѣкомъ, и это не на время токмо какое либо, малое или великое, а на всю вѣчность.

Та вѣсть, что сей воплотившійся Сынъ Божій содѣластъ для нашего спасенія все, что нужно: — озаритъ насъ свѣтомъ истины и укажетъ путь къ жизни вѣчной; воспріиметъ на себя грѣхи наши и загладитъ ихъ своими страданіями; низойдетъ во гробъ и воскресеніемъ своимъ разсѣетъ для насъ мракъ гроба и страхъ смерти; подастъ намъ Духа Святаго и съ Нимъ всю полноту даровъ благодатныхъ; да очистившись отъ всякія скверны, содѣлаемся способными къ сожитію на небѣ съ Ангелами.

Та вѣсть, что мы посредствомъ сего безпримѣрнаго снисхожденія къ намъ и соединенія съ нами Сына Божія, изъ враговъ Богу содѣлались близкими и паки своими Богу, изъ изгнанниковъ рая пришельцевъ земли, наслѣдниками неба и благъ вѣчныхъ, — что всѣ бѣдствія, коими

исполненъ міръ, насъ окружающій, прейдутъ невозвратно, все возвратится къ первобытному совершенству, такъ что самая тварь неодушевленная, воздыхающая теперь вмѣстѣ съ нами, освободится отъ тяжкой работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ.

Видите, сколько радостей и надеждъ принесъ намъ день настоящій! Сравните всѣ радостныя вѣсти, какія только можемъ мы получать отъ кого-либо, и всѣ онѣ окажутся малы и незначительны. Радостенъ бываетъ день, въ который врачь страждущему отъ тяжкой болѣзни и потерявшему надежду скажетъ: успокойтесь, съ вашимъ недугомъ произошелъ переворотъ благотворный, и вы непремѣнно будете здоровы. Намъ всѣмъ нынѣ сказано гораздо больше; ибо сказано, что не только всѣ болѣзни тѣла и души, отъ коихъ страдалъ безпадежно весь родъ человѣческій, исчезнутъ наконецъ навсегда; но что и самая смерть, этотъ неотразимый врагъ, будетъ побѣждена и уничтожена, и мы паки содѣлаемся чисты, свѣтлы и безсмертны.

Радостенъ бываетъ день, когда находящіеся въ осадѣ отъ непріятелей и доведенные до послѣдней крайности узнаютъ, что врагъ, осаждавшій ихъ городъ, потерялъ силу, что онъ прогнанъ и разсѣянъ, что имъ остается только пользоваться плодами побѣды. Нынѣ возвѣщено всѣмъ намъ бо́льшее; ибо возвѣщено, что древній и непримиримый врагъ нашъ, изгнавшій насъ лестію изъ рая, и всѣми силами своими влекшій во адъ, пораженъ во главу, что онъ связанъ отъ великаго вождя и побѣдителя, что съ сихъ поръ у него нѣтъ власти надъ нами, такъ что каждый изъ вѣрующихъ можетъ попирать безвредно сего дракона адскаго.

Радостенъ бываетъ день, когда сынъ, потерявшій всю любовь отца, изгнанный изъ дома его, лишенный всѣхъ правъ рожденія и наслѣдства, услышитъ, что отецъ, по

великодушію своему, простилъ его, готовъ принять его въ свою любовь и отдать ему все, что имѣетъ. Съ нами произошло большее: мы, отверженные за грѣхъ и находившіеся подъ гнѣвомъ и проклятіемъ, примиряемся нынѣ съ Отцемъ небеснымъ, дѣлаемся паки Его сынами возлюбленными, вступаемъ во всѣ права дѣтей и предназначаемся къ обладанію Царствіемъ небеснымъ.

Измыслите, какія угодно, радостныя извѣстія;—и всѣ онѣ обрѣтутся въ благой вѣсти, принесенной намъ нынѣ отъ Архангела.

Достойно убо и праведно именуется день настоящій днемъ Благовѣщенія; достойно и праведно небо и земля призываются нынѣ къ радости и прославленію Господа: ибо небо и земля будутъ дѣйствительно участвовать въ Его милосердіи и торжествѣ нашемъ.

Но, братіе мои, радуяся и прославляя Господа за великую и безпредѣльную милость Его, не забудемъ, что благая вѣсть, тогда бываетъ совершенно дѣйствительна и достигаетъ своей цѣли, когда, получивъ ее, сообразуются съ нею и дѣйствуютъ именно такъ, какъ того требуетъ существо ея.

Сколько ни увѣдомляйте блуждающаго по чуждымъ домамъ и странамъ сына, что онъ прощенъ отцемъ: но если сей сынъ не оставитъ своего блужденія, не пойдетъ къ отцу, и не начнетъ вести себя, какъ прилично наслѣднику Цареву; то благая вѣсть останется безъ дѣйствія и не облаженствуетъ его.

Сколько ни извѣщайте содержимыхъ въ осадѣ о безсиліи врага ихъ, о возможности поразить его и воспользоваться свободою: но если они, забывъ свое горестное положеніе, вмѣсто брани и отпора, растворятъ своему врагу врата и позволятъ дѣлать съ собою, что ему угодно;

то благая вѣсть о его изнеможеніи останется втунѣ, врагъ соберетъ силы и снова поработитъ ихъ.

Сколько ни обнадеживайте отчаянно больнаго, что тяжкій недугъ его можетъ пройти, что опасность смерти миновалась: но если онъ не послушаетъ васъ и не станетъ дѣлать, что необходимо для его выздоровленія; тѣмъ паче, если будетъ поступать напротивъ, предастся зловредному невоздержанію: то благая вѣсть исцѣленія останется безъ плода и болѣзнь возвратится съ смертію.

То же и съ благою вѣстію, намъ нынѣ принесенною. Все—и сошествіе на землю Сына Божія, и Его вочеловѣченіе ради насъ, и Его смерть и воскресеніе за насъ, все сіе останется втунѣ, если мы не оставимъ своей грѣховной жизни и не начнемъ вести себя какъ требуетъ новое, великое и святое предназначеніе наше. Въ такомъ случаѣ Христіане истинные, слѣдуя за низшедшимъ съ неба Спасителемъ и творя волю Его, примутъ все, что Онъ принесъ и стяжалъ для нихъ, достигнутъ благъ вѣчныхъ и вселятся съ Нимъ въ царствіи Отца Его; а мы, нерадящіе о своемъ спасеніи, не послѣдующіе заповѣдямъ и стопамъ Его, мы, продолжающіе ходить по дебрямъ грѣха и похотей, мы и съ благою вѣстію, намъ принесенною, яко ни къ чему неспособные, останемся во грѣхахъ нашихъ и явимся подъ конецъ, яко ничтоже имуще.

Не остановимся же, братіе мои, подобно малымъ дѣтямъ, на благой вѣсти о нашемъ спасеніи, какъ она ни велика и ни радостна; постараемся узнать, чего она требуетъ отъ насъ и что намъ должно дѣлать для нашего спасенія; исполнимъ потомъ все требуемое, дабы такимъ образомъ благая вѣсть обратилась въ благое дѣло: тогда, и только тогда, день сей для насъ во истину будетъ днемъ Благовѣщенія, еже да сбудется надъ всѣми нами благодатію Господнею! Аминь.

СЛОВО

НА ДЕНЬ БЛАГОВѢЩЕНІЯ ПРЕСВ. БОГОРОДИЦЫ.

И рече мужъ ко искреннему своему: не тако мы творимъ; день сей, день Благовѣщенія есть, мы же молчимъ и медлимъ до свѣта утренняго, и обрящемъ беззаконіе: и нынѣ прейдемъ и внидемъ и возвѣстимъ въ дому Царевѣ. 4 Цар. VII, 9.

У Израильтянъ была нѣкогда жестокая брань съ Сиріянами. Успѣхи послѣднихъ дошли до того, что самая столица Израильская, Самарія, будучи обложена со всѣхъ сторонъ Сиріянами, умирала отъ голода. Среди сей крайности, у вратъ городскихъ, приметалось четыре человѣка, пораженныхъ проказою, кои, въ слѣдствіе закона о прокаженныхъ, были отлучены отъ всякаго сообщества человѣческаго. Подвергаясь видимой смерти отъ глада, сіи несчастные рѣшились идти лучше въ станъ непріятельскій, въ надеждѣ, что, можетъ быть, враги будутъ великодушнѣе соотечественниковъ. Входятъ, и вмѣсто оружія и воиновъ, находятъ одни бранныя кущи, наполненныя брашномъ и сокровищами. Ибо въ прошедшую ночь, какъ пророчествовалъ о томъ Елисей, на Сиріянъ напалъ такой ужасъ отъ необыкновеннаго шума оружія, ими слышаннаго, что они, оставивъ все, ради единыя души своея, какъ выражается священный Историкъ, бѣжали стремглавъ изъ предѣловъ земли Израильской.

Сдѣлавшись такимъ образомъ владѣтелями цѣлаго, богатаго стана, прокаженные сначала предались было мыслямъ и дѣйствіямъ непохвальнымъ, — утоливъ голодъ, начали собирать сокровища и закапывать ихъ въ землю. Но потомъ совѣсть пробудилась; они вспомнили о братіяхъ своихъ въ градѣ, умирающихъ отъ глада и жажды, усрамились самаго благодѣянія Божія, видимо послѣдовавшаго не для нихъ однихъ: — *и рече мужъ ко искреннему своему, не тако мы творимъ: день сей, день Благовѣщенія есть, мы же молчимъ и медлимъ до свѣта утренняго и обрящемъ беззаконіе; и нынѣ пріидемъ и внидемъ и возвѣстимъ въ дому Царевѣ.*

Такъ поступили прокаженные! — Хотя не вдругъ, но поняли смыслъ и цѣль чудеснаго событія; выразумѣли, что тогда было время не своекорыстныхъ дѣйствій и расчетовъ, а день всеобщей радости и Благовѣщенія.

Событіе и примѣръ сей весьма поучительны, братіе, и для насъ въ день настоящій. Съ тѣхъ поръ, какъ мы за преслушаніе заповѣди удалены отъ плодовъ древа жизни и изгнаны изъ рая сладости, весь родъ человѣческій находился въ жестокой осадѣ отъ врага Божія и нашего: всѣ терпѣли гладъ духовный, и никто не могъ положить конца ему. Но, вотъ, въ настоящій день видимо низшелъ съ неба хлѣбъ жизни вѣчной, явилось для спасенія нашего само Ипостасное Слово, силою коего всѣ враги наши разсѣяны и низложены, такъ что мы свободно можемъ исходить теперь на дѣло спасенія нашего, взимать, сколько угодно, манны небесной для препитанія духа и сердца нашего. Что-же? Воспользовались ли мы симъ чрезвычайнымъ благодѣяніемъ Божіимъ? Вошли ли, подобно онымъ прокаженнымъ, въ градъ души нашей, возвѣстили-ль *въ дому Царевомъ*, внутреннему человѣку на-

шему объ окончаніи нашей осады духовной, о возвращеніи намъ всѣхъ средствъ къ исполненію заповѣдей Божіихъ, о избавленіи отъ всѣхъ золъ, насъ окружающихъ? Ахъ, сколько многіе, подобно Самарійсмимъ прокаженнымъ, и въ день Благовѣщенія, предаются суетѣ, забывая, что сдѣлано для насъ Господомъ и что намъ, въ слѣдствіе того, дѣлать должно! Ибо, какъ бы намъ послѣ сего поступать надлежало? Надлежало-бы употребить все время, обратить всѣ силы и способности на то, чтобы, пользуясь всемогуществомъ нашего Искупителя, для насъ нынѣ плоть пріимшаго, свергнуть съ себя всѣ узы грѣха и страстей, возстановить въ себѣ все первобытное благолѣпіе и достоинство природы нашей, стяжать и упрочить за собою всѣ права на блаженство вѣчное, отданное намъ въ наслѣдіе. А мы? мы, забывъ, что для насъ сдѣлано и какое величіе и блаженство ожидаетъ насъ на небѣ, паки обращаемся къ землѣ, погребаемъ душу и сердце наше въ собраніи благъ мірскихъ и тлѣнныхъ сокровищъ, гоняемся за честями и забавами, утопаемъ въ роскоши и сладострастіи, тогда какъ внутри насъ господствуетъ гладъ крѣпокъ, тогда какъ совѣсть и сердце наше стонутъ отъ язвъ грѣховныхъ.

Не довлѣетъ-ли посему и намъ, подобно онымъ прокаженнымъ, сказать: *не тако мы творимъ; день сей, день Благовѣщенія есть; мы же молчимъ и медлимъ до свѣта утренняго*—до нашей смерти. Поступая такимъ образомъ, и мы *обрящемъ беззаконіе* и погибель. *И нынѣ* убо *пріидемъ и внидемъ и возвѣстимъ въ дому Царевѣ.*

Внидемъ убо, братіе мои, внидемъ и мы во градъ души нашей и возвѣстимъ нашему уму, чтобы онъ спѣшилъ за познаніями истины къ воплотившемуся Спасителю міра и Его Евангелію: въ немъ обрящется въ изобиліи все,

что нужно намъ на землѣ знать и дѣлать, все, во что надлежитъ вѣровать и чего можно надѣяться.

Внидемъ во градъ души нашей и возвѣстимъ волѣ нашей, чтобы она спѣшила за свободою и мощію духовною къ великому Разрѣшителю всѣхъ узъ и всѣхъ немощей. Облекшись Его силою, она получитъ возможность побѣдоносно сражаться со всѣми искушеніями и соблазнами міра, быть твердою и неотступною въ законѣ Божіемъ.

Внидемъ во градъ души нашей и возвѣстимъ нашему сердцу, что явился наконецъ Тотъ, у коего можно обрѣсти покой и отраду всѣмъ страждущимъ и обремененнымъ.

Внидемъ во градъ души нашей и возвѣстимъ всему внутреннему человѣку нашему, что время узъ его кончилось, что день воскресенія приспѣлъ, что онъ можетъ поднять главу, взять паки въ руки скипетръ, исторгнутый у него врагомъ, и начать жить и дѣйствовать по образу Создавшаго его. Аминь.

СЛОВО

НА ДЕНЬ БЛАГОВѢЩЕНІЯ ПРЕСВ. БОГОРОДИЦЫ.

Благовѣствуй, земле, радость велію!
Хвалите, небеса, Божія славу!

Что это, слова восторга или выраженіе истины дѣйствительной? Какъ бы кто ни изъяснялъ ихъ, а для насъ въ сихъ словахъ нѣтъ ничего преувеличеннаго; ибо, что говорится въ нихъ, то самое давно сказано еще св. Давидомъ, который такъ же въ одномъ изъ псалмовъ своихъ призываетъ всѣ стихіи на прославленіе имени Господня, и не только стихіи, но и то, что намъ кажется въ нихъ какъ бы нѣкіимъ замѣшательствомъ и зломъ. *Хвалите*, восклицаетъ онъ, *Господа отъ земли: зміеве и вся бездны, огнь, градъ, снѣгъ, голоть, духъ буренъ, творящія слово Его!** Видишь, что у Давида хвалитъ Господа—самый градъ и духъ буренъ, отъ коего мы не знаемъ куда укрыться. Но, Давидъ, скажешь, въ св. восторгѣ своемъ олицетворяетъ тварь неодушевленную, такъ что хвалятъ Господа не стихіи, а въ стихіяхъ онъ же самъ. Хорошо: обратимся къ другому свидѣтелю. У св. Павла, когда онъ писалъ посланіе къ Римлянамъ, не было въ рукахъ лиры Давидовой, а одна простая книжная трость

* Псал. CXLVIII, 8.

Апостола: но послушай, что говоритъ онъ о всей, такъ называемой, неразумной и безчувственной природѣ. *Вѣмы, яко вся тварь съ нами совоздыхаетъ и соболѣзнуетъ даже до нынѣ. Чаяніе бо твари откровенія сыновъ Божіихъ чаетъ. Суетѣ бо тварь повинуется не волею, но за повинувшаго ю на упованіи. Яко и сама тварь свободится отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ.** Видишь, какъ онъ смотритъ на всю тварь, именно на всю, не исключая ничего! Въ ней, по замѣчанію Апостола тоже самое, что въ людяхъ: страданіе, чувство страданія, и надежда на освобожденіе. Если же вся тварь, какъ открываетъ св. Павелъ, сочувствуетъ нашей бѣдности и брепности, потому что раздѣляетъ ихъ съ нами; если притомъ вся тварь ожидаетъ вмѣстѣ съ нами освобожденія отъ золъ, гнѣтущихъ насъ и ее: то не естественно ли слѣдуетъ за симъ, что вся тварь должна почувствовать, когда въ семъ жалкомъ положеніи произойдетъ какая либо перемѣна на лучшее? Не естественно ли заключить, что стоны ея затихли, и вмѣсто ожиданія заступила у нея радость; когда она увидѣла, что явился наконецъ на земли между человѣками Тотъ, Который свергнетъ бремя проклятія со всѣхъ и всего, доставитъ и земнороднымъ и землѣ миръ и благословеніе, и такимъ образомъ возставитъ Собою *всяческая?*** Поелику же благотворная перемѣна сія въ судьбѣ нашей произошла въ настоящій день: то ни сколько не удивительно, что день сей есть день радости не для человѣкъ токмо, а для всей твари; и Церковь, приглашая землю къ благовѣстію, а небеса къ похвалѣ, выражаетъ симъ только то, что есть на самомъ дѣлѣ.

---

* Рим. VIII, 19—22. — ** Еф I, 10.

И такъ, братіе мои, когда услышите изъ устъ простолюдина, что нынѣ играетъ солнце, не спѣшите давать знать ему вашею улыбкою, что онъ ошибается. Нѣтъ, простымъ языкомъ своимъ онъ выражаетъ тоже самое, что говоритъ намъ о семъ предметѣ самое возвышенное любомудріе Христіанское. Вмѣсто глумленія въ семъ случаѣ надъ такъ называемыми предразсудками народными, вспомните мысль Апостола о стенаніи всея твари въ слѣдствіе нашего паденія; и вы сами, можетъ быть, будете искать нынѣ признаковъ радости и на небѣ и на земли. Бѣдная та мудрость, которая думаетъ ограничивать и наши бѣдствія и наши радости одними нами; нѣтъ, въ мірѣ, какъ не напрасно говорятъ, все связано между собою; тѣмъ паче все связано съ человѣкомъ, хотя мы по близорукости умственной и не видимъ подробностей этой связи. Правда, что человѣкъ выше всего видимаго; правда, что по свободѣ, ему предоставленной, онъ составляетъ великую особенность въ ряду существъ, и даже нѣчто противоположное всей, такъ называемой, неразумной природѣ: но при всемъ этомъ, мы есмы только часть, хотя самая важная, цѣлаго, и не можемъ ни страдать, ни радоваться одни. Напротивъ, поелику человѣкъ есть какъ бы средоточіе всего, по крайней мѣрѣ, видимаго творенія; то происходящее съ нимъ по сему самому, не можетъ не отражаться на всѣхъ концахъ круга имъ занимаемаго. И вотъ любомудріе, столь же отрадное, какъ и вполнѣ достойное ума человѣческаго, изображенное не Платономъ или Аристотелемъ, а Павломъ и Петромъ, или точнѣе, Духомъ Святымъ!

Но играетъ ли, или не играетъ нынѣ солнце, это еще не такъ важно для дѣла нашего спасенія съ тобою, возлюбленный слушатель; а крайне важно то:—играетъ ли

нынѣ или не играетъ, то есть, чувствуетъ или не чувствуетъ радость спасенія собственное наше сердце? О, какъ долженъ быть радостенъ день настоящій для тѣхъ, кои живя по правиламъ Евангелія, успѣли благодатію Божіею освободиться отъ узъ грѣха и страстей и сподобились пріять внутрь себя залогъ Духа Святаго!—Не погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что они испытываютъ нынѣ подобное тому, что было съ св. Елисаветою, когда она срѣтила Матерь Божію, послѣ Благовѣщенія Ангельскаго. Какъ Елисавета почувствовала при семъ взыграніе младенца во чревѣ ея; такъ и они, при гласѣ къ Дѣвѣ Архангела, чувствуютъ внутрь себя духовное взыграніе *потаеннаго сердца человѣка**, который, по внутреннему существу его, есть тоже самое Слово, еже нынѣ плоть бысть, долженствующее, по увѣренію Апостола, *вѣрою вселиться*** въ каждаго изъ насъ. Какія бы со внѣ несчастія не окружали нынѣ таковыхъ Христоносцевъ, хотя бы они находились въ бѣдности и озлобленіи, хотя бы сидѣли въ узахъ и темницѣ, хотя бы страдали отъ болѣзней и мукъ: ничто не можетъ отнять у нихъ той радости духа, и того веселія по Бозѣ, кои замѣняютъ для нихъ все.

А ты, нераскаянный грѣшникъ, какъ бы ни представлялся радующимся въ настоящій день, какъ бы ни веселился, ни торжествовалъ, внутрь тебя нѣтъ и не можетъ быть ни мира, ни радости: ибо откуда бы ты взялъ ее? Ее можетъ дать токмо самъ Спаситель; а у тебя нѣтъ никакого живаго союза съ Нимъ, кромѣ что на словахъ. Ее можетъ принять и вмѣстить токмо чистая и мирная совѣсть; а у тебя она и темна, и возмущена, и болѣз-

---

* Петр. III, 4. — ** Ефес. III, 17.

непна. Если ты придешь нынѣ (и дай Богъ, чтобы пришелъ!) въ себя и очувствуешься отъ ожесточенія во грѣхѣ; то вмѣсто радости ты долженъ исполниться унынія и страха. Ибо что въ такомъ случаѣ увидишь ты? Увидишь снизшедшаго на землю для твоего спасенія самаго Сына Божія. а себя, яко безумнаго, убѣгающимъ отъ сего Спасителя, презирающимъ дѣло своего спасенія! Увидишь небо и землю, всю неразумную тварь съ радостію отзывающеюся на гласъ всемогущаго Искупителя, а себя, существо разумное, подобное мертвецу, невнемлющимъ сему гласу и почивающимъ на ложѣ страстей сномъ смертнымъ! Что можетъ быть преступнѣе и безумнѣе таковаго поведенія?

Престанемъ же, погибающій во грѣхахъ собратъ, обманывать самихъ себя. Между Іеговою и Вааломъ, между Спасителемъ и грѣхомъ нѣтъ и не можетъ быть союза. И такъ, одно изъ двухъ: или оставимъ навсегда порокъ и начнемъ жить какъ повелѣваетъ св. Вѣра и совѣсть; или престанемъ уже носить и имя Христіанина и участвовать въ таинствахъ и празднествахъ св. Церкви. Аминь.

СЛОВО

ВЪ СРЕДУ 5-й НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Заутра услыши гласъ мой, заутра предстану ти, и узриши мя. Псал. V, 4.

Кто это такъ рано хочетъ подняться на молитву? Какой либо пустынникъ, коему нечего болѣе и дѣлать, какъ воспѣвать въ уединеніи своемъ хвалу Богу? Нѣтъ, не пустынникъ. Такъ служитель Алтаря, который самимъ званіемъ своимъ призывается ежедневно во храмъ утро, полудне и вечеръ? Нѣтъ, не служитель Алтаря. Стало быть, хотя мірской человѣкъ, но свободный отъ житейскихъ дѣлъ и общественныхъ обязанностей, у котораго всѣ дни и часы въ полной власти, такъ что онъ дѣлаетъ, что и когда захочетъ? Нѣтъ, и не такой человѣкъ. Кто же это такой ранній и не усыпающій молитвенникъ?—Это человѣкъ, у коего тьма дѣлъ всякаго рода, на коемъ лежитъ столько обязанностей, что ихъ трудно перечесть, для коего нѣтъ ни одного часа, совершенно свободнаго, словомъ—это Царь многочисленнаго народа, святый Давидъ! Онъ то говоритъ: *заутра услыши гласъ мой, Царю мой и Боже мой! заутра предстану ти, и узриши мя!* И не подумайте, что такъ случилось съ нимъ одинъ разъ, по какому либо особенному случаю, когда и не привыкшіе и самые лѣнивые дѣлаютъ себѣ понужденіе и являются, и не предъ лице Божіе, а и предъ лица человѣческія, отъ коихъ чаютъ милости, *утру глубоку:* нѣтъ въ псалмахъ

Давидовыхъ есть и другія мѣста, свидѣтельствующія о его святомъ обычаѣ утренневать къ мѣсту селенія Бога Іаковля. *На утреннихъ*, говоритъ онъ въ другомъ псалмѣ къ Господу, *на утреннихъ поучихся въ Тя.** Самая ночь не мѣшала ему заниматься Богомысліемъ и молитвою: *поминахъ тя*, говоритъ онъ, *на постели моей*. И не только поминалъ, но и что дѣлалъ? Вставалъ съ постели, повергался на землю и молился: *въ полунощи востахъ исповѣдатися Тебѣ о судьбахъ правды Твоея.*** Когда вся природа безмолвствуетъ и когда въ самой Скиніи свидѣнія тишина и покой: ложница Царя Израилева оглашается—исповѣданіемъ имени Божія! Такъ то достигалось высокое званіе Пророка! Такъ то низводилась благодать Божія на царство! Такъ то заслужено то несравнимое преимущество, что о домѣ Давидовѣ глаголано *вдалеко**** и отъ плода чрева его обѣщано воздвигнуть обѣтованнаго Избавителя не Израилю токмо, а всему міру!

Но можетъ быть, такая близость къ нему куплена была съ ущербомъ въ чемъ либо для земли; можетъ быть, когда Царь Израилевъ утренневалъ такимъ образомъ ко храму святому, страдали отъ сего другія его обязанности:—останавливалося или замедлялось теченіе дѣлъ царственныхъ; приходили въ слабость воинства; не соблюдалась правда и нелицепріятіе въ судахъ; опускалось изъ виду благосостояніе градовъ и весей; не дѣлалось улучшеній, не вводилось того, что требовалось новыми нуждами народа и обстоятельствами. Нѣтъ, напротивъ! Царство Израилево никогда, ни прежде ни послѣ, не было въ такой силѣ, не цвѣло такъ и не возвышалось, какъ при томъ Царѣ, который не только дни, но и ночи посвящалъ на прославленіе имени Божія. Преемникъ Давида, Соломонъ, по-

* Псал. LXII, 7. — ** Псал. CXVII, I, 62. — *** 2 Цар. VII, 19.

шелъ, какъ извѣстно, противными путями: забывъ завѣты отца, пересталъ ходить въ оправданіяхъ Господнихъ непорочно;—вмѣсто святой арфы Давидовой, на коей утро и вечеръ бряцалась слава Іеговы, завелъ поющихъ и играющихъ на пирахъ его во удовольствіе плоти; и что же? подъ конецъ царствованія, не смотря на всю его прежнюю мудрость, богатство и славу, престолъ Израилевъ началъ поникать долу; доколѣ при преемникахъ его, превосходившихъ одинъ другаго нечестіемъ, не сравнялся съ землею.

Что мы должны заключить изъ всего этого въ назиданіе себѣ? То, во первыхъ, что благочестіе, какъ говоритъ св. Павелъ, *на все полезно есть, имущи обѣтованіе живота* * не грядущаго токмо, а и настоящаго, и что тѣ ошибаются самымъ жестокимъ образомъ, кои на время, проведенное въ Богомысліи и въ дѣлахъ благочестія, смотрятъ какъ на потерянное для успѣха въ дѣлахъ мірскихъ. Почему ошибаются? Потому что и успѣхъ въ этихъ послѣднихъ дѣлахъ, какъ и во всѣхъ другихъ, наиболѣе всего зависитъ отъ благословенія Божія: кому же наиболѣе можетъ принадлежать это благословеніе, какъ не тѣмъ, кои сами благословляютъ Господа и мыслями и дѣлами своими? Если и земные владыки особенно любятъ и отличаютъ тѣхъ, въ коихъ замѣчаютъ особенное къ себѣ усердіе: то Владыка ли земли и неба забудетъ вѣрныхъ рабовъ своихъ? *Азъ любящія мя люблю,* глаголетъ Онъ, *и прославляющія мя прославлю.*** Кромѣ сего, благочестивое настроеніе мыслей и страхъ Божій, дѣлая человѣка степеннымъ, разсудительнымъ, скромнымъ и ко всѣмъ благорасположеннымъ симъ самымъ уже спасаютъ его отъ множества искушеній и несчастій, кои постигаютъ міролюбцевъ за ихъ гордость, самонадѣянность и презорство.

* 1 Тим. IV, 8. — ** Прит. VII, 17. — 1 Цар. II, 30.

(94), Мещовскъ (95), Козельскъ (96), Дѣдиловъ, Тулъ, Соловъ (97), Рязани, Пронскъ, Ряжскъ (98), Костромъ (99), Нижнемъ Новгородъ (100), Солигали-

соч., указанномъ выше въ примѣч. 68, упом. Суздальскія писцовыя книги письма и мѣры Луки Новосильцова 99 (1591) г.

(94) Въ 1594 г. былъ посланъ въ Угличь писецъ князь Дм. Бѣльскій. *Карамз. т.* 10. *пр.* 435. *с.* 134.

(95) Въ одной грамотѣ 1588 (см. у *Иванова с.* 136 въ сочиненіи, привед. выше въ примѣч. 68) упом. Мещовскія книги письма и мѣры князя Григорья Звенигородскаго съ товарищи, лѣта 7093 (1585).

(96) *А. И. т.* 3. *с.* 156. *г.* 1614. упом. Козельскіе писцы Елизарій Ржевскій съ товарыщи, изъ времени, какъ кажется, Ѳеодора Іоанновича. Ср. еще *А. Ю. №* 59. *с.* 99.

(97) У *Иванова с.* 155, въ сочиненіи, указанномъ выше въ примѣч. 68, приводятся «книги Дедилова посаду и Дедиловскаго уѣзда, письма и мѣры окольничаго Ивана Алексѣевича Жеребцова, да Тимоѳея Ивановича Хлопова, да дьяка Ивана Мѣшаева, да подьячаго Казарина Приклонскаго, лѣта 7096 и 97» (1588 и 1589). О Тулѣ и Соловѣ см. *Росс. Вивл. т.* 17. *с.* 187.

(98) У *Иванова с.* 164 въ соч. указанномъ выше въ примѣч. 68, приводятся «книги платежныя города Переславля Рязанскаго, и города Пронска, и города Ряжскаго, и Рязанскаго уѣзда Окологородняго, и Каменскаго, и Пехлецкаго стану, съ книгъ письма и мѣры Третьяка Григорьевича Вельяминова съ товарищи, лѣта 7104, 105 и 106» (1596, 1597 и 1598).

(99) Въ 1594 г. См. *Карамз. т.* 10. *пр.* 435. *с.* 134.

(100) *А. Э. т.* 3. *с.* 486. *г.* 1629. приводятся относящія-

чѣ (101), Сольвычегодскѣ (102), Бѣлозерскѣ (103), Торжкѣ (104), въ Двинской области (105), на Вагѣ

ся къ Нижегородцкому уѣзду книги писма и мѣры Василья Борисова да подъячево Третьяка Абрамова, 96 (1588) году.

(101) *А. Э. т.* 2. *с.* 177. *г.* 1608. Здѣсь выписка изъ Солигалицкихъ книгъ писма и дозору Юрья Нелединсково съ товарыщи 93 (1585) году.

(102) *А. Э. т.* 1. *с.* 416 приводится выписка изъ Сольвычегодскихъ писцовыхъ книгъ писма Ѳеопасья Ивановича Вельяминова да дьяка Ивана Григорьева, 94 (1586) году. — *А. Э. т.* 1. *с.* 423 *г.* 1591 въ жалованной грамотѣ крестьянамъ Глотовой слободки о неверстаніи ихъ въ платежѣ податей съ Вымичами, Сысоличами и Вычегодцами, упоминаются писавшіе у крестьянъ этой слободки въ 94 (1586) году писцы Иванъ Огаревъ да подъячей Филинъ Юрьевъ.

(103) Въ *А. Ю. №* 236 напечатана выписка изъ Бѣлозерской писцовой (езовой) книги, письма и мѣры Андрея Ѳеимовича Салтыкова, 1585 г. — Въ *А. И. т.* 1. *с.* 411 помѣщена выписка изъ Бѣлозерскихъ писцовыхъ книгъ, писма и дозору князя Ѳедора Жирового-Засѣкина съ товарыщи, лѣта 7093 (1585).

(104) *А. Э. т.* 3. *с.* 253 *г.* 1627. упом. Новоторжскія книги писма и отдѣлу князя Меркурья Щербатова да дьяка Аѳерья Григорьева, 96 (1588) году. — *А. Э. т.* 3. *с.* 277. *г.* 1631. дѣлается выписка изъ Новоторжскихъ книгъ писма и мѣры Ондрея Клобукова да подъячего Нечая Сорочнева, лѣта 7096 (1588). *Ср. Тамъ же т.* 1. *с.* 417.

(105) Въ *Двин. лѣтоп. напечат. въ Росс. Вивліоѳ. т.* 18

лезно не только для нашего спасенія и для нашей души и совѣсти; а и для самаго успѣха въ дѣлахъ земныхъ и житейскихъ. Ибо не напрасно сказано, что благочестіе на все полезно, что оно созидаетъ грады и домы; какъ напротивъ невѣріе и вольнодумство, ведя за собою роскошь и развратъ, раззоряютъ не только домы, цѣлыя царства. Доказательствъ и примѣровъ на все это такъ много вокругъ насъ, что надобно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть ихъ. Отчего, наприм., палъ и раззорился такой-то домъ, коему, еще не такъ давно, не было равнаго по богатству, миру внутреннему и радостямъ семейнымъ? Отъ того, что вмѣстѣ съ благочестивыми родителями, коихъ трудами пріобрѣтено все, похоронены въ землю и ихъ благіе обычаи и усердіе къ Вѣрѣ и Церкви, и страхъ Божій, и любовь къ бѣднымъ. Иностранные языки и мода не могли замѣнить сихъ добродѣтелей; такъ называемое умѣнье жить въ свѣтѣ не съумѣло не только нажить что либо вновь, но и не потерять готоваго; и тѣ, кои величались на великолѣпныхъ колесницахъ, должны ходить теперь, какъ еще предсказалъ древній мудрецъ, пѣшкомъ и едва не простирать руки за милостынею. Не въ упрекъ кому либо говоримъ это (нашъ долгъ и самыхъ виновныхъ не столько упрекать, сколько плакать о нихъ и съ ними), а въ предостереженіе всѣхъ. Трудно быть счастливымъ безъ Вѣры: и если бываютъ; то на краткое время, и то болѣе по видимому, нежели на самомъ дѣлѣ. А не погибнуть безъ Вѣры нельзя,—чтобы впрочемъ ни защищало отъ погибели: ибо, какъ нѣтъ другаго Бога, кромѣ Всевѣдущаго, Правосуднаго и Всесвятаго; такъ нѣтъ и другаго способа быть блаженнымъ, какъ хожденіе во святыхъ заповѣдяхъ Его и вѣрность преблагой волѣ Его. Аминь.

СЛОВО

ВЪ ЧЕТВЕРТОКЪ 5-й НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Господи, иже пресвятаго Твоего Духа въ третій часъ Апостоломъ Твоимъ ниспославый, того, Благій, не отыми отъ насъ, но обнови насъ молящихся!

Но не слишкомъ ли уже много просимъ мы себѣ въ этой молитвѣ у Господа? Апостоламъ предстояла борьба съ цѣлымъ міромъ, съ Князьями и Владыками, съ самыми міродержителями тьмы вѣка сего; имъ надлежало идти противъ тысячи заблужденій и предразсудковъ, на тьму опасностей, мукъ и смертей: посему имъ нужно было облещися силою свыше; для нихъ требовались не только огненные языки, но еще болѣе пламенныя души и сердца; а намъ что предстоитъ? Борьба преимущественно съ собственнымъ сердцемъ, сраженіе съ своими страстями и похотями, необходимость стоять противъ нѣкоторыхъ токмо мнѣній и ложныхъ правилъ свѣта. Не довольно ли посему ограничиться намъ собственными нашими силами, и не тревожить, такъ сказать, напрасно благодати Духа Святаго, тѣмъ паче, что, на Апостоловъ, по чистотѣ собственнаго ихъ духа, легко и пріятно было нисходить Духу Святому, а въ насъ, нечистыхъ и плотскихъ, какъ вселиться пречистой благодати Его?

Признаемъ, братіе, со смиреніемъ собственное наше недостоинство: въ сравненіи съ такими избранными сосудами благодати, каковы Апостолы Христовы, мы всѣ, яко малые ночные свѣтильники предъ звѣздами, сіяющими на тверди небесной. Но отречься отъ молитвы о благодати Духа намъ не возможно уже по самой слабости нашей. Напротивъ, если для слабѣйшихъ необходима и помощь сильнѣйшая: то мы не только въ правѣ, но и въ необходимости просить о ней.

Впрочемъ и подвигъ, намъ предлежащій, хотя по наружности своей малъ и незначителенъ, въ сравненіи съ подвигомъ Апостоловъ; но въ существѣ своемъ такъ же невозможенъ для насъ къ прохожденію его съ успѣхомъ безъ помощи свыше. Правда, что Апостоламъ предстояла борьба съ цѣлымъ міромъ, а намъ съ однимъ нашимъ сердцемъ: но загляните пристальнѣе въ это единое сердце—здѣсь цѣлый міръ не только со всѣми его соблазнами, но и со всею злобою, со всѣмъ упорствомъ. Чего нѣтъ въ этомъ нашемъ грѣхолюбивомъ сердцѣ?—Идоловъ и кумировъ? стократъ болѣе, нежели въ какомъ либо капищѣ языческомъ. Есть здѣсь и кумиръ гордости житейской, и кумиръ похоти плотской; есть здѣсь и истуканъ брани и вражды, и истуканъ сребролюбія. Различіе развѣ токло въ томъ, что въ капищѣ идольскомъ эти кумиры и истуканы стоятъ бездушны и неподвижны, очи имутъ и не узрятъ, руки — и не осяжутъ, а въ сердцѣ нашемъ всѣ сіи истуканы исполнены силы и движенія. Доколѣ мы падаемъ предъ ними и куримъ ѳиміамъ имъ, они молчатъ: но прикоснись имъ, обнаружь намѣреніе сокрушить ихъ, даже сдвинуть только съ мѣста, и отъ каждаго полетятъ громы и молніи, такъ, что неукрѣпленный благодатію, ты падешь во прахъ.

Какъ же послѣ сего тому, кто хочетъ сражаться съ своимъ сердцемъ и съ его кумирами, не призывать на помощь Духа Божія, Того Духа, который единъ можетъ создать сердце чисто и обновить духъ правый во утробѣ нашей?

Апостолы должны были, среди своей проповѣди, давать отвѣты предъ Князьями и Владыками. Тебя, когда ты начнешь дѣло покаянія и спасенія твоего, можетъ быть, не спросятъ Князья и Владыки; но за то сколько придется тебѣ дать отвѣтовъ не Князьямъ и не Владыкамъ! На всѣхъ, какія есть у такъ называемаго, большаго или малаго, свѣта судилища или собранія, ты долженъ стать—въ лицѣ или заочно,—но стать, яко подсудимый и виновный. Въ одномъ собраніи донесутъ, что ты содѣлался лицемѣромъ и ханжею и имѣешь различные тайные виды; въ другомъ,—что ты впалъ въ меланхолію и близокъ къ помѣшательству ума; — въ самомъ снисходительномъ объявятъ за тайну, что съ тобою начинаетъ происходить что то странное и достойное сожалѣнія. Такъ будутъ судить чужіе: отъ самыхъ ближнихъ и домашнихъ ты не разъ услышишь: что съ тобою? здоровъ ли ты? не тревожитъ ли тебя что? не оскорбленъ ли ты чѣмъ? — И думаешь ли ты, что удовлетворишь, успокоишь всѣхъ и каждаго, когда скажешь, что ты занятъ дѣломъ своего спасенія, что у тебя печаль по Бозѣ? Увы, этотъ языкъ не вѣдомъ хорошо никому! За сіи то самыя слова еще болѣе возмутъ противъ тебя подозрѣній; и ты не разъ, или, лучше сказать, всякій разъ самъ, не зная что сказать и какъ образумить на твой счетъ другихъ, невольно будешь обращаться къ Тому, Кто научилъ Апостоловъ, да вразумитъ тебя, что подобаетъ творити и глаголати.

*

Апостоламъ за ихъ проповѣдь повсюду предстояли опасности, угрожали гоненія и мучители. Тебя, начинающій дѣло спасенія, не будутъ мучить видимо: но въ замѣнъ того, что мучимые страдали нѣсколько дней, иные нѣсколько часовъ, твои страданія продолжатся всю жизнь. Міръ, тобою оставленный, никогда не оставитъ тебя въ покоѣ. Поелику ты пойдешь не тѣмъ путемъ, коимъ идутъ почти всѣ, а противнымъ; то всякой, встрѣчающійся на пути, почтетъ тебя заблуждшимъ и будетъ покивать главою. Самыя благія дѣйствія твои будутъ казаться обидою для многихъ, потому что будутъ мѣшать ихъ дѣйствіямъ. И сколько готовится тебѣ отсюда огорченій, явныхъ и тайныхъ! Сколько клеветъ, большихъ и малыхъ! Самое смиреніе и терпѣніе твое послужатъ поводомъ для нѣкоторыхъ презирать и оскорблять тебя. А если ты, яко человѣкъ, погрѣшишь въ чемъ либо: то и малый грѣхъ твой поставится въ преступленіе непростительное. Все это, порознь взятое, не такъ велико и важно; но въ сложности своей изъ сего составится такой крестъ, что ты не разъ будешь падать подъ нимъ и искать Симона Киринейскаго на помощь; и горе тебѣ, если не предстанетъ съ помощію благодать Духа Утѣшителя, которая одна только можетъ подкрѣпить тебя и усладить горесть твоего положенія.

И все это однакоже еще не послѣдняя борьба и не послѣдній крестъ. Сущность дѣла въ томъ, чтобы измѣнить сердце свое, изъ сердца плотскаго сдѣлать духовнымъ, изгнать изъ него духъ самолюбія, умертвить въ немъ похоть, возвратить ему ту чистоту, съ какою оно вышло изъ рукъ Божіихъ, и безъ коей нельзя явиться намъ предъ лице Божіе. Но кто можетъ сдѣлать это? —Мы сами—рѣшительно не можемъ. Ибо здѣсь надобно

быть превыше самихъ себя, сдѣлаться чуждыми себѣ, быть вмѣстѣ и жрецомъ и жертвою. Для сего необходима сила высшая, Божественная, сила Пресвятаго Духа, который, яко начало жизни, единъ можетъ проникнуть во всѣ глубины нашего духа, во всѣ изгибы сердца, дабы все очистить, исправить и освятить.

Воззовемъ же, возлюбленный, воззовемъ вмѣстѣ съ Церковію: *Господи, иже Пресвятаго Духа Твоего въ третій часъ Апостоламъ Твоимъ ниспославый, того, Благій, не отыми отъ насъ, но обнови насъ молящихся!* Аминь.

СЛОВО

ВЪ ПЯТОКЪ 5-й НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Иже въ шестый день же и часъ на крестъ
привождей въ рай дерзновенный Адамовъ грѣхъ,
и согрѣшеній нашихъ рукописаніе раздери,
Христе Боже, и спаси насъ!

Не въ шестый ли посему день, по сотвореніи человѣка, и не въ шестый ли часъ дня послѣдовало и грѣхопаденіе прародителей нашихъ?—Не можемъ утвердить сего за подлинно; но не можемъ и не признать сего вѣроятнымъ. Не утверждаемъ за подлинно: ибо день и часъ смерти Господа, хотя не вполнѣ опредѣленъ у Евангелистовъ; а о днѣ и часѣ паденія Адамова ничего не сказано въ бытописаніи Моисеевомъ, какъ бы для того, чтобы сіе мрачное событіе вмѣстѣ съ грѣхомъ навсегда изгладилось изъ свитка временъ. Между тѣмъ весьма вѣроятно, какъ замѣтили мы, что день и часъ паденія Адамова суть тѣ же самые, въ кои послѣдовало распятіе на крестѣ Господа нашего, то есть, день и часъ шестый. И во первыхъ, что касается часа, къ сей послѣдней мысли препровождаетъ насъ, хотя не прямо, самое сказаніе Моисеево: ибо въ немъ, между прочимъ, говорится, что

для обличенія прародителей нашихъ во грѣхѣ Господь явился по полудни; слѣдовательно, самое грѣхопаденіе послѣдовало до полудня. Въ какой часъ? очевидно, не въ раннее утро: ибо въ такомъ случаѣ древо не показалось бы такъ добрымъ въ снѣдь; это бываетъ въ то время, когда, по закону естества, ощущается потребность въ пищѣ, то есть, около полудня, и слѣдовательно въ то самое время, когда послѣдовало распятіе Господа: ибо часъ шестый, въ который послѣдовало оно, по нашему счисленію часовъ, равенъ полудню. Можно убѣдиться въ томъ же и другимъ путемъ тому, кто способенъ взирать на страданія Господа окомъ Вѣры возвышеннымъ, а именно: изъ Евангелій видно, что день и часъ смерти Господа не были предоставлены случаю, а предопредѣлены и избраны: посему и говорится напр. *не у прiиде часъ его.** Если же сей день и сей часъ избраны: то нѣтъ сомнѣнія, что избраны между прочимъ въ соотвѣтствіе дню и часу паденія Адамова. Ибо, Господь, какъ вторый Адамъ, пришедшій загладить грѣхъ Адама перваго, потому самому и дѣйствовалъ, гдѣ можно, примѣнительно къ дѣяніямъ Адамовымъ. Такъ Онъ прошелъ побѣдоносно искушеніе отъ діявола въ тѣхъ же видахъ обольщен, какими уловленъ былъ Адамъ. Самый родъ смерти избранъ въ соотвѣтствіе грѣхопаденію Едемскому: отъ древа мы пострадали и потеряли рай; на древѣ, а не иначе, пострадалъ Господь и возвратилъ намъ рай. Не должно ли ожидать послѣ сего, что Искупитель міра, такъ расположившу обстоятельствами Промыслу Божію, простретъ на крестѣ руцѣ Свои въ ту самую минуту, когда несчастная Праматерь наша простерла свою руку къ плоду за-

* Іоан. VII, 30.

прещенному? Если мы не можемъ сказать, что такое соотвѣтствіе, по времени, было необходимо въ дѣлѣ спасенія нашего; то съ другой стороны, нельзя не признать, что оно въ семъ случаѣ такъ прилично, такъ трогательно и такъ поучительно, что ему вѣришь невольно, не ища на то другихъ доказательствъ.

Видите однакожъ, съ какою рѣдкою осторожностію поступаетъ св. Церковь! Въ молитвѣ, нами разсматриваемой, она наводитъ на сію мысль, но не утверждаетъ ее. Почему не утверждаетъ? потому, какъ мы замѣтили, что на сіе нѣтъ явнаго указанія въ Словѣ Божіемъ. Такъ поступаетъ св. Церковь и во всѣхъ другихъ случаяхъ: она никогда и ничего не выдаетъ за истину, кромѣ того, что содержится въ Словѣ Божіемъ. Потому мы можемъ быть совершенно покойны, слѣдуя ученію Церкви; ибо слѣдуемъ не человѣческому мнѣнію, которое, какъ бы оно ни было, осмотрѣно, всегда можетъ подлежать ошибкѣ, а гласу самаго Бога, Который вѣренъ и не ложенъ во всѣхъ словесѣхъ своихъ.

Но, что же молитва? что въ ней содержится и что испрашивается? Испрашивается величайшая милость, а именно, чтобы распятымъ на крестѣ Господомъ раздрано было и уничтожено рукописаніе и нашихъ грѣховъ такъ же, какъ пригвождено ко кресту и уничтожено преступленіе въ раю нашего Прародителя. *Иже въ шестый день же и часъ на крестъ пригвоздей въ рай дерзновенный Адамовъ грѣхъ, и согрѣшенія нашихъ рукописаніе раздери, Христе Боже, и спаси насъ!*

Раздери рукописаніе согрѣшеній нашихъ — выраженіе сіе взято изъ посланія Ап. Павла къ Колоссаемъ, гдѣ онъ, разсуждая о благодѣяніи, доставленномъ роду человѣческому страданіями Господа, говоритъ, что Онъ истре-

билъ *еже на насъ рукописаніе, взявъ е отъ среды и пригвоздивъ на крестѣ.** У Апостола же употреблено сіе выраженіе сравнительно, то есть, въ томъ значеніи, что каждый грѣхъ нашъ предъ Богомъ подобенъ долгу, на который есть долговая собственноручная запись должника. Доколѣ существуетъ такая запись, дотолѣ должникъ, какъ извѣстно, безотвѣтенъ по закону и долгъ подлежитъ къ непремѣнному взысканію: а когда запись уничтожается, то и отвѣтственность престаетъ. И вотъ сего то уничтоженія испрашиваемъ мы въ молитвѣ, нами разсматриваемой! *Раздери рукописаніе согрѣшеній нашихъ, Христе Боже, и спаси насъ!* То есть, говоря безъ сравненія, прости и оставь намъ грѣхи наши, да будемъ свободны отъ всякаго отвѣта за нихъ предъ судомъ правды Твоея!

Видите теперь, какъ велико прошеніе наше! Ибо если для насъ важно, когда кто проститъ намъ долгъ и денежный, особенно когда мы не можемъ уплатить за него: то кольми паче важно, чтобы отпущены были намъ всѣ грѣхи наши, изъ коихъ ни за одинъ и ни чѣмъ не въ состояніи мы уплатить правдѣ Божіей.

И Господь Премилосердый всегда готовъ оказать намъ эту величайшую милость. Для сего самаго Онъ и возшелъ на крестъ, и претерпѣлъ за насъ смерть, чтобы изгладить всѣ наши грѣхи и избавить насъ отъ всякаго отвѣта за нихъ. Почему Онъ еще въ Ветхомъ Завѣтѣ устами Пророка не только позволилъ обращаться къ Себѣ съ прошеніемъ о семъ; но, можно сказать, призывалъ къ сему всѣхъ и каждаго, даже требовалъ сего настоятельно. *Пріидите*, говорилъ Онъ, *и истяземся*, то есть, сочтемся въ долгахъ, *и аще будутъ грѣси ваши яко ба-*

* Кол. II, 14.

грѧное, яко снѣгъ убѣлю; и *аще будутъ, яко червленое, яко волну убѣлю.**

Послѣ сего нѣтъ причины сомнѣваться: смѣло приступай ко кресту Христову; съ дерзновеніемъ приноси всѣ рукописанія грѣховъ твоихъ. Какъ бы они ни были велики и разнообразны, все будетъ уплачено, прощено, все заглаждено и уничтожено. Ибо кровь Сына Божія, за насъ умершаго, имѣетъ предъ очами Божіими цѣну безпредѣльную. Въ ней такая сила, что она можетъ очистить отъ всякаго грѣха. Посему прочь уныніе и отчаяніе! Хотя бы ты грѣхами своими превзошелъ всѣхъ грѣшниковъ; хотя бы сравнился нечистотою и беззаконіями съ самимъ духомъ отверженнымъ: коль скоро станешь подъ крестъ Христовъ, оросишься въ духѣ Вѣры кровію Спасителя; то ты безопасенъ и помилованъ, и не только помилованъ, но и будешь награжденъ, яко невинный и злопострадавшій.

Но, братіе мои, такая милость преподается со креста Христова не безусловно; иначе злоупотребленію ея не было бы конца; иначе грѣшникъ могъ бы то и дѣлать, что ежедневно грѣшить и ежедневно получать прощеніе. Такимъ образомъ самое милосердіе Спасителя служило бы не во спасеніе ему, а въ пагубу, располагая его къ безчувствію въ грѣхахъ и къ продолженію жизни беззаконной. Посему Спаситель нашъ готовъ принять грѣшниковъ, готовъ всякому даровать не только миръ и прощеніе, но и новую жизнь, и освященіе благодатію Св. Духа: только отъ всѣхъ и каждаго изъ прощаемыхъ Онъ требуетъ исполненія нѣкоторыхъ условій. Какія это условія? самыя необходимыя и нужныя не столько для Него,

* Исаія I, 18.

а для насъ же самихъ; потому что безъ исполненія ихъ, самое прощеніе, намъ даруемое, не поможетъ. А именно. Онъ требуетъ, чтобы, сложивъ у креста Его бремя грѣховъ нашихъ, мы не возвращались болѣе за ними, не впадали въ тѣ же или новые грѣхи, а старались провождать жизнь свою уже въ чистотѣ и правдѣ. Безъ сего нѣтъ ни прощенія, ни помилованія. Ибо, къ чему бы послужило то и другое, если бы мы, прощенные, намѣрены были паки предаваться грѣху? Къ чему лѣчить рану, которую ты нанесъ себѣ безумно, если ты же, на другой день по исцѣленіи, намѣренъ нанести себѣ ту же рану?

Теперь понятно, кто можетъ вмѣстѣ съ Церковію достойно произносить молитву, нами разсматриваемую. Ее можетъ произносить каждый грѣшникъ; ибо она сложена, очевидно, не для праведниковъ, а для грѣшниковъ;—но какой грѣшникъ? Вѣрующій въ Господа Іисуса и въ силу креста Его воистину; раскаявающійся во грѣхахъ своихъ воистину;—имѣющій твердое намѣреніе, получивъ прощеніе, вести себя далѣе не такъ, какъ жилъ прежде, во грѣхахъ и нечистотѣ, а въ страхѣ Божіемъ, въ повиновеніи своей совѣсти и Закону Господню, стараясь не только не повторять прежнихъ беззаконій и неправдъ, но и заглаждать ихъ, сколько возможно, дѣлами вѣры и любви Христіанской. Такому просителю не будетъ отказано; къ такому самъ Господь простираетъ со креста руцѣ; ибо возпелъ на него не за праведныхъ, а за грѣшныхъ.

А кто молится и проситъ, не подумавъ хорошо, о чемъ молится и проситъ; кто не имѣетъ расположенія оставить грѣхъ и душевредные навыки свои; тотъ не столько молится, сколько оскорбляетъ своего Спасителя и подобенъ

тѣмъ, кои, когда Онъ страдалъ на крестѣ, говорили: *спаси себе и нас!* И эти люди по видимому молились, ибо говорили: *спаси нас!* Но что значили эти слова? Одну злобную насмѣшку.—Въ твоей молитвѣ, нераскаянный грѣшникъ, нѣтъ, положимъ, такой злобы; но есть такое же безуміе. Ибо, скажи самъ, какъ спасти тебя, доколѣ ты не отстанешь отъ грѣха? Это значило бы спасти тебя со грѣхомъ, спасти не тебя только, но и грѣхъ твой, то есть, самое беззаконіе твое признать за добродѣтель. Возможно ли это?

Есть и еще одно частное условіе, безъ исполненія коего также нельзя просить у Господа уничтоженія рукописанія грѣховъ нашихъ. Это прощеніе съ нашей стороны нашихъ ближнихъ. Ибо, не напрасно сказано: *аще принесеши даръ твой ко олтарю, и ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя: остави ту даръ твой и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ.** Если предъ Алтаремъ и съ даромъ Господь не принимаетъ тѣхъ, кои ведутъ распри и неправедныя тяжбы съ ближними своими: то кольми паче не пріиметъ насъ, когда мы явимся въ видѣ грѣшниковъ—не съ дарами, а съ мольбою о прощеніи намъ долговъ нашихъ?

Что же мнѣ дѣлать? скажешь: если я прощу всѣмъ должникамъ моимъ; то самъ останусь ни съ чѣмъ и сдѣлаюсь нищимъ. Этого не требуютъ отъ тебя (хотя бы и этого можно потребовать: ибо лучше нищему войти въ рай; нежели, оставаясь богатымъ, попасть потомъ въ одно мѣсто съ богачемъ Евангельскимъ): по крайней мѣрѣ не будь жестокъ и притѣснителенъ; не требуй лишняго; отпусти, сколько можешь, и изъ слѣдующаго тебѣ; дай

* Мат. XXV, 23—24.

время управиться съ обстоятельствами, помоги выйти изъ затрудненія; вообще пожалѣй о должникѣ, какъ о собратѣ, и вмѣстѣ смотри на долгъ твой, какъ на средство къ собственному твоему спасенію, къ тому, чтобы и тебѣ получить милость отъ Господа. Когда будешь такъ смотрѣть, то есть представлять, что ты самъ величайшій должникъ предъ Богомъ: то ты не сдѣлаешь ничего съ отягощеніемъ судьбы ближняго, а скорѣе окажешь ему всякое снисхожденіе, дабы и самому заслужить милость. А въ этомъ именно и состоитъ цѣль условія и заповѣди.

Послѣ сего къ вамъ особенно надобно обратиться, богачи вѣка сего! Вѣрно у васъ лежитъ не одно рукописаніе на ближнихъ вашихъ; и вѣрно между должниками вашими есть, кои не имѣютъ чѣмъ воздать вамъ. Смотрите же, не опускайте драгоцѣннаго случая къ изглажденію грѣховъ вашихъ! Возмите и повергните сіи рукописанія у подножія креста Христова: Господь воздастъ вамъ сторицею! Аминь.

СЛОВО

ВЪ ПЯТОКЪ 5-й НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

ПРЕДЪ ИСПОВѢДІЮ.

Св. мудрецъ Израилевъ замѣтилъ нѣкогда и изрекъ, что *смерть и животъ въ руцѣ языка.** Если когда замѣчаніе сіе исполняется во всей силѣ; то въ настоящіе дни Поста и Исповѣди. Тутъ подлинно жизнь и смерть человѣка въ рукѣ языка, то есть, зависятъ отъ его устъ. Жизнь и жизнь вѣчная, когда ты отъ сердца сокрушенна и смиренна исповѣдуешь предъ Богомъ свои грѣхи и пріимешь съ вѣрою прощеніе въ нихъ изъ устъ служителя Церкви! Смерть и смерть вѣчная, когда, по стыду ли ложному, или по гордости, или по чему другому, умолчишь предъ Духовникомъ о какомъ-либо твоемъ студодѣяніи и отыдешь потому не прощенъ и не разрѣшенъ! *Жизнь и смерть въ руцѣ языка*—то и другое на твоихъ устахъ: избирай любое, но одно изъ двухъ непремѣнно избрать долженъ, или исповѣдь, то есть, смиреніе, преданность, вѣру, и вмѣстѣ съ тѣмъ жизнь, или — сомнѣніе, непослушаніе, скрытность, и вмѣстѣ съ тѣмъ смерть.

Послѣ сего надлежало бы ожидать, что смерть не найдетъ себѣ между нами ни одной жертвы, что всѣ и каждый улучатъ благодать и жизнь: ибо у кого нѣтъ языка?

* Прит. XVIII, 21.

что легче сказать — и предъ кѣмъ? не предъ человѣкомъ, а предъ Богомъ — что говорю, легче сказать, какъ: согрѣшилъ, прости? Но, къ сожалѣнію, есть не мало такихъ, даже между исповѣдниками, кои не пользуются благомъ исповѣди, какъ должно, кои съ собственнаго языка и устъ беруть не жизнь, а смерть; берутъ смерть потому, что не хотятъ подвигнуть своего языка, отверсть своихъ устъ, можно сказать, на произнесеніе своего собственнаго спасенія. Такіе люди знаютъ свой грѣхъ, понимаютъ даже, что онъ есть мерзость предъ Господомъ, и составляетъ лютую язву на душѣ ихъ: но не могутъ собрать столько силъ, чтобы рѣшиться на исповѣдь его предъ служителемъ Алтаря Христова. Иные изъ таковыхъ даже идутъ къ святому налою съ намѣреніемъ не скрывать болѣе своего беззаконія; и однако же возвращаются, не открывъ его, какъ должно.

Кто бы ты ни была, бѣдная душа, страждущая симъ ужаснымъ чревоношеніемъ грѣха, доселѣ еще не исповѣданнаго, позволь обратить и къ тебѣ слова Пророка: *совлецы узу выи твоея, плѣненная дщи Сіоня!** Ноги и руки твои освободились уже отъ узъ и сѣтей вражіихъ; ибо ты не ходишь болѣе на совѣтъ нечестивыхъ, не стоишь на пути грѣшниковъ и не творишь прежнихъ дѣлъ беззаконія: но выя твоя не свободна; врагъ искуситель держитъ еще ее въ рукахъ своихъ, и не даетъ тебѣ отверсть устъ на исповѣданіе грѣха твоего предъ Священникомъ; ибо знаетъ, что съ исповѣдію и разрѣшеніемъ потеряетъ всѣ права свои надъ тобою. И такъ, собери послѣднія силы твои, и совлецы узу съ выи твоей; совлецы и воздвигни главу твою; отверзи уста и произнеси слово, по видимому, самоосужденія, а въ самомъ дѣлѣ слово соб-

* Исаіи LII, 2.

ственнаго спасенія твоего. Ибо въ то время, какъ ты будешь говорить: я согрѣшилъ, сдѣлалъ то и то беззаконіе; Ангелъ хранитель твой будетъ изглаждать это самое беззаконіе изъ книги дѣяній твоихъ.

Ахъ, возлюбленный собратъ, если бы намъ для освобожденія себя отъ проклятія и вѣчной казни за грѣхи наши предложено было и что либо самое трудное, напримѣръ, всю жизнь просидѣть въ темницѣ, или быть осужденными на труды самые тяжкіе: не должны ли бы мы съ благодарностію принять сіе предложеніе, какъ милость, дабы временнымъ злостраданіемъ стяжать свободу отъ мученій вѣчныхъ? Но вотъ, здѣсь при исповѣди, требуютъ отъ насъ не подвиговъ великихъ, не жертвъ тяжкихъ, а единаго смиреннаго признанія своихъ грѣховъ: и мы еще будемъ при семъ медлить и отрицаться!—Не явный ли это знакъ, что мы или не вѣримъ самому Господу, Который Пастырямъ Церкви говоритъ въ Евангеліи: *вся, елика разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небеси;** или такъ упорны во грѣхахъ, что не хотимъ промѣнять ихъ даже на собственное спасеніе?

Но, какъ, скажешь, исповѣдать мнѣ свой грѣхъ, когда онъ ужасенъ и отвратителенъ? -А какъ же, возлюбленный, носить его неисповѣданнымъ такъ долго въ душѣ и совѣсти своей, когда онъ ужасенъ и отвратителенъ?— Какъ ни отвратительна рана на тѣлѣ; однако же когда начинаютъ лѣчиться, то непремѣнно показываютъ ее врачу, и онъ старается узнать всю глубину ея. А душу твою ты думаешь излѣчить, не показывая, а сокрывая ея раны?— Но, мое сердце, скажешь еще, такъ чувствительно, что я не могу разверсть устъ на признаніе въ тяжкомъ грѣхѣ

* Мат. XVI, 19.

моемъ. Ахъ, если оно, это чувствительное сердце, не спасло тебя отъ сего грѣха; то это знакъ, что въ немъ нѣтъ той крайней чувствительности, для которой дѣйствительно несносна и одна мысль о извѣстныхъ грѣхахъ. Кто могъ учинить какое либо беззаконіе, тотъ, будь увѣренъ, уже можетъ признаться въ немъ и исповѣдать его предъ служителемъ Алтаря, какъ требуетъ св. Церковь. Но допустимъ, что эта исповѣдь съ твоей стороны будетъ стоить тебѣ усилій и принужденія себѣ, что это жертва, и при томъ не малая. Что же?—Принеси эту жертву и докажи тѣмъ, съ одной стороны благодарность за милость, тебѣ оказываемую, а съ другой—искренность твоего покаянія и что ты дѣйствительно возненавидѣлъ грѣхъ. Исповѣдію грѣха, доселѣ таимаго въ сердцѣ, ты несказанно облегчишь собственную душу. Это все равно, какъ бы ты извергнулъ устами то, что тяготило, возмущало и портило твою внутренность. А вмѣстѣ съ тѣмъ исповѣдь грѣха, доселѣ утаиваемаго, послужитъ для тебя въ ограду отъ него на будущее. Ибо стыдъ, который ты почувствуешь отъ признанія, будетъ удерживать тебя отъ повторенія сего грѣха, дабы снова не имѣть нужды въ немъ исповѣдываться.

Впрочемъ, какъ хочешь, возлюбленный, но мы должны рѣшительно сказать тебѣ въ заключеніе, что если ты явишься на исповѣдь съ намѣреніемъ утаить нѣкоторые грѣхи, то лучше не приступай къ святому налою. Ибо, ты приступаешь не къ человѣку токмо, а и къ Богу. Духовникъ твой, не видя, что въ твоей душѣ, дастъ тебѣ разрѣшеніе; но Господь Сердцевѣдецъ не дастъ; и ты отыдешь еще болѣе связанный, нежели какъ пришелъ, отъ чего да спасетъ тебя Господь своею всемощною благодатію! Аминь.

СЛОВО

ВЪ СУББОТУ 5-й НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Взбранной Воеводѣ побѣдительная, яко избавльшеся отъ злыхъ, благодарственная восписуемъ ти, раби твои, Богородице.

По избавленіи отъ золъ и бѣдствій, радоваться и приносить благодаренія всего естественнѣе и пріятнѣе.—Но знаете ли, братіе, надъ кѣмъ и въ чью пользу совершена побѣда, за которую мы взбранной Воеводѣ воспишемъ нынѣ благодарственная? Она совершена, какъ повѣствуетъ исторія, въ пользу Грековъ и престольнаго града ихъ—Константинополя, страдавшаго отъ жестокой осады,—совершена надъ Каганомъ, вождемъ Скиѳовъ, въ числѣ коихъ, по всей вѣроятности, были и наши предки. Такимъ образомъ мы благодаримъ за чуждое для насъ благодѣяніе,—торжествуемъ собственное наше пораженіе!

Что это значитъ?—То, что христіанская Вѣра и въ семъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, перемѣнила порядокъ вещей и научила смотрѣть на событія иначе:—мудрость міра почитать буйствомъ, а буйство креста единственною мудростію,—слезы покаянія вмѣнять въ источникъ блаженства духовнаго, а радости и смѣхи мірскіе—въ зло и пагубу,—лишеніями дорожить паче богатства,

страданіями — хвалиться, въ униженіи — торжествовать. Если бы мы досель оставались во тьмѣ язычества: то воспоминаніе о чудесномъ пораженіи предковъ нашихъ подъ стѣнами Константинополя составило бы предметъ печали общественной и сѣтованія: но, поелику мы благодатію Божіею изведены изъ сея тьмы въ чудный свѣтъ Христіанства; то воспоминаемъ его съ радостію, торжествуемъ наравнѣ съ нашими побѣдителями, благодаримъ—за собственное пораженіе! И поступая такимъ образомъ, поступаемъ совершенно справедливо; ибо въ лицѣ, помраченныхъ тьмою язычества, предковъ нашихъ по плоти, невѣріе устремлялось противу Вѣры, дикая свирѣпость противъ гражданскаго устройства, алчность добычи—противъ мирной собственности: напротивъ въ лицѣ жителей Константинополя, кои суть также предки наши по вѣрѣ, чрезъ низпосланіе имъ чудесной помощи свыше, награждено упованіе на Бога и молитва, — такія добродѣтели, коими и мы живемъ и дышемъ, отъ коихъ ожидаемъ спасенія временнаго и вѣчнаго. Торжество Вѣры, гдѣ бы оно ни открылось, есть торжество всѣхъ вѣрующихъ; награда пламенной молитвы, на кого бы она не низошла, есть награда всѣмъ истинно молящимся; побѣда Христіанства, въ какомъ бы то ни было видѣ, есть общая всѣмъ Христіанамъ побѣда. Посему ни сколько не удивительно, что мы празднуемъ нынѣ, нѣкоторымъ образомъ, собственное наше пораженіе. Это совершенно въ духѣ нашей святой Вѣры; ибо *Духъ истиннаго Христіанства въ томъ и состоитъ*, чтобы *всегда торжествовать побѣду надъ самими собою*. Раскроемъ сію мысль въ честь взбранной Воеводы нашей, которая, и въ сей внутренней брани, есть лучшій Вождь и Помощникъ.

Святая Вѣра наша, братіе, происходя отъ Бога любви

и мира, вся исполнена Благодати и щедротъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ она приводитъ съ собою жестокую брань. Христіанинъ долженъ *не воздавать зломъ за зло,** любить самыхъ враговъ,** молиться за самыхъ распинателей; *** но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ быть всегда воиномъ и побѣдителемъ. *Мните ли,*-вопрошалъ самъ Господъ и Спаситель нашъ,-*мните ли, яко пріидохъ воврещи на землю миръ?—ни, не пріидохъ воврещи миръ, но мечь.***** И въ другомъ мѣстѣ, приглашая къ мужеству и борьбѣ на брани духовной, Онъ же Самъ говоритъ: *дерзайте*, то есть, стойте и сражайтесь мужественно; *яко Азъ побѣдихъ міръ!****** Апостолы Христовы также весьма часто призываютъ къ духовной брани, предлагаютъ для того всякаго рода оружія, даютъ совѣты, ободряютъ мужество, указываютъ на вѣнцы, уготованные побѣдителямъ; Христіанинъ у нихъ есть воинъ, отъ колыбели до гроба.

Что же это за брань, которую приводитъ съ собою наша Вѣра Святая?—Что это за побѣда, къ которой долженъ стремиться каждый Христіанинъ? Это брань человѣка съ самымъ собою; это побѣда надъ страстями и плотію, надъ всѣмъ, что въ насъ есть враждебнаго Богу и намъ самимъ. Христіанинъ долженъ во первыхъ побѣдить міръ съ его прелестями, соблазнами, могуществомъ, лукавствомъ и заразительною нечистотою. Онъ долженъ побѣдить духовъ злобы поднебесныхъ, съ ихъ невидимыми и видимыми нападеніями. Но главное поле брани для Христіанина есть—собственное его сердце. Внѣшніе враги немного значатъ для него, если внутри нѣтъ мятежа; паденія со внѣ пагубны только тогда, когда въ самомъ че-

---

* Рим. XII, 17.—** Мат. V, 44.—*** Лук XXIII, 34.—**** Мат. X, 34.—***** Іоан. XVI, 33.

ловѣкѣ есть предатели. И противъ сего-то домашняго зла должны быть устремлены всѣ силы и все мужество Христіанина. Идти противъ своихъ любимыхъ привычекъ, противъ требованій своей плоти, противъ желаній собственнаго сердца, часто труднѣе, нежели идти противъ тьмы враговъ: но—надобно идти! Кто не ведетъ сей внутренней брани, тотъ Христіанинъ по одному имени. Только побѣда надъ самими собою дѣлаетъ насъ истинными Христіанами. Безъ сего Христіанство и человѣкъ остаются чуждыми другъ другу. Безъ сего нѣтъ и не можетъ быть спасенія!

Для совершеннаго убѣжденія въ сей важной истинѣ, стоитъ только вспомнить, въ какомъ состояніи теперь человѣкъ, и для чего намъ дана святая Вѣра наша.—Она дана для нашего спасенія, для того, чтобы избавить каждаго изъ насъ отъ тѣхъ ужасныхъ золъ, кои обременяютъ всѣхъ и каждаго. Но въ чемъ состоитъ сущность сихъ золъ и бѣдствій, отъ коихъ Христіанство должно освободить насъ?—Главнымъ образомъ въ томъ, что мы не свои, что мы въ рабствѣ, въ плѣну, въ крайнемъ утѣсненіи и нищетѣ. Кто врагъ и притѣснитель нашъ? Грѣхъ, чувства и страсти. Они господствуютъ въ насъ, а все прочее покоряетъ имъ и страдаетъ. Страдаетъ умъ, наполняясь ложью, обманами, истощаясь въ служеніи пороку; страдаетъ воля, двигаясь непрестанно по вѣтру чувственныхъ пожеланій и страстей; страдаетъ свобода, не имѣя силы обратиться къ Закону и слѣдуя слѣпо за чувствами; страдаетъ самое тѣло отъ несвойственныхъ наслажденій, хотя живущій въ насъ грѣхъ всего болѣе грѣетъ и питаетъ оное. Послѣ сего какъ спасти насъ, если не браніею съ самими собою,—съ тѣмъ, что въ насъ есть враждебнаго намъ самимъ?—И что другое остается

дѣлать святой Вѣрѣ нашей, какъ не доставлять намъ средства къ тому, чтобы выходить изъ сей брани побѣдителями?—Такъ дѣйствительно и есть!—Вникните въ существо и составъ Христіанства;—и вы тотчасъ увидите, что въ немъ все направлено къ сей необходимой цѣли,—къ тому, чтобы освободить человѣка отъ плѣна страстей, отъ рабства чувствъ, отъ униженія духа подъ владычествомъ плоти; а поелику источникъ и сѣдалище сего зла въ немъ самомъ, — чтобы содѣлать его побѣдителемъ надъ собою.

Посему самому Христіанинъ, какъ мы сказали, на многое смотритъ совершенно иначе, нежели естественный человѣкъ. Что для послѣдняго кажется величайшимъ зломъ, напримѣръ, страданія, бѣдность, уничиженіе, ибо все это уязвляетъ его самолюбіе, то самое для перваго кажется, и должно казаться благомъ; ибо освобождаетъ его отъ внутренняго рабства и возвращаетъ къ свободѣ духа.

По сему-то святому Закону совершаемъ мы и настоящее торжество наше, не смотря на то, что событіе, нами воспоминаемое, не совмѣстно съ народнымъ самолюбіемъ. Съ самолюбіемъ оно, подлинно, не совмѣстно; но совершенно совмѣстно съ любовію къ Богу, съ любовію къ ближнему и съ чистою любовію къ самимъ себѣ, Ибо въ лицѣ Грековъ, избавленныхъ предстательствомъ Богоматери отъ осады Скіоской, награждена Вѣра, упованіе и молитва: а это тѣ самыя добродѣтели, въ коихъ заключено и наше спасеніе. Слухъ о чудесномъ пораженіи воиновъ подъ стѣнами Константинополя, распространившійся между древними предками нашими, безъ сомнѣнія, содѣйствовалъ произведенію въ нихъ уваженія къ Вѣрѣ Христіанской, и предрасположилъ ихъ къ оставленію язычества, что потомъ и послѣдовало, — сначала частно, въ

нѣкоторыхъ лицахъ, а потомъ и во всемъ народѣ, при святомъ Владимірѣ. Посему самая Вѣра наша есть, нѣкоторымъ образомъ, плодъ того пораженія, которое предки наши потерпѣли отъ взбранной Воеводы.

Не тѣмъ ли, братіе, съ большимъ усердіемъ должны мы притекать нынѣ къ пречистому Образу сея Воеводы, которая, избавивъ Грековъ *отъ злыхъ*, и на нашихъ предковъ навела *злая* для того, чтобы привести на нихъ со временемъ *благая*,* коими пользуемся мы нынѣ? — Но, благодаря Богоматерь за побѣду надъ нами внѣшнюю, не забудемъ просить о побѣдѣ надъ нами внутренней, будучи твердо увѣрены, что въ сей послѣдней побѣдѣ,—надъ самими собою,—состоитъ и все торжество нашея Вѣры, что отъ нея зависитъ самое наше спасеніе. Аминь.

* Рим. III, 8.

СЛОВО

ВЪ СУББОТУ 5-й НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Послѣдуя примѣру св. Церкви, ублажающей Пресвятую Дѣву всѣми возможными ублаженіями, и мы, братіе мои, желали бы нынѣ отверсть предъ вами уста свои на похвалу Ея всесвятаго имени, отверсть съ тѣмъ, чтобы чрезъ сіе, подобно пѣснопѣвцу Церковному, исполниться Духа и если возможно наполнить и васъ симъ же Духомъ. Но, слово Церкви, вчера нами слышанное, удерживаетъ насъ; то слово, которое говоритъ: *витія многовѣщанныя, яко рыбы безгласныя, видимъ о Тебѣ, Богородице!*—Если многовѣщанные оказались безгласными; то что будетъ съ нами—маловѣщанными? Для насъ посему, въ подобномъ случаѣ, *удобье,* по выраженію другой пѣсни Церковной, *любити молчаніе*.....

Съ другой стороны, что же и дѣлать въ день похвалы Пресвятой Богородицы, какъ не раздѣлять, по возможности нашей, сію похвалу вмѣстѣ съ Церковію? Остается посему поступить такъ, какъ дѣлаютъ тѣ, кои, живя у моря, не имѣютъ кораблей великихъ для плаванія на нихъ по всѣмъ краямъ морскимъ. Таковые на малыхъ ладіяхъ совершаютъ небольшія плаванія у береговъ, удовлетворяя такимъ образомъ своимъ нуждамъ, и отдая долж-

ную честь неприступности моря. Подобно сему, говорю, поступимъ и мы; то есть, укажемъ вамъ на главнѣйшія добродѣтели и совершенства, коими украшалась на земли Пресвятая Дѣва, не дерзая входить въ самую глубину благодати на Ней почивавшей.

Первая добродѣтель, и вмѣстѣ основаніе всѣхъ добродѣтелей человѣческихъ, есть преданность въ волю Божію съ забвеніемъ собственной воли и пожеланій. Необходимая для человѣка добродѣтель сія постоянно преисполняла собою всю душу и всю жизнь Маріи. *Се раба Господня, буди ми по глаголу твоему!* сказала Она Архангелу, благовѣствовавшему Ей зачатіе Сына Божія. По видимому, не трудно было изъявить таковую преданность въ то время, когда слѣдовало рѣшиться не на что либо прискорбное и уничиженное, а на честь, и славу—быть Матерію Сына Божія: но на самомъ дѣлѣ это былъ верхъ преданности и самоотверженія человѣческаго. Ибо, во первыхъ, къ сану и званію Матери Божіей принадлежало, какъ мы увидимъ, множество скорбей и искушеній, такихъ притомъ, кои не посѣщаютъ самыхъ великихъ подвижниковъ благочестія. Посему сказать: *се раба Господня*, значило сказать: се, я готова на всѣ лишенія, скорби и страданія,—готова на то, чтобы оружіе прошло самую мою душу!*. Самое достоинство Матери Божіей хотя есть высшее всѣхъ достоинствъ, но для души, истинно смиренной, какова была душа Маріи, рѣшиться на пріятіе его еще труднѣе, нежели рѣшиться на скорби: ибо послѣднія человѣкъ смиренный почитаетъ естественною своею долею и принадлежностію за свою нечистоту; а стать выше Херувимовъ и Серафимовъ—какъ подобало Матери Божіей,—на это душу воистинну

* Лук. II, 35.

смиренную могла преклонить одна безпредѣльная преданность въ волю Божію. И сія-то преданность во всей силѣ выразилась въ словахъ Приснодѣвы: *Се раба Господня, буди ми по глаголу твоему!* Сказано такъ одинъ разъ—Архангелу; а исполняемо было всегда, не только предъ Ангелами, но и предъ упорными врагами истины и правды. Ничто немогло поколебать сей преданности въ Маріи,—ни самый крестъ Сына Ея, поколебавшій собою всю землю.

Вторая Добродѣтель души праведной есть чистота тѣла и духа: ею украшаются всѣ рабы Божіи; но никто не украшался въ такой полнотѣ, какъ Пресвятая Дѣва. По сей-то добродѣтели Она, принадлежа еще къ Ветхому Завѣту, гдѣ безбрачное состояніе было какъ бы даже противно закону, обѣщававшему въ награду за исполненіе его многочадіе и многочисленное потомство,—избрала для себя на всю жизнь дѣвство, и такимъ образомъ показала въ себѣ примѣръ совершенства, принадлежащаго Завѣту Ному. По сей-то добродѣтели Преблагословенная не прежде согласилась на благовѣстіе Архангела, какъ узнавъ, что исполненіемъ его надъ Нею не нарушится нисколько святый обѣтъ дѣвства. Ибо, что Она говоритъ ему? *како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю?** Какъ бы, то есть, такъ рекла она: дѣло, о которомъ ты повѣдаешь, все и во всемъ зависитъ отъ того, могу ли я при немъ остаться въ безбрачномъ состояніи, мною для себя избранномъ: если могу, то я готова послужить тайнѣ; если нѣтъ, то да прейдетъ благовѣстіе твое на голову иную!—Вотъ до чего, какъ видите, простиралась любовь къ чистотѣ духа и тѣла въ Пречистой!

---

* Лук. I. 34.

Третія добродѣтель душъ святыхъ есть мужественное перенесеніе скорбей и искушеній. Марія, послѣ сына своего и Бога, есть первый и высочайшій примѣръ сей добродѣтели. Какого искушенія не перенесла Она, какой скорби не вытерпѣла? *Слово плоть бысть;** то есть, зачалось отъ Духа во чревѣ Приснодѣвы: для послѣдней изъ матерей есть въ подобномъ положеніи ослаба и снисхожденіе; для Матери сына Божія—пѣтъ его! Святый Обручникъ, не вѣдая тайны, подозрѣваетъ ее въ бракоокрадованіи!.. Что можетъ быть тягчае сего искушенія? Но св. Дѣва преноситъ его безмолвно.—Одно слово Ея могло бы успокоить старца, а съ нимъ и Ее самую, и разсѣять подозрѣнія; но она не смѣетъ сказать сего слова, потому что это тайна Промысла—страдаетъ и безмолвствуетъ! Приближается потомъ время рожденія—тутъ еще болѣе нуженъ покой; а Матери Сына Божія надлежало въ это самое время идти въ Виѳлеемъ съ Іосифомъ, чтобы подвергнуться переписи народной. Въ самую минуту рожденія не достаетъ мѣста въ обители; и Марія идетъ для сего въ Вертепъ, полагаетъ рожденнаго во яслѣхъ!... Едва радость о родившемся заставляетъ забыть стѣсненность своего положенія, какъ мечь Ирода простирается уже надъ Вертепомъ; и Матерь съ Отрочатемъ принуждена бѣжать во Египетъ тѣмъ путемъ, коимъ, и среди дня до нынѣ съ трудомъ проходятъ люди самые крѣпкіе и вооруженные. Подражая Евангелисту, приходимъ въ молчаніи годы послѣдующіе. Се, Марія уже на Голгоѳѣ. Какое мученіе для сердца Матери видѣть на крестѣ въ мукахъ Сына, того Сына, Который зачатъ отъ Духа Святаго, Который, по пророченію Архангела, имѣлъ воцариться *въ дому Іаковли во вѣки!*...**

---

* Іоан. I, 14. **—Лук. I, 33.

Чужіе не могли выносить сего зрѣлища, и возвращались съ Голгоѳы, *біюще въ перси своя:** а Матерь Іисуса стоитъ у креста въ безмолвіи,—погруженная мыслію въ бездну путей Божіихъ. Что можетъ сравниться съ симъ святымъ мужествомъ духа и сердца?

Не продолжимъ нашего нѣмотствованія о величіи Честнѣйшей Херувимъ;—и такъ мы уже далеко отъ брега, а ладія наша мала и слаба. Вмѣсто прославленія Пречистыя, поспѣшимъ обратиться къ Ней же съ молитвою. О чемъ? Паче всего о томъ, чтобы Ея благодатнымъ содѣйствіемъ и въ нашей нечистой душѣ отразился хотя малый и слабый образъ тѣхъ добродѣтелей и совершенствъ, кои украшали Ее на земли,—что бы мы въ дѣйствіяхъ своихъ водились и управлялись не своими суетными желаніями, а пресвятою волею Божіею,—чтобы сохраняли, сколько возможно, душу и тѣло свое отъ сквернъ мірскихъ, и чтобы умѣли благодушно переносить тѣ бѣдствія и печали, кои срѣтаютъ насъ на пути нашего земнаго странствія. Аминь.

---

* Лук. XXIII, 48.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ 5-ю ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Шестую ужѐ седмицу поста начинаемъ, братіе мои! Такъ течетъ время!—Постъ столь же мало можетъ удержать быстроту его, какъ и Празднества самыя свѣтлыя. А иные изъ насъ еще скучаютъ продолжительностію времени, и не знаютъ на что употребить его: до того можетъ простираться въ человѣкѣ забвеніе цѣли бытія своего! Кто помнитъ, для чего дана ему жизнь, и что потребуется отъ него за гробомъ, тотъ никогда не будетъ тяготиться продолжительностію времени, тому каждый часъ дорогъ; ибо онъ знаетъ, что .долженъ дѣйствовать и трудиться для вѣчности. Узнаетъ это и каждый; но когда? На ложѣ смертномъ; тутъ самый разсѣянный чувствуетъ наконецъ цѣну времени; видитъ, какъ кратка земная жизнь; желалъ-бы продолжить ее; готовъ отдать за то все прочее: но часъ смерти неотвратимъ; и несчастный міролюбецъ восхищается на всегда съ того поприща, которое дается только единожды, и, погубленное, никогда не возвратится. Можете представить, братіе мои, что ожидаетъ таковыхъ людей въ вѣчности! Для предупрежденія сего то несчастія, св. Церковь непрестанно оглашаетъ слухъ нашъ всѣми гласами Пророковъ и Апостоловъ, дабы

пробудить насъ отъ усыпленія и безчувствія душевнаго. Для сей то цѣли и мы, братіе мои, возвышаемъ нерѣдко предъ вами слабый голосъ свой. Можетъ быть,-думаемъ мы,-исходя предъ васъ съ словомъ жизни и спасенія,— можетъ быть въ нынѣшнемъ собраніи есть душа, которая услышитъ его въ первый разъ, и не только услышитъ, но и обратитъ его въ дѣло своего спасенія: можетъ быть, какой либо грѣшникъ, внявъ изъ устъ нашихъ гласу милосердія Божія, придетъ въ чувство, остановится на пути къ аду, и Господь отпуститъ намъ за сіе хотя нѣкую часть собственныхъ нашихъ прегрѣшеній. Ибо не напрасно сказано: *обративый грѣшника отъ заблужденія пути его, спасетъ душу отъ смерти, и покрыетъ множество грѣховъ.** Имѣя въ виду сіе и вы, братіе мои, не оставляйте содѣйствовать намъ не только вашимъ вниманіемъ, но и вашими молитвами о насъ: ибо, если мы, при нашей слабости духовной, можемъ чѣмъ либо быть полезны для васъ; то единственно вѣрностію благодати Господней, избравшей насъ въ служеніе вашему спасенію.

Настоящій день Воскресный, какъ замѣтили мы въ одномъ изъ прежнихъ собесѣдованій нашихъ, посвященъ Церковію между прочимъ ублаженію памяти Преподобной Маріи Египетской. И подлинно. если когда воспоминаніе о сей дивной женѣ благовременно; то въ настоящіе дни поста и покаянія: ибо ничто такъ не можетъ послужить и въ поученіе и въ утѣшеніе для грѣшниковъ, какъ ея жизнь и подвиги. Извѣстно, что наиболѣе смущаетъ грѣшника въ то время, когда онъ начинаетъ приходить въ раскаяніе. Смущаетъ, во первыхъ, мысль о тяжести своихъ грѣхопаденій; во вторыхъ, чувство пагубной привычки ко

* Iак. V, 20

грѣху и трудности сражаться съ нею.—Но, вотъ грѣшница, какихъ самый грѣхолюбивый міръ видитъ у себя немного и всегда сопровождаетъ призрѣніемъ, вдругъ разрываетъ всѣ узы грѣха, на ней лежавшія, начинаетъ жизнь святую и подвижническую, удостоивается чрезвычайныхъ даровъ Благодати Божіей и восходитъ путемъ покаянія на такую высоту духа, что становится подобною Ангеламъ безплотнымъ. Кто послѣ сего можетъ отчаяваться въ своемъ спасеніи?

Чтобы образъ покаянія Маріина живѣе напечатлѣлся въ нашей душѣ, для сего повторимъ, братіе мои, кратко всю жизнь Преподобной, какъ она изложена для насъ св. Софроніемъ, Патріархомъ Іерусалимскимъ.

Рожденная въ Египтѣ, Марія съ юныхъ лѣтъ имѣла несчастіе впасть въ бездну плотской нечистоты. Поводомъ къ сему была ея особенная красота тѣлесная—этотъ даръ Божій, останокъ райскаго благолѣпія природы нашей, но который теперь рѣдко не обращается въ первый поводъ ко грѣху. Развратъ начался съ того, съ чего наиболѣе начинается онъ въ лѣтахъ юныхъ,—съ неповиновенія своимъ родителямъ, дошедшаго до того, что скоро оставленъ навсегда домъ родительскій. Послѣ сего, нечего было уже ожидать отъ пятнадцати-лѣтней дѣвицы, кромѣ грѣха и соблазновъ. И Марія, падая ниже и ниже по лѣствицѣ разврата, скоро явилась на самой послѣдней ступени. Все, что страсти и діаволъ могутъ сдѣлать изъ человѣка, все то было сдѣлано изъ несчастной. И въ такомъ ужасномъ состояніи проведено около семнадцати лѣтъ!—Казалось не было уже никакой надежды на исправленіе.

Но тотъ, Кто оставляетъ девяносто девять овецъ и ищетъ одной заблудшей, Тотъ не оставилъ и теперь не-

счастную грѣшницу, и премудростію своею обратилъ ко спасенію ея то самое, что казалось верхомъ погибели. Ловя всѣ возможные случаи на удовлетвореніе своей страсти, Марія замѣтила, что одинъ корабль, наполненный юными людьми, отправляется въ Іерусалимъ для поклоненія Кресту Христову. Діяволъ тотчасъ вложилъ въ сердцѣ мысль употребить сей случай для своей страсти;—и вотъ злополучная плыветъ въ Іерусалимъ, скверня море своими дѣлами, какъ прежде осквернила землю. Ни взоръ на Святый градъ, ни видъ Голгофы и гроба Господня не могли остановить навыка ко грѣху; Марія и въ Іерусалимѣ продолжаетъ губить себя и другихъ. Но это было уже послѣднею жертвою аду.

Когда наступилъ день торжественнаго поклоненія Кресту Христову, Марія вмѣстѣ съ другими пожелала войти въ Храмъ: но сколько ни приближалась къ вратамъ его, каждый разъ уносилась назадъ волненіемъ толпы народной. Сначада это казалось дѣломъ случая и возбуждало только новыя усилія протѣснiться вмѣстѣ съ другими въ церковь: но когда съ одной стороны всѣ усилія остались тщетными; а съ другой замѣтно стало, что этотъ неуспѣхъ преслѣдуетъ изъ всѣхъ только се одну; то въ Маріи пробудилась наконецъ совѣсть: какъ молнія проникла все существо ея мысль, что не люди, а перстъ Божій и грѣхи ея отрѣваютъ ее отъ Святыни.—Въ сокрушеніи сердца, Марія подъемлетъ очи горѣ и видитъ предъ собою на стѣнѣ церковной св. Инону Богоматери. Это было для нея какъ бы явленіе съ неба.—„Мати Божія, восклицаетъ со слезами грѣшница, я знаю всю мою нечистоту; вѣдаю, что за тяжкіе грѣхи мои мнѣ мѣсто не въ Храмѣ, а въ адѣ: но призри, Всеблагая, на мое покаяніе, и буди моею Ходатаицею и Споручницею предъ Богомъ Сыномъ Твоимъ:

отселѣ вся жизнь моя будетъ принадлежать Ему и Тебѣ!“

Послѣ сей молитвы, Марія опять стремится ко вратамъ церковнымъ; и, не смотря на прежнія, еще большія толпы народа, входитъ невозбранно во храмъ и совершаетъ поклоненіе Кресту Христову. Видимая милость сія преисполняетъ душу ея новымъ умиленіемъ и благодарностію къ Богу. Возвратившись ко вратамъ церковнымъ, она паки повергается предъ Иконою Богоматери; снова произноситъ обѣтъ чистоты и покаянія; вторично избираетъ Ея Споручницею своего спасенія:—и, пріявъ Свыше вразумленіе идти за Іорданъ въ пустыню,—оставляетъ на всегда міръ и все человѣческое.

Я говорю: *и все человѣческое;* ибо Марія, заключившись въ пустыни Іорданской, не только попрала всю прежнюю роскошь и изнѣженность, не только отвергла удовлетвореніе самымъ необходимымъ потребностямъ плоти и крови; но вознеслась, можно сказать, надъ самою природою человѣческою. Во все время ея пребыванія въ пустыни у нея не было ни крова, ни одежды, ни пищи. Трехъ малыхъ хлѣбовъ, взятыхъ ею изъ Іерусалима, стало ей—на сколько бы вы думали? на шестнадцать лѣтъ! Потомъ пищею для ней служило не столько зеліе пустынное, сколько молитва и Благодать Божія. И среди такихъ подвиговъ проведено четыредесять седмь лѣтъ! Можете представить себѣ, братіе, чего стоила такая жизнь тѣлу, привыкшему къ нѣгѣ и чувственности!

Послушаемъ какъ сама Преподобная повѣствовала о семъ святому Старцу Зосимѣ. „Рече же Зосима къ Преподобнѣй: колико есть лѣтъ, о Госпоже моя, отнелѣже водворилася еси въ пустынѣ сей? Она же отвѣща: мню яко четыредесять и седмь лѣтъ, отнелѣже изыдохъ отъ

св. Града. Зосима же рече къ ней: и что обрѣтаеши въ пищу себѣ, Госпоже моя? Она же рече: полтретья убо хлѣба принесохъ, прешедши Іорданъ, иже по малѣ изсохше окаменѣша, ихъ же по малу вкушающи, многа лѣта пребыхъ. Зосима же рече: како же ли безъ воды пребыла еси толика лѣта; ни коея же ли бѣды пріемлющи отъ внезапнаго ослабѣнія? Отвѣща же она: рѣчи мя нынѣ вопросилъ еси, авво Зосимо, о ней же трепещу глаголати: аще бо воспомяну вся тыя напасти, яже пострадахъ, и помышленія лютая, колико сотвориша ми бѣды: боюся да не тѣми же паки оскорблена буду. Вѣру ми ими, Авво, шестнадесять лѣтъ сотворихъ въ пустыни сей, яко со звѣрьми лютыми, съ моими безумными похотьми борющися: егда бо начинахъ пищи вкушати, абіе хотяшеся ми мясъ и рыбъ, яже бяху во Египтѣ, хотяшеся же ми и вина, любимаго мною: много бо вина піяхъ, егда быхъ въ мірѣ; здѣ же не имуще ни воды вкусити, лютѣ жаждою палима быхъ и бѣднѣ терпяхъ. Бываше же ми и желаніе любострастныхъ пѣсней, зѣло возмущающее мя, и нудящее пѣти пѣсни бѣсовскія, ихже въ мірѣ навыкла бѣхъ. Абіе же слезящи и съ вѣрою перси своя біющи, воспоминахъ обѣты, яже бѣхъ сотворила, входящи въ пустыню сію. Мыслію же идяхъ къ Иконѣ Пречистыя Богородицы, Испоручницы моея, и у тоя плакахся, просящи отгнати помышленія отъ мене, терзающія окаянную мою душу. Егда же довольно плакахся и въ перси усердно біяхъ: тогда свѣтъ видѣхъ, всюду осіяваюшь мя и тишина велика въ бури мѣсто бываше ми. Како же тебѣ Авво, исповѣмъ помышленія моя, порѣвавшія мя на грѣхъ? Яко огнь во окаяннемъ сердцѣ моемъ разгарашеся и всю отвсюду мя опаляше, ко грѣху понуждая. Егда же таковое помышленіе прихождаше ми, повергахъ мя на землю, и

слезы многи проливахъ, мняще яко сама Испоручница стоитъ и истязуетъ мя, яко преступившу, и муку за преступленіе показующи. Не востаяхъ же отъ земнаго повреждения нощь и день, дондеже сладкій оный свѣтъ осіяваше мя и помыслы смущающи мя отгоняше. Очи же мои къ Испоручницѣ моей непрестанно возводяхъ, просяще отъ нея помощи; яко же и воистину Спомощницу ту имѣхъ и къ покаянію Споспѣшницу. И тако скончахъ седмнадесятъ лѣтъ, бѣды тьмами пріемлюще: оттолѣ же до днешняго дне Помощница моя Богородица во всемъ и на вся руководствуетъ мя. Рече же Зосима къ ней: не потребовали еси уже прочее пищи и одѣянія? Она же отвѣща: хлѣбы убо оны скончавши, якоже рекохъ ти въ седминадесяти лѣтѣхъ, питахся быліемъ, сущимъ въ пустыни сей. Риза же, юже имѣхъ, прешедши Іорданъ, отъ ветхости истлѣ. Много же бѣду отъ зимы и отъ зноя пострадахъ, солнцемъ горящи и мразомъ омерзающи и трясущися. Тѣмъ же и многажды падши на земли, лежахъ аки бездушна, и недвижима. Многажды же съ различными напастьми и бѣдами боряхся. Оттолѣ убо и до днесь, сила Божія многообразная, грѣшную мою душу и тѣло унылое соблюде: помышляющи бо точію, отъ коликаго зла избави мя Господь, пищу неиждиваемую стяжахъ—упованіе спасенія моего. Питаюся бо и покрываюся глаголомъ Божіимъ, содержащимъ всяческая. Ибо не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ. И елицы не имяху покрова, въ каменіе облекошася, елико ихъ совлечеся грѣховнаго одѣянія.“ Слышавъ же Зосима, яко и словеса отъ Писанія воспоминаетъ, отъ Моисея же и Пророкъ и отъ книгъ Псаломскихъ, рече къ ней: Псалмомъ же и инымъ книгамъ, о Госпоже, училася ли еси? Она же слышавши сіе осклабися, и рече къ нему: „вѣруй человѣче, не видѣхъ инаго че-

ловѣка, отнелѣ же Іорданъ преидохъ, кромѣ твоего лица днесь, и ниже звѣря, ни инаго животнаго видѣхъ: книгамъ же никогда же учихся, ни инаго чтущаго или поющаго слышахъ, но Слово Божіе живо и дѣйственно то учитъ разуму человѣка. Нынѣ убо заклинаю тя воплощеніемъ Слова Божія, молитися за мя блудницу."

Послѣ такихъ и столь долговременныхъ подвиговъ не могло не послѣдовать совершеннаго очищенія души и тѣла, совершеннаго мира съ Богомъ и совѣстію, совершенной побѣды надъ немощами природы человѣческой, совершеннаго приближенія къ первобытному совершенству человѣка въ состояніи невинности, и содружеству съ міромъ духовнымъ и Божественнымъ. И дѣйствительно св. Зосима, коему предоставлена была промысломъ Божіимъ честь открыть Преподобную Подвижницу въ пустынѣ и послужить ея погребенію, засталъ ее уже не человѣкомъ, а Ангеломъ. Марія облечена была еще плотію; но сія плоть походила болѣе на духъ, нежели на наше тѣло: она переходила немокренно Іорданъ; во время молитвы возносилась отъ земли на воздухъ; не могла вкушать почти ничего, кромѣ тѣла и крови Христовой. Для Преподобной открыты были самыя тайныя движенія сердца въ Зосимѣ; она бесѣдовала съ нимъ изъ св. Писанія, изъ Псалмовъ и Пророчествъ, никогда не читавъ Писанія и вовсе не умѣя читать; знала все, что совершается въ его Монастырѣ; предрекла, что имѣетъ совершиться въ будущемъ. Самые звѣри пустынные благоговѣли предъ лицемъ Преподобныя: въ продолженіе жизни ея не смѣли приближаться къ ней; а по кончинѣ изрыли для нея могилу и помогли немощному Старцу предать ея св. мощи землѣ.

Судите теперь сами, братіе мои, не благопристойно ли такая жизнь, какъ Преподобной Маріи, указуется Церко-

вію всѣмъ грѣшникамъ среди настоящихъ дней поста и покаянія? Гдѣ яснѣе, какъ не въ сей жизни, можно увидѣть, что нѣтъ грѣха, побѣждающаго человѣколюбіе Божіе, что нѣтъ бездны разврата, изъ коей, при помощи Благодати Божіей, нельзя было-бы выйти путемъ вѣры и покаянія, что можно, и начавъ поздно, не только сравняться, но и упредить въ совершенствѣ даже тѣхъ, кои работали въ Вертоградѣ Господнемъ отъ перваго часа?

Если бы, помыслитъ кто-либо изъ грѣшниковъ, и мнѣ было такое званіе свыше, какъ Маріи! А Маріи, возлюбленный, какое было въ началѣ особенное званіе? Что она, за тѣснотою отъ народа, вмѣстѣ съ другими не могла войти въ храмъ Іерусалимскій? Ахъ, сколько многіе изъ насъ не обратили бы на это ни малѣйшаго вниманія, и спокойно, даже можетъ быть съ радостію, пошли бы домой! Совѣсть Маріи сдѣлала важнымъ и рѣшительнымъ для ней это, если угодно такъ назвать, знаменіе. Будемъ внимательны къ самимъ себѣ; и мы въ своей жизни найдемъ не мало подобнаго, можетъ быть еще болѣе знаменательнаго: ибо можно сказать утвердительно, что нѣтъ ни единаго изъ грѣшниковъ, который не имѣлъ бы въ своей жизни такихъ случаевъ, гдѣ Благодать Божія видимо призывала его къ покаянію; но наше непрестанное разсѣяніе и ожесточеніе во грѣхѣ дѣлаютъ для насъ все это безплоднымъ. Чтобы ни срѣталось съ нами подобнаго, у насъ одинъ судъ: это *случай!* Какъ будто всѣ, самые, такъ называемые, случаи были не въ десницѣ Господней! И какъ будто со стороны Спасителя нашего могъ быть опущенъ безъ вниманія какой-либо случай къ спасенію бѣднаго грѣшника! Посему, когда бы и гдѣ бы ни пришла тебѣ мысль отстать отъ грѣха, бросить развратную жизнь, будь твердо увѣренъ, что сія душеспаситель-

ная мысль прямо отъ Бога: ибо какъ бы иначе она и посѣтила твою мрачную душу, если бы не была послана Свыше? Прими таковую мысль; послѣдуй куда она зоветъ тебя; оставь гибельный путь грѣха: — и благость Божія, являющаяся и неищущимъ ея, тѣмъ паче не замедлитъ явиться тебѣ, когда увидитъ, что ты началъ искать своего спасенія; озаритъ душу твою свѣтомъ лица своего; укажетъ путь, коимъ должно тебѣ слѣдовать; подкрѣпитъ тебя въ немощи, утѣшитъ въ скорби, вознаградитъ за всѣ земныя лишенія, и разсѣетъ для тебя на узкомъ и тернистомъ пути къ Царствію столько залоговъ своей любви, что ты и страдая будешь радоваться, и не промѣняешь новаго ужаснаго для міролюбцевъ состоянія своего ни на какія блага въ мірѣ.

Что же мнѣ дѣлать, внявъ призыванію Свыше.-спроситъ иная душа грѣшная;-неужели подобно Маріи, оставить все, идти въ пустыню? Сдѣлать и это, если бы оказалось необходимымъ: ибо ты конечно отдалъ бы все для своего спасенія, если бы у тебя разбойники отнимали жизнь тѣлесную. А страсти, сіи враги злѣйшіе всѣхъ разбойниковъ, отнимаютъ у тебя жизнь духовную, вѣчную; — и ты будешь разсчитывать, чѣмъ пожертвовать для ея спасенія и что оставить? Такъ ли пекутся о своемъ спасеніи? Такъ ли цѣнишь ты свою душу, ея же не достоинъ весь міръ? Но, для большей части кающихся грѣшниковъ нѣтъ необходимости оставлять совершенно мірское свое состояніе. Вступивъ вдругъ на столь высокую, крутую и скользкую лѣствицу, мы, по слабости стопъ своихъ, не могли бы идти по ней безбѣдно. Посему, душа кающаяся, довольно будетъ для тебя на первый разъ и той пустыни, которая откроется въ самой тебѣ, коль скоро ты внесешь во внутренность твою свѣтъ слова Божія; довольно той

пустыни, которую составитъ для тебя, тотъ же міръ, тебя окружающій и тебя ласкавшій, коль скоро ты отвергнешься его внутренно. Путь Маріи есть путь необыкновенный; почему она и достигла совершенства равноангельскаго: для насъ, грѣшная душа, довольно будетъ если мы престанемъ походить ожесточеніемъ и нераскаянностію на злыхъ духовъ; возвратимъ себѣ чистый образъ человѣческій, погубленный во грѣхахъ, и содѣлаемся достойными войти со временемъ, хотя послѣдними, въ тоже блаженное Царствіе Божіе, гдѣ живутъ и блаженствуютъ души покаявшихся грѣшниковъ. Аминь.

СЛОВО

ВЪ СРЕДУ 6-Я НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Иже въ девятый часъ насъ ради плотію смерть вкусивый, умертви плоти нашея мудрованіе, Христе Боже, и спаси насъ!

И такъ, у плоти нашей есть не только тяжесть и дебелость, насъ гнетущія, не только слабость и бренность, непрестанно запинающія стопы наши, не только болѣзни и смертность, обращающія въ ничто всѣ наши замыслы и предпріятія; но есть наконецъ и свое мудрованіе, такое опасное мудрованіе, что отъ него нельзя иначе избавиться, какъ умертвивъ его, чего однакоже мы, при всей нуждѣ въ томъ, сами по себѣ сдѣлать не можемъ, а должны молить о семъ Того, Кто единъ имѣетъ силу и власть, какъ оживить и укрѣпить въ насъ то, что для насъ необходимо, такъ низложить въ насъ и умертвить то, отъ чего мы гибнемъ.—Что это за мудрованіе, и откуда оно у плоти, которая какъ плоть, то есть, сложность вещества, хотя движущагося и одушевленнаго, но неразумнаго, потому самому должна быть неспособна ни къ какому мудрованію? Для уразумѣнія сего, надобно войти въ разсмотрѣніе нашего состава и взаимнаго отношенія духа и плоти.

Понятіе, разсужденіе, умствованіе принадлежатъ собственно въ насъ одной душѣ; подобно какъ одной плоти въ насъ принадлежатъ очертаніе, цвѣтъ, тяжесть и движеніе: и доколѣ въ человѣкѣ происходитъ все, какъ должно, и каждая часть его состава, такъ сказать, на своемъ мѣстѣ, въ своемъ чинѣ и дѣйствіи; дотолѣ въ духѣ нашемъ нѣтъ дебелости, тяжести и безсмыслія плотскаго; а въ плоти нѣтъ замысловъ и умствованій, принадлежащихъ душѣ. Духъ, какъ владыка и руководитель, соображаетъ, опредѣляетъ и управляетъ; плоть, какъ орудіе, повинуется и служитъ, сколько можетъ. Но, когда человѣкъ, уклонившись отъ воли своего Творца, и что тоже, отъ порядка и Закона своей природы, повергается въ грѣхъ и предается страстямъ и похотямъ, тогда сіе прекрасное согласіе частей, его составляющихъ, нарушается; чинъ и послушаніе прекращаются, что должно оставаться внизу, является вверху, а верхнее падаетъ и унижается; плоть—раба дѣлается владыкою, а духъ владычественный обращается въ орудіе плоти. Въ слѣдствіе сего злополучнаго превращенія отношеній духа и плоти и они какъ-бы мѣняются своими качествами: духъ становится грубымъ и плотянѣетъ; а плоть не дѣлаясь ни сколько тоньѣе и духовнѣе, восхищаетъ нѣкоторыя качества духа, является какъ бы смыслящею и мудрствующею, предпріимчивою и мечтательною; только все это не на добро, а на зло. То есть, говоря точнѣе, не плоть сама по себѣ, какъ вещество, получаетъ мысль и умъ,—что не возможно;—а духъ, смѣшавшись, такъ сказать, съ плотію, и ставъ съ нею на одномъ мѣстѣ, начинаетъ мыслить, судить и дѣйствовать по ея требованіямъ и внушеніямъ. Такое состояніе духа и плоти, очевидно, есть состояніе неестественное человѣку; и потому не только предосудительное для его

достоинства, но и крайне вредно по его послѣдствіямъ. Низшая сторона человѣка — плоть пріобрѣтаетъ, по видимому, въ такомъ случаѣ высшее совершенство, начиная дѣйствовать на подобіе духа — стороны высшей: но это мнимое совершенство, какъ ей не свойственное, по сему самому, не составляетъ никакого достоинства, подобно какъ въ самозванцѣ не составляетъ достоинства, что онъ ложно именуетъ себя Царемъ. При томъ такое возвышеніе плоти сопряжено съ крайнимъ униженіемъ духа, съ лишеніемъ его своего мѣста, своей чистоты и власти. Тутъ бываетъ тоже, какъ если бы подданный, и при томъ недостойный, сталъ повелителемъ, а природный владыка его сдѣлался его слугою.

Судя потому, откуда и какъ является у плоти способность къ мудрованію, уже легко предвидѣть, въ чемъ будетъ оно состоять. Это мудрованіе крамольника и бунтовщика, который, захвативъ въ свои руки власть, не иначе можетъ удерживать ее, какъ средствами самыми незаконными и насильственными; — это мудрованіе татя, который о томъ только и думаетъ, какъ бы сокрыть слѣды своего хищничества и умножить неправедное стяжаніе новыми хищеніями;—это мудрованіе человѣка, погубившаго умъ, который, вообразивъ себя не тѣмъ, что онъ есть, и самъ внушаетъ это всѣмъ, и отъ другихъ требуетъ, чтобы говорили тоже самое. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на мудрованіе, то есть, на понятія, сужденія и замыслы людей плотскихъ—изъ чего состоятъ онѣ? Прямо или непрямо, явно или тайно, всѣ онѣ проникнуты ядомъ грѣха, всѣ дышатъ самолюбіемъ, устремлены къ удовлетворенію не истинныхъ и существенныхъ потребностей человѣка, а различныхъ прихотей и требованія страстей; потому всѣ, рано или поздно, ведутъ человѣка

К 191.

къ погибели. Въ отношеніи къ Богу и вѣрѣ—мудрованіе плоти, въ самомъ лучшемъ видѣ его, выражается холодностію и невниманіемъ къ предметамъ Вѣры, какъ-бы вовсе несуществующимъ, или маловажнымъ; въ обыкновенномъ же состояніи своемъ соединено съ отверженіемъ всего непостижимаго въ вѣрѣ и съ превращеніемъ, по своему вкусу, всего, что въ ней постижимо; а въ худшемъ видѣ его не рѣдко доходитъ до той гордости и самозабвенія, что подобно Израильтянамъ, готово бываетъ сказать Самому Богу: *отступи отъ насъ; путей твоихъ видѣти не хощемъ;** или съ Фараономъ вопрошать: *кто есть, егоже по слушаю гласа?*** Въ отношеніи къ ближнимъ, мудрованіе плоти состоитъ въ превознесеніи себя выше всѣхъ, въ присвоеніи себѣ, если бы то было возможно, всего, что видятъ очи и чего жаждетъ необузданное сердце, въ обращеніи всѣхъ людей въ слѣпое орудіе своихъ прихотей. Даже въ отношеніи къ самому человѣку мудрованіе плоти, хотя все дышетъ самолюбіемъ, разражданется постоянно похотями вреждающими и душетлѣнными, замыслами несбыточными и пагубными, дѣлами пустыми и мертвящими. Ибо, съ одной стороны, мудрованіе плоти вредитъ человѣку тѣмъ, что позволяетъ ему все, уничтожая различіе между порокомъ и добродѣтелію, съ другой-тѣмъ, что отъемлетъ у него все, уничтожая надежду жизни вѣчной и не веля ничего видѣть далѣе могилы и тлѣнія. Прорываясь, наконецъ, изъ частной жизни на поприще общественнаго дѣйствованія, мудрованіе плоти, не остановленное во время властію предержащею не уврачеванное, или по крайней мѣрѣ, не умѣренное благотворнымъ вліяніемъ Вѣры и Церкви, сопровож-

---

* Іер. V, 3.—** Исх. V, 2.

дается потрясеніемъ всего, чѣмъ держится сила царствъ и благоденствіе народовъ. Гдѣ воцарилось это пагубное мудрованіе, тамъ всѣ хотятъ властвовать и никто не хочетъ повиноваться; разумъ человѣческій привѣтствуютъ именемъ Божества, а слѣдуютъ всѣ явному безумію; провозглашаютъ всеобщее блаженство и златый вѣкъ, а плаваютъ въ крови собратій; стремятся къ невозможному совершенству, и теряютъ, одно за другимъ, всѣ возможныя блага.

Иначе и быть не можетъ: ибо мудрованіе плотское, какъ замѣчаетъ Апостолъ, *Закону Божію не покоряется, ниже можетъ* покоряться*. Послику же только въ законѣ Божіемъ жизнь, свобода и блаженство человѣка; то сколько ни выдумывай иныхъ законовъ, сколько ни изобрѣтай иныхъ средствъ къ благоденствію человѣка и общества, всѣ они должны оказаться наконецъ пустыми, несбыточными и гибельными.

Что же послѣ сего дѣлать съ такимъ неисправимымъ мудрованіемъ, какъ не стараться лишить его всѣхъ силъ, искоренить его до конца? Ибо, доколѣ оно будетъ живо, дотолѣ не будетъ истинной жизни въ человѣкѣ. Какая то жизнь, когда бренная и грѣховная плоть мудрствуетъ и распоряжаетъ; а духъ вѣчный слѣпо выполняетъ эти безумныя распоряженія? Но какъ и отнять силу и жизнь у плотскаго мудрованія, когда оно содѣлалось въ человѣкѣ грѣшнымъ началомъ всеуправляющимъ, единственнымъ источникомъ его дѣятельности? Сама плоть не откажется отъ своего владычества, какъ оно ни противозаконно; духъ, хотя бы и захотѣлъ, не можетъ возвратить себѣ права свои: ибо оплотянѣть ему не трудно; а оплотянѣвъ, очиститься, освободиться, просвѣтлѣть, стать на

---

* Рим. VIII, 7.

свое мѣсто, взять въ руки власть,—крайне трудно: для сего нужна помощь Свыше, необходима сила, которая сняла бы съ него узы, подняла бы его изъ праха, наполнила бы силою и жизнію, и такимъ образомъ дала бы ему возможность быть тѣмъ, чѣмъ должно.

И вотъ, сего-то самаго испрашивается въ молитвѣ нами разсматриваемой!

Иже въ девятый часъ на крестѣ насъ ради плотію смерть вкусивый, умертви плоти нашея мудрованіе, Христе Боже, и спаси насъ!

Ты,—какъ бы такъ говорилось въ ней за всѣхъ насъ,—Ты, Который для того и вкусилъ смерть плотію, да мы всѣ оживемъ и поживемъ духомъ, призри на бѣдственное состояніе духа нашего, гнѣтомаго узами плоти, и умертви ея мудрованіе! Свяжи сего необузданнаго звѣря; порази его въ самое сердце, да престанетъ грѣхолюбивая плоть наша влачить насъ по дебрямъ страстей и пороковъ, да обратится въ то, чѣмъ ей быть должно,—въ послушное орудіе духа!

Само собою разумѣется, что произносящій сію молитву, долженъ рѣшиться на всѣ дѣйствія, кои умершій ради насъ плотію Самъ сочтетъ нужными для умерщвленія въ насъ мудрованій нашей плоти: — и поелику никакое умерщвленіе не можетъ быть произведено безъ боли и страданій; то долженъ рѣшиться на перенесеніе сихъ страданій. Ибо, безъ таковой рѣшимости, что значила бы и наша молитва? Она была бы или обманомъ, или самообольщеніемъ,

Но, вотъ наша странность, или лучше сказать, наше безуміе! Когда мы призываемъ врача для отнятія какого-либо неисцѣльнаго члена; то уже не противимся его дѣйствіямъ, какъ онѣ ни болѣзненны; а еще помогаемъ ему

всѣмъ, чѣмъ можемъ;—стонемъ, кричимъ, по повинуемся и благодаримъ за самыя страданія наши. А съ Врачемъ небеснымъ поступаемъ большею частію напротивъ. Не смотря на то, что сами умолямъ Его умертвить мудрованіе нашея плоти; когда Онъ начинаетъ свое дѣло, то есть, начинаетъ смирять, поражать нашего плотскаго человѣка—болѣзнями ли, безчестіемъ ли, другими ли какими ударами: то мы тотчасъ обращаемся вспять, жалуемся и ропщемъ, ставимъ преграду за преградою, и такимъ образомъ, вмѣсто умерщвленія мудрованій плотскихъ, часто впадаемъ еще въ большее рабство плоти.

Все это отъ того, что мы большею частію не убѣждены въ зловредности для насъ плотскаго мудрованія, и вообще жизни плотской и грѣховной: если молимся о избавленіи отъ нихъ; то единственно потому, что такъ велитъ молиться Церковь; а сами по себѣ—въ душѣ своей—нисколько не чувствуемъ нужды въ семъ.

Посему, чтобы намъ не произносить столь святой молитвы напрасно, надобно прилежно размыслить о томъ, какъ вредно для насъ мудрованіе плоти; надобно убѣдиться вмѣстѣ съ Апостоломъ, что это мудрованіе есть вражда на Бога, что оно есть смерть для насъ. Какъ убѣдиться въ семъ? Во первыхъ размышленіемъ о томъ, откуда происходитъ въ насъ мудрованіе плоти,—къ чему указанъ нами путь для каждаго,—и какою пагубою оно обнаруживается въ насъ,—для чего можетъ служить опытъ и нашъ собственный, и другихъ людей. Ибо, если будемъ внимательны; то увидимъ, что всякій разъ, когда мы слушались мудрованія плотскаго, никогда не выходило изъ дѣйствій нашихъ для насъ ничего, кромѣ худаго и зловреднаго. Аминь.

СЛОВО

ВЪ ПЯТОКЪ 6-й НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Вкусите и видите, яко благъ Господь. Псал. XXXIII.

Драгоцѣнныя слова сіи никогда такъ часто не возглашаются, какъ въ теченіи святаго и великаго Поста. Мы слышимъ ихъ по дважды въ седмицу, то есть, на каждой преждеосвященной Литургіи. И дѣйствительно, если когда прилично имъ часто повторяться, то въ настоящія недѣли; ибо подъ конецъ каждой изъ нихъ устрояется обильная трапеза для всѣхъ желающихъ причаститься тѣла и крови Господней. Гдѣ же можно болѣе видѣть всю благость Господа, какъ не на сей Божественной трапезѣ? Большаго и очевиднѣйшаго доказательства своей благости, мнѣ кажется, нельзя было дать людямъ самому Богу. Ибо скажи пожалуй, что же бы еще можно было сдѣлать? Нѣтъ большей любви, изрекъ самъ Спаситель, да *аще кто душу свою положитъ за други своя;** *за други* только, а мы что были Богу, когда единородный Сынъ Его полагалъ за насъ душу свою на крестѣ? Были грѣшниками, слѣдовательно врагами Божіими, и при томъ такими, кои вовсе не думали о примиреніи. И вотъ, за сихъ-то

* Іоан. XV, 13.

враговъ непримиримыхъ,-не за друговъ и присныхъ— положилъ Единородный Сынъ Божій душу свою! Уже это верхъ любви, какой нельзя найти въ цѣломъ мірѣ. Но Онъ, какъ Богъ, возшелъ любовію своею къ намъ еще выше; ибо изобрѣлъ въ премудрости своей средство полагать за насъ душу свою, можно сказать не разъ, а многажды. Ибо что дѣлается въ каждой Литургіи? Повторяется священнотайнѣ то, что было на Голгоѳѣ; повторяется до того, что въ пречистыхъ тайнахъ Онъ снова приносится за насъ въ жертву, не образно токмо и припоминательно, а съ полною силою и дѣйствіемъ. Потому и принесенное не остается простымъ символомъ тѣла и крови Его, а обращается въ сіе самое тѣло и въ сію самую кровь; такъ что Божественное тѣло Спасителя, которое висѣло нѣкогда на крестѣ и было погребаемо Іосифомъ, которое теперь сидитъ на престолѣ одесную Отца, является и на нашихъ Престолахъ и Жертвенникахъ. Одно такое присутствіе и явленіе тѣла Христова предъ нами уже показываетъ величайшій избытокъ Его любви къ намъ. Но Онъ и симъ не удовольствовался, а что дѣлаетъ? То, чего мы сами по себѣ не могли и вообразить— предаетъ себя подъ видомъ хлѣба и вина на вкушеніе всѣмъ желающимъ! Не знаемъ, провидѣлъ ли сіе св. Давидъ, когда возгласилъ: *вкусите и видите, яко благъ Господь!* но мы, кои видимъ, мы, кои вкушаемъ, что должны мыслить и чувствовать при семъ? Не должны ли мы вострепетать всѣмъ существомъ отъ любви, удивленія и благодарности? Подлинно, если отъ радости умираютъ, то не было бы ничего удивительнаго, если бы кто, по причащеніи тайнъ Господнихъ, вдругъ разрѣшился отъ узъ тѣлесныхъ и перешелъ отъ вѣры къ блаженному вѣдѣнію. Подумай еще при семъ и о томъ, кому предлагается сей

Божественный даръ, кому говорится: *вкусите и видите!* Не однимъ избраннымъ, не Пророкамъ и Апосталомъ, не мученикамъ и подвижникамъ, не постникамъ и дѣвственникамъ, а всѣмъ, самымъ послѣднимъ грѣшникамъ. Господь и нынѣ, такъ же, какъ на послѣдней Вечери, знаетъ, что не всѣ *чисты суть** изъ приступающихъ къ его тайнамъ; вѣдаетъ, что уже не одинъ, а многіе предадутъ Его; и только малая часть останется вѣрною:—и, не смотря на сію нечистоту почти всѣхъ, на сію невѣрность многихъ приступающихъ, никого не отвергаетъ отъ своей вечери; всѣмъ подастъ равно то же самое тѣло, и ту же—свою собственную кровь. Если бы такое чудо любви сдѣлано было и единожды; если бы, то есть, каждому изъ насъ только разъ въ жизни дано было причаститься тѣла и крови Господней: и тогда мы не имѣли бы чѣмъ возблагодарить Господа. Но намъ всѣмъ предоставлено это благо на всю жизнь: приступай когда хочешь, вкушай сколько угодно, во храмѣ и дома, въ жилищѣ и на пути, на сушѣ и водѣ, днемъ и ночью, въ какой угодно часъ. Скажите—можно ли бы было даже повѣрить сему, если бы не ручались за то ясныя слова самаго Господа?—Здѣсь-то познаемъ, что каждому изъ совершенствъ Божіихъ нѣтъ мѣры и предѣла: Всемогущество — оно разсыпаетъ безъ счету миріады солнцевъ и звѣздъ; премудрость — она творитъ числомъ, вѣсомъ и мѣрою каждую былинку полевую; правосудіе—оно не оставляетъ ни одного покаяннаго вздоха безъ награды, и ни одного ничистаго взора безъ наказанія; благость—она не удовлетворяется тѣмъ, что кладетъ печать щедроты на всѣхъ дѣлахъ своихъ, даетъ пищу всякой плоти, но наконецъ сама воплощается, дабы дать

---

* Іоан. XIII, 10.

себя въ сѣдь вѣрныхъ. И послѣ сего, еще нѣкоторые могутъ доходить до отчаянія въ милосердіи Божіемъ и думать, что у Отца Небеснаго можетъ не достать любви, когда они прибѣгнутъ къ Нему съ вѣрою и покаяніемъ.—Такія мысли, если приходятъ къ кому: то приходятъ большею частію отъ врага нашего спасенія, который обыкновенно поступаетъ такъ, что, когда мы живемъ въ беззаконіи, то представляетъ грѣхъ вещію маловажною, до которой Царю неба и земли, по самому величію Его, нѣтъ будто никакого дѣла; а когда увидитъ, что мы начинаемъ каяться во грѣхахъ и рѣшаемся разорвать узы страстей: то изображаетъ Бога немилосердымъ судіею, а грѣхи наши совершенно неотпустительными. Когда придутъ къ тебѣ, кающійся грѣшникъ, подобныя мысли отчаянія; то, ограждая себя крестнымъ знаменіемъ, тотчасъ вспомни тайнство св. Причащенія и скажи:—возможно ли, чтобы Тотъ, Кто даетъ мнѣ вкушать тѣло и кровь свою, отвергъ мое покаяніе? Для чего же Онъ и питаетъ меня недостойнаго самимъ собою, какъ не для того, чтобы исцѣлить, помиловать и оправдать? Скажи такъ, и продолжай въ мирѣ дѣло своего покаянія. Господь благъ ко всѣмъ, но вѣрнѣе и болѣе всего — ко грѣшникамъ кающимся. Аминь.

СЛОВО

ВЪ ПЯТОКЪ ШЕСТЫЯ НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Душеполезную совершивше Четыредесятницу, и святую недѣлю страсти Твоея, просимъ видѣти, человѣколюбче, еже прославити въ ней величія Твоя, и неизреченное насъ дѣля смотреніе Твое, единомудренно вопіюще: Господи слава Тебѣ!

День за днемъ, седмица за седмицею, и вотъ прешла уже вся святая Четыредесятница; хотя инымъ, по непривычкѣ къ воздержанію и посту, она казалась, можетъ быть, безконечною. Постъ еще продолжится одну седмицу: но дни сіи не принадлежатъ уже Четыредесятницѣ; а имѣютъ особенное назначеніе, будучи посвящены на воспоминаніе Страстей Господнихъ. Это какъ глава и крестъ на храмѣ. Посему сама святая Церковь останавливаетъ въ настоящій день наше вниманіе, неоднократно возглашая: *душеполезную совершивше Четыредесятницу!* Такъ поступаетъ она для того, чтобы мы, достигнувъ конца Четыредесятницы, собрались съ мыслями и разсмотрѣли, достигнута ли въ насъ цѣль святаго Поста? Ибо можно, и много сѣявъ, ничего не пожать; можно употребить разныя лѣкарства, ждить даже, какъ говоритъ

Евангеліе о женѣ кровоточивой, все имѣніе врачамъ, и не получить исцѣленія.

И такъ, что теперь съ нами, то есть, съ душею и совѣстію нашею? Чувствуемъ ли въ себѣ какую-либо перемѣну благотворную? Можетъ ли сказать съ описанною въ Пѣсни пѣсней невѣстою: *се, зима прейде, дождь отыдѣ, цвѣты явишася на земли нашей?** Ахъ, мы привыкли называть природу, насъ окружающую, неразумною: но посмотрите, какъ всеразумно исполняетъ она свой долгъ и дѣлаетъ свое дѣло! Едва только обратилось къ ней лице лѣтняго солнца, она тотчасъ начала совлекаться, и теперь совершенно совлеклась своей тяжелой зимней одежды: освѣщенная, согрѣтая лучами весенними, она немедля омылась отъ нечистотъ зимнихъ; отдала сполна всю дань водъ морю; и теперь, что ни день, то болѣе и болѣе износитъ изъ нѣдръ своихъ все, что прошедшею осенью ввѣрила полямъ и нивамъ рука земледѣльца. Къ свѣтлому Празднику всюду явится у земли новая праздничная одежда изъ зелени и цвѣтовъ; горы и холмы препояшутся радостію; и новый хоръ пернатыхъ возгласитъ новую пѣснь радости и благодаренія Творцу природы. И къ намъ, брат. мои, съ самаго начала св. Поста, можно сказать, приблизилось духовное солнце, Господь и Спаситель нашъ: ибо не напрасно возглашала тогда Церковь слова Апостола: *нынѣ ближайшее къ намъ спасеніе!*** Что же произвело въ насъ это приближеніе къ намъ и это умноженіе вокругъ насъ свѣта и теплоты духовной? Растаялъ ли внутрь насъ ледъ безчувствія сердечнаго? Омылись ли мы отъ нечистотъ грѣховныхъ слезами вѣры и покаянія? Готова ли душа наша, подобно землѣ, къ изнесенію плодовъ любви и правды?—Срѣтая день Воскресенія Господня, возможемъ

* Пѣс. пѣс. XI, 11.— ** Рим. XIII, 11.

ли сказать, что и мы уже не мертвы духомъ, что въ насъ, по благодати Божіей, есть хотя малый начатокъ жизни вѣчной?—Постъ настоящій для сего именно былъ и предназначенъ. Ибо, чего хотѣла св. Церковь, налагая его на насъ? Конечно не того, чтобы сберечь отъ употребленія нѣсколько снѣдей, или лишить насъ извѣстныхъ удовольствій. Нѣтъ, постъ долженъ былъ обуздать нашу чувственность; укротить, а потомъ и умертвить наши страсти; очистить наши мысли и желанія; дать большую свободу духу и совѣсти; пробудить въ насъ печаль по Возѣ и святую тоску по небесномъ отечествѣ; приблизить насъ къ небу; очистить, просвѣтлить и освятить все существо наше.

По этому самому Четыредесятница и провозглашается душеполезною.—Таковою ли она была для насъ? Что пріобрѣли мы отъ толикаго числа чтеній, молитвъ, колѣнопреклоненій, тѣмъ паче отъ нашей Исповѣди и причастія св. таинъ Христовыхъ? Не съ видомъ суровыхъ приставниковъ истязуемъ мы, братіе мои, отъ васъ плодовъ Поста; а, подобясь врачамъ, для вашей же пользы хотимъ обратить вниманіе ваше на состояніе души и сердца вашего. Ибо легко можетъ быть, что нѣкоторые, и желая спасенія душѣ своей, не умѣли воспользоваться поприщемъ великопостнымъ. Это бываетъ, на примѣръ, когда во время поста ограничиваются однимъ воздержаніемъ отъ пищи и питія, однимъ, болѣе или менѣе частымъ хожденіемъ въ церковь, однимъ поверхностнымъ исповѣданіемъ своихъ грѣховъ предъ Священникомъ, однимъ исправленіемъ какихъ либо маловажныхъ недостатковъ въ своемъ поведеніи и жизни: тогда какъ для спасенія нашего требуется гораздо большаго,—необходима совершенная перемѣна нашихъ плотскихъ мыслей и чувствъ, всецѣлое обновленіе нашего духа и сердца, или, какъ выражается с[illegible]-

во Божіе, цѣлое новое рожденіе свыше. Если кто имѣлъ неблагоразуміе остановиться на указанной нами, малоплодной, поверхности благочестія, тотъ да вѣдаетъ, что онъ, и много по видимому дѣлая, еще ничего не сдѣлалъ, какъ должно; — что ему надобно трудиться снова, и начать, такъ сказать, съ начала. То есть, что сдѣлать? — Углубиться въ свое сердце и совѣсть, убѣдиться, что, безъ освященія свыше, корень всѣхъ его дѣйствій, даже благихъ, есть самолюбіе, а не святая и истинная любовь къ Богу и ближнему, — что все, произрастающее отъ сего корня, есть нечисто предъ очами Божіими и недостойно царствія небеснаго; должно познать сіе и молить Господа, да Самъ изведетъ его изъ плѣна страстей и злыхъ навыковъ, да Самъ созиждетъ въ немъ сердце чистое и даруетъ ему духъ сокрушенъ, то сердце, изъ коего сами собою явятся воистину благія мысли и дѣянія; тотъ духъ, который одинъ можетъ быть пріятелищемъ даровъ благодатныхъ и обителію въ насъ Духа Божія.

Но, какъ же сдѣлать все это, вопроситъ кто либо, когда уже миновалась святая Четыредесятница и пропущено время, самое удобное къ тому? — Точно, время Поста есть весьма удобное къ сему важному дѣлу; но наступающіе дни страданій Господнихъ, можно сказать, еще удобнѣе. Какъ на срединѣ земнаго шара подъ равноденственною линіею, или такъ называемымъ, экваторомъ, солнце дѣйствуетъ такъ сильно, что въ одинъ день вырастаетъ болѣе, нежели у насъ въ недѣлю: такъ то же самое можно сказать и о наступающихъ дняхъ Страстей Христовыхъ. Это нашъ духовный экваторъ: тутъ сосредоточены всѣ лучи духовнаго солнца. Не было бы только недостатка съ нашей стороны въ слезахъ истиннаго покаянія, а то въ часъ и минуту можетъ произойти съ душею и серд-

цемъ напишетъ то, чего въ другое время трудно ожидать отъ цѣлыхъ седмицъ и мѣсяцевъ.

И такъ, да не теряетъ надежды никто! Да соберутся подъ знамя Вѣры и креста всѣ отсталые! Да возвратятся къ своему мѣсту самые бѣглецы! На Голгоѳѣ всѣмъ вѣрующимъ достунъ; всѣмъ кающимся—прощеніе; всѣмъ, любящимъ воистину—жизнь вѣчная! Аминь.

СЛОВО

ВЪ СУББОТУ ЛАЗАРЕВУ.

Настоящій праздникъ можно назвать праздникомъ дружества. Іисусъ говоритъ: *Лазарь, другъ нашъ усне;** и спѣшитъ въ Виѳанію, не смотря на опасность тамъ для своей жизни отъ Іудеевъ. Ученики говорятъ такъ же: *идемъ и мы, да умремъ съ нимъ;*** то есть, говорятъ то, что могла внушать токмо самая пламенная дружба къ Лазарю. О Марѳѣ и Маріи, сестрахъ его не возможно и сомнѣваться: ихъ душа и сердце какъ бы погребены вмѣстѣ съ братомъ и другомъ. Самые Фарисеи, забывъ свои лицемѣрные виды и расчеты, пришли въ Виѳанію не для чего другаго, какъ да утѣшатъ сестръ о смерти брата. А при гробѣ Лазаря—тутъ Іисусъ даже прослезился; и конечно не отъ унынія и печали, ибо сейчасъ скажетъ: *Лазаре, гряди вонъ*,—а отъ любви и дружбы, для коихъ тяжело видѣть и на одну минуту возлюбленнаго своего въ гробѣ, среди праха и тлѣнія.—Посему-то самые Іудеи заговорятъ: *виждь, како любляше его!****—И такъ, говорю, праздникъ настоящій можно, по всей справедливости, назвать праздникомъ дружбы.

---

* Іоан. XI, 11.— ** Іоан. XI, 16. — *** Іоан. XI, 36.

Если когда потому, то нынѣ самый удобный случай для насъ наблюсти, какъ Господь поступаетъ съ своими друзьями и возлюбленными.—Много ли Онъ любитъ ихъ? Такъ любитъ, что проливаетъ слезы на ихъ гробѣ. Іисусъ не плакалъ на своемъ крестѣ, а надъ Лазаремъ плачетъ; и сдѣлалъ для него то, чего не дѣлалъ ни для кого; ибо воскресилъ его изъ мертвыхъ, уже четыредневна и смердяща.

Но любовь сія дѣлаетъ ли друзей Господа вовсе неприкосновенными ни для какой скорби и искушеній? Напротивъ. Изъ примѣра Лазаря и сестръ его особенно видно, какъ справедливо замѣчено Апос. Павломъ, что *его же любитъ Господь*, того *наказуетъ* и испытуетъ.* Ибо, смотрите, вотъ семейство, которое Господь постоянно отличалъ своимъ вниманіемъ; среди коего, во время пребыванія своего въ Іерусалимѣ, всегда находилъ для себя дружескій пріютъ и успокоеніе, которому явилъ столько знаковъ своей благорасположенности, такъ что оно само уже нисколько не сомнѣвалось въ любви Его, а возлагало на Него полную надежду во всякомъ случаѣ, какъ и теперь, едва только Лазарь сдѣлался боленъ, дали Ему знать о томъ, въ увѣренности, что Онъ не медля явится и возвратитъ здравіе своему болящему другу,—вотъ, говорю, семейство, святое, чистое, самое близкое къ Господу, и однако же какому великому искушенію и какой скорби подвергается оно теперь со смертію Лазаря! Господь, безъ сомнѣнія, могъ отвратить болѣзнь отъ своего друга, но не отвратилъ; могъ сдѣлать ее, по крайней мѣрѣ, не смертельною, но не сдѣлалъ; могъ поспѣшить чудомъ и прійти въ Виѳанію на другой или третій день по смерти, но явился на пятый. Почему такъ и для чего? Потому и для того,

* Евр. XII, 6.

чтобы слѣлать и Лазаря и сестръ его вполнѣ орудіемъ славы Божіей, дабы дать имъ—и печалію своею, и болѣзнію брата, и самою смертію его, послужить великому дѣлу спасенія человѣческаго: *да прославится Сынъ Божій ея ради!** Такъ поступаетъ Господь съ другими и присными своими! Онъ блюдетъ ихъ яко зеницу ока; безъ Его воли не падаетъ съ главы ихъ ни одного волоса: но это не значитъ того, чтобы Онъ непрестанно упедрялъ ихъ только благодѣяніями, чтобы увеселялъ и питалъ ихъ сладостями: подобно какъ поступаютъ съ дѣтьми своими сердобольныя, но неразумныя матери, портя такимъ образомъ ихъ нравъ, пріучая ихъ къ изнѣженности и роскоши:—нѣтъ, Господь Премудръ, и не можетъ поступать такимъ образомъ; Онъ взираетъ не на удовольствіе, а на истинную пользу любящихъ Его и любимыхъ Имъ; и для усовершенія ихъ въ вѣрѣ, любви, смиреніи и преданности, нерѣдко посылаетъ на нихъ такія искушенія, какихъ не видятъ надъ собою грѣшники. У кого, напр. изъ грѣшниковъ требовалъ когда Господь въ жертву Себѣ сына? А у Авраама требовалъ. Кто любезнѣе Ему былъ двенадесяти учениковъ Его? И всѣ они скончались за имя Его среди мученій—иной отъ меча, иной отъ креста, иной отъ камней. Все это не только по любви ихъ къ Господу, но и по любви къ нимъ Господа. Ибо для Него, яко Всемогущаго, ничего не стоило отвратить отъ нихъ всѣ искушенія, окружить ихъ даже всѣми видами счастія земнаго; но Онъ не сдѣлалъ сего, а напротивъ попустилъ обрушиться на нихъ всѣмъ бѣдствіямъ, да пренесеніемъ ихъ взойдутъ на большую высоту и достигнутъ свѣтлѣйшихъ вѣнцовъ: потому что ничто такъ не дѣлаетъ человѣка чистымъ, ничто такъ не

* Іоан. XI, 5.

возвышаетъ его въ духѣ и не приближаетъ къ Богу, какъ мужественное перенесеніе скорбей и напастей.

Престанемъ же, братіе мои, соблазняться и недоумѣвать, если видимъ, что кто либо и изъ вѣрныхъ рабовъ Божіихъ не благопоспѣшается въ земныхъ дѣлахъ своихъ, терпитъ нападеніе или клевету, страдаетъ отъ болѣзни и другихъ золъ. Ужаснемся, напротивъ, и пожалѣемъ, когда срѣтимъ счастливаго во всемъ нечестивца, высящагося яко кедръ Ливанскій. Ибо, это значитъ, что онъ, яко неисправимый, предоставленъ уже самому себѣ, и, по выраженію Писанія, восприемлетъ, подобно богачу Евангельскому, благая въ животѣ своемъ, дабы по смерти идти прямо во огнь геенскій.

Престанемъ унывать и отчаяваться, когда и насъ, не смотря на чистоту рукъ и правоту путей нашихъ, посѣтитъ какая либо горесть и потеря. Напротивъ, если мы хотимъ быть поистину рабами Господними; то должны въ семъ случаѣ не падать, а возвышаться въ духѣ, утѣшаясь тою мыслію, что Господь взираетъ на насъ уже не какъ на малыхъ дѣтей, неспособныхъ ни къ какому трудному опыту и подвигу, а какъ на возрастихъ, отъ коихъ съ благонадежностію можно ожидать и требовать жертвъ и усилій. А для сего утвердимъ навсегда въ душѣ нашей мысль, что всѣ горести и напасти земныя, въ чемъ бы онѣ ни состояли и какъ бы велики ни были, коль скоро преносятся надлежащимъ образомъ, то есть, со смиреніемъ, вѣрою и предапностію въ волю Божію; то никогда и ни въ чемъ не могутъ повредить намъ, а всегда доставляютъ, напротивъ, великую пользу душевную. Хотите знать — какую? Ту, что ослабляютъ въ насъ плотскаго человѣка, этого опаснѣйшаго врага нашему спасенію; ту, что подавляютъ въ насъ приверженность къ благамъ зіф

и его нечистымъ утѣхамъ и обращаютъ мысли наши къ небу и вѣчности; ту, что приближаютъ насъ къ Богу, заставляя въ Немъ единомъ, яко неизмѣнномъ и вѣчномъ, искать для себя опоры и утѣшенія; ту, наконецъ, что видимо уподобляютъ насъ Господу и Спасителю нашему, Который, во время бытія своего на землѣ, не царствовалъ и не блаженствовалъ, хотя имѣлъ на то все право, а ежедневно лишался, терпѣлъ и страдалъ ради спасенія нашего. Аминь.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ ВАІИ

НА ВСЕНОЩНОМЪ БДѢНІИ.

И такъ воскресеніе мертвеца четыредневнаго не осталось безъ дѣйствія—дщерь Сіонова пробудилась! И смотрите, съ какимъ торжествомъ срѣтается Тотъ, Кто доселѣ не имѣлъ гдѣ главы подклонить! Срѣтается такъ, какъ никогда не срѣтали ни Давида, ни Соломона. Взирая на знаки усердія, Ему теперь оказуемыя, вѣроятно, не одинъ добрый Израильтянинъ благодарилъ въ душѣ своей Бога, и думалъ, что колебаніе умовъ и совѣстей, произведенное во всей Іудеи ученіемъ и чудесами великаго Пророка Галилейскаго, кончилось наконецъ, что отнынѣ Онъ, признанный отъ всѣхъ за давно ожидаемаго Мессію и Спасителя, вступитъ во всѣ права свои надъ народомъ Іудейскимъ, и начнетъ въ мирѣ и тишинѣ совершать дѣло спасенія дщери Сіоновой.

И однако же, братіе мои, все это срѣтеніе, и вся эта торжественность и усердіе были только минутнымъ зрѣлищемъ. Пройдетъ нѣсколько дней;—и тотъ же народъ, который теперь, не помня себя отъ радости, восклицаетъ: *осанна Сыну Давидову*, — онъ же, не меньшею толпою,

окружитъ Преторію Пилата, и будетъ превлиха воіяти: *возьми, возьми, распни Его!*

Судя по сему, можно бы даже подумать, что знаки радости и усердія, въ такомъ обиліи нынѣ расточаемые при срѣтеніи грядущаго въ Іерусалимъ Господа, были слѣдствіемъ не истиннаго чувства, а плодъ лицемѣрія и желанія усыпить свою жертву, дабы тѣмъ вѣрнѣе привести ее на мѣсто закланія. Между тѣмъ Іерусалимъ радуется нынѣ дѣйствительно отъ всей души; лицемѣріе кроется только въ сердцѣ нѣкоторыхъ, неисправимыхъ и безчувственныхъ, фарисеевъ.

Откуда же, имѣющая вскорѣ послѣдовать, необыкновенная превратность мыслей и чувствъ, умовъ и сердецъ?— Отъ пагубнаго легкомыслія,—отъ того, что дщерь Сіонова, какъ замѣтилъ Самъ Спаситель, не уразумѣла *времени посѣщенія* (*) своего, не приняла труда подумать, что требуется отъ нея, дабы святая радость, нынѣ ею овладѣвшая, осталась за нею навсегда. Какъ пришли въ восторгъ случайно, увлекшись видимостію; такъ случайно же придутъ въ ярость ожесточенія, положившись на то, что внушитъ злоба и клевета.

Много можно было бы сказать противъ сего преступнаго легкомыслія Іудейскаго: но къ чему послужили бы для насъ въ семъ случаѣ подобныя обвиненія? Дщерь Сіонова уже суждена и осуждена Тѣмъ, Кто избралъ ее нѣкогда изъ всѣхъ дщерей человѣческихъ. Довольно посмотрѣть на каждаго изъ потомковъ древняго Израиля, чтобы съ ужасомъ признать на немъ печать гнѣва Божія.

Вмѣсто осужденія Іерусалимлянъ, гораздо полезнѣе обратиться къ себѣ самимъ и посмотрѣть, не происходитъ ли и съ нами подобнаго?—Наше ежегодное, во время вели-

(*) Лук. XIX, 44.

каго Поста, говѣніе, наше покаяніе и исповѣдь, наше причащеніе святыхъ Таинъ, что все это какъ не торжественное срѣтеніе Господа и Спасителя, грядущаго къ душѣ нашей подобно тому, какъ шелъ Онъ нынѣ въ Іерусалимъ погибающій? Кто изъ насъ не является при семъ якоже единъ отъ усердныхъ Іерусалимлянъ? Какъ они вопіяли—осанна Сыну Давидову: такъ и каждый изъ насъ говоритъ — вѣрую Господи, и исповѣдую! Каждый именуетъ себя первымъ изъ грѣшниковъ; каждый клянется — не давать лобызанія якоже Іуда; каждый не ризы токмо свои, но и самаго себя повергаетъ на землю предъ чашею Завѣта. Можно ли, казалось бы, усомниться въ искренности и твердости таковыхъ чувствъ и обѣщаній?— И Господь каждый разъ полагается на слова наши, вѣритъ нашимъ устамъ и сердцу;—и предастъ намъ тѣло и кровь свою!

Но что выходитъ изъ всего этого?—Долго ли остаемся мы вѣрны обѣтамъ нашимъ? Проходитъ нѣсколько дней; и мы тѣ же, что были прежде: опять прежніе грѣхи, прежнія страсти, то же нерадѣніе о своей душѣ и совѣсти, та же жестокость къ ближнимъ, та же безумная приверженность къ утѣхамъ чувственнымъ.

Судя по сему, и о насъ надлежало бы подумать, что мы каемся, исповѣдуемся, причащаемся не отъ расположенія сердечнаго, а лицемѣрно. Но, въ насъ не бываетъ сего. Мы воистину хотѣли бы своего спасенія; и каждый разъ, приступая къ исповѣди и причащенію, надѣемся сдѣлаться лучшими. Что же мѣшаетъ тому? Помилованіе принято, благодать освященія преподана, на душѣ и совѣсти легче и свѣтлѣе: откуда же опять возникаетъ зло и нечистота? Кто паки повергаетъ насъ въ бездну грѣха и погибели? — Наше легкомысліе.... Мы не принимаемъ

труда упрочить святое дѣло покаянія; не беремъ мѣръ противъ прежнихъ наклонностей грѣховныхъ; удовлетворяясь нѣсколькими днями говѣнія, останавливаемся на одной наружности таинства;—и доброе, въ насъ начавшееся,—не поддержанное, не питаемое, подавляемое, — слабѣетъ, вянетъ, изчезаетъ.

И сколько разъ въ жизни повторяется надъ нами это злополучное приключеніе? Израильтяне разъ токмо, въ день входа Господа во Іерусалимъ, оказались предъ Нимъ такъ легкомысленными и клятвопреступными: мы дѣлаемъ тоже самое каждый годъ; и многіе, вѣроятно, будутъ дѣлать тоже до конца жизни своей... Увы, можетъ ли быть что либо злополучнѣе?

Обратимъ же, братіе мои, обратимъ вниманіе на столь бѣдственное состояніе души нашей. Вотъ, и еще оканчивается одинъ изъ великихъ постовъ. Да не будетъ и онъ, подобно прежнимъ, повтореніемъ нашихъ невѣрностей предъ Господомъ! Да содѣлается онъ постомъ истинно великимъ для насъ тѣмъ, что мы, въ продолженіи его, оставили навсегда путь грѣха и погибели, и начали жизнь чистую и святую! Аминь.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ ВАІИ.

И яко приближися, видѣвъ градъ, плакася о немъ.
Лук. XIX, 41.

На три случаи указывается намъ въ Евангеліи, когда плакалъ Господь нашъ: плакалъ онъ вчера, при гробѣ друга своего Лазаря; будетъ плакать въ саду Геѳсиманскомъ, во время молитвы къ Отцу, да мимо идетъ чаша страданій; и плачетъ нынѣ—при взглядѣ на Іерусалимъ погибающій. Слезы Геѳсиманскія такъ высоки и таинственны, что о нихъ дерзновенно было бы бесѣдовать ко всѣмъ: и слезы Виѳанскія не безъ таинства; ибо, для чего, по видимому, плакать у гроба того, кто въ эту же минуту имѣлъ быть вызванъ изъ гроба? слезы нынѣшнія, Іерусалимскія—просты и ясны—Господь плачетъ о Іерусалимѣ; потому что Іерусалимъ не разумѣетъ времени своего посѣщенія, не плачетъ самъ о грѣхахъ своихъ.

И такъ, это наши слезы, возлюбленный слушатель; ибо они пролиты Господомъ, безъ сомнѣнія, не объ одномъ Іерусалимѣ, а и о насъ съ тобою, грѣшниковъ сущихъ! Это слезы о тебѣ, непослушный сынъ Церкви, который, свергнувъ святое иго вѣры, возложенное на тебя

еще благочестивыми родителями, предался вольнодумству и глумленію надъ предметами священными! Это слезы о тебѣ, жестокій властелинъ, который, забывъ общую всѣмъ намъ природу и общее всѣмъ намъ упованіе жизни вѣчной, томишь подручныхъ своихъ, какъ бы они созданы были не для славы Божіей и не для ихъ вѣчнаго спасенія, а для тяжкой работы на удовлетвореніе твоимъ прихотямъ! Это слезы о тебѣ, безчувственный богачъ, который поработилъ душу свою бездушному металлу, погребъ сердце и всѣ святыя чувства его въ неправедныхъ счетахъ и разсчетахъ! Это слезы о тебѣ, недостойный пастырь Церкви, который вмѣсто того, чтобъ быть устами Божіими для народа, предстателемъ предъ Богомъ о людскихъ невѣжествіяхъ, стоишь между алтаремъ и собраніемъ вѣрныхъ, яко стѣна повапленна, на ней же написана не милость Божія, а твой собственный судъ и осужденіе! Господь плачетъ и доселѣ о каждомъ грѣшникѣ. Ибо какъ не плакать, когда онъ идетъ видимо въ бездну, изъ коей нѣтъ возврата, и, имѣя въ рукахъ своихъ жизнь вѣчную, безумно мѣняетъ ее на суету и тлѣніе? Какъ не плакать о грѣшникѣ, когда столько средствъ, употребленныхъ для примиренія его съ Богомъ, для возвращенія ему правъ на рай потерянный, къ стяжанію для него Царствія небеснаго, остаются туне и безъ плода? *И яко приближися, видѣвъ градъ, плакася о немъ.*

Не помогли слезы Господа Іерусалиму! Не уразумѣлъ онъ тайны благодатнаго входа въ него и слезъ, надъ нимъ проліянныхъ, и за то преданъ доселѣ на попраніе языкомъ! Не помогутъ слезы Господа и намъ съ тобою, возлюбленный слушатель, если мы, подобно Іерусалимлянамъ, останемся безчувственны во грѣхахъ нашихъ. Для того, чтобы сими безцѣнными слезами омыты были грѣхи наши,

надобно, чтобы къ нимъ примѣшались собственныя наши слезы о грѣхахъ нашихъ, чтобы печаль, исполнявшая сердце Господа, перешла въ нашу душу, и изгнала изъ ней всѣ нечистыя и зловредныя радости грѣховныя. Посему не удивляйтесь, если мы, вмѣсто веселія, пригласимъ васъ нынѣ къ слезамъ. Пусть Пророкъ восклицаетъ: *радуйся, дщи Сіона!* этотъ гласъ къ душамъ чистымъ: онѣ могутъ и должны, по Апостолу, радоваться не нынѣ только, а и всегда(*). А намъ должно болѣе плакать, нежели радоваться; ибо мы доселѣ во грѣхахъ и нераскаянiи; грѣшникамъ же нѣсть радоватися, глаголетъ Самъ Господь.—Сія святая печаль по Бозѣ не помѣшаетъ впрочемъ и радости истинной, которая у грѣшника, каковы мы, и можетъ произрасти токмо изъ слезъ. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, какъ будетъ радостенъ для насъ праздникъ Воскресенія Господня, если мы наступающую недѣлю проведемъ въ слезахъ покаянія! Онъ такъ будетъ свѣтелъ, какъ никогда не былъ доселѣ,—чего да сподобитъ насъ всѣхъ Господь своею всемощною благодатію! Аминь.

(*) Фил. IV, 4.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ ВАИИ.

И яко приближися, видѣвъ градъ, плакася о немъ.
Лук. XIX, 41.

О какомъ это градѣ въ такой радостный день плачетъ возлюбленный Спаситель нашъ? О Тирѣ, Сидонѣ, Египтѣ, Вавилонѣ? То есть, о какомъ либо изъ градовъ, невѣдавшихъ Бога истиннаго, и потому гибнувшихъ въ безднѣ разврата и нечестія?—Нѣтъ, Воскреситель Лазаря плачетъ надъ тѣмъ градомъ, который изъ всѣхъ градовъ земныхъ избранъ самимъ Богомъ въ особенное жилище себѣ, къ коему посылано было столько Пророковъ, гдѣ возвышался единственный въ цѣломъ мірѣ храмъ Бога живаго,—плачетъ о томъ градѣ, среди коего имѣла теперь совершиться на Голгоѳѣ тайна всемірнаго искупленія, дабы потомъ изъ него же быть провозглашенною въ слухъ и спасеніе всего міра!...—И въ какой день лются надъ Іерусалимомъ сіи горькія слезы изъ очей Господа? Въ тотъ день, когда едва не весь градъ исходитъ во срѣтеніе Ему; когда стелютъ по пути предъ Нимъ не только вѣтви, но и ризы своя; когда торжественно провозглашаютъ Его Сыномъ Давидовымъ, отъ души и сердца поютъ Ему осанна

въ вышнихъ, и пріемлютъ Его такъ, какъ никогда не принимали ни единаго изъ Владыкъ своихъ!

Что убо извлекаетъ изъ очей Господа въ такой день слезы о Іерусалимѣ?—Неразуміе и нераскаянность его жителей. Настоящій день былъ для нихъ днемъ особеннаго посѣщенія Божія, днемъ рѣшительнаго испытанія на жизнь или смерть; а они, въ ослѣпленіи ума и сердца, помраченнаго страстями, не видятъ всей важности сего посѣщенія; не смотря на внѣшніе знаки усердія къ Сыну Маріи, являются неспособными къ принятію отъ Него царствія небеснаго; которое Онъ, вмѣстѣ съ собою, свелъ на землю; совершенно близки къ тому, чтобы рѣшительно отвергнуть Его и въ Немъ свое спасеніе. *И яко приближися, видѣвъ градъ, плакася о немъ, и рече: аще бы разумѣлъ еси время посѣщенія твоего! Обаче сокрыся отъ очію твоею!* Вотъ что исторгаетъ у Господа слезы, и превращаетъ для Него день всеобщей радости въ день скорби и сѣтованія.

Чтобы еще болѣе уразумѣть силу сихъ слезъ Спасителя надъ Іерусалимомъ, припомнимъ, что Ему оставалось пробыть на землѣ токмо нѣсколько дней, и что, не смотря на трехлѣтнее странствіе Его по землѣ Іудейской, на неоднократное посѣщеніе Іерусалима, на множество бесѣдъ, въ немъ произнесенныхъ, на множество чудесъ, тамъ совершенныхъ, Іерусалимъ еще доселѣ ни разу не обнаружилъ рѣшительно мнѣнія своего о Немъ. Настоящій входъ въ Іерусалимъ, сообразно пророчеству, долженствовалъ служить для сей цѣли; нынѣ должно было рѣшиться—будетъ ли новый Пророкъ и Учитель принятъ за то, чѣмъ Онъ былъ дѣйствительно, то есть, за обѣтованнаго Мессію и Сына Божія, или будетъ не узнанъ и отвергнутъ. Слѣдствія того и другаго были изисчислимы

для Іерусалима и всего народа Іудейскаго. Мессія, принятый съ вѣрою и любовію, имѣлъ облагодѣтельствовать сей народъ во времени и въ вѣчности; Мессія—отвергнутый, велъ за собою отверженіе для него во времени и въ вѣчности. Чтобы предохранить Іерусалимъ отъ сего несчастія, для сего въ настоящій день, яко день послѣдняго и рѣшительнаго опыта, сдѣлано было все, что можно. Къ довершенію прежнихъ чудесъ, сотворено новое, величайшее чудо—вызванъ изъ гроба четвородневный мертвецъ. При самомъ входѣ въ Іерусалимъ, не забыто даже и то обстоятельство, что обѣтованному Мессіи, сообразно предреченію Пророка, надлежало явиться предъ Іерусалимомъ,—между прочимъ,—въ видѣ кроткаго царя, сѣдящаго на жребяти ослѣ.

И дщерь Сіона, по видимому, возбудилась отъ своего нечувствія: толпы народа, одна другой многочисленнѣе, текутъ на встрѣчу Воскресителя Лазарева; клики, одни другихъ громче, несутся со всѣхъ сторонъ въ честь Его. Но все это только слѣдствіе минутнаго, невольнаго восторга; подъ всѣми этими знаками скоропреходящаго усердія сокрывается привычная холодность душъ и сердецъ. Толпы разсѣются также скоро, какъ образовались; клики замолкнутъ;—и Сынъ Давидовъ останется паки съ одними учениками своими! — Мало сего: изъ сихъ же людей, кои оказываютъ теперь столько знаковъ усердія къ Іисусу, не одинъ явится чрезъ нѣсколько дней у Преторіи Пилата съ дикимъ воплемъ: *распни, распни Его.*

Спаситель провидитъ все это; предъ Нимъ совершенно открыто какъ тайное невѣріе и жестокосердіе Іудеевъ, такъ и его ужасныя послѣдствія для сего народа; —и любвеобильное сердце Его исполняется скорбію до того, что самая всеобщая радость вокругъ Его не можетъ остановить

слезъ Его: *и видѣвъ градъ, плакася о немъ, и рече: аще бы разумѣлъ еси время посѣщенія твоего!* Если бы ты понялъ и уразумѣлъ, что значитъ и какъ важенъ для тебя день настоящій, — что теперь, то есть, единожды и навсегда должна рѣшиться судьба твоя! *Обаче сокрыся отъ очію твоею:* — но ты смежилъ очи, чтобы не видѣть чудесъ и знаменій, для тебя въ такомъ числѣ совершенныхъ;—закрылъ слухъ, чтобы не слышать истины, столько разъ тебѣ возвѣщенной;—и долженъ будешь по сему пожать горькіе плоды твоего ослѣпленія и упорства: *яко пріидутъ дніе на тя, и обложатъ врази твои острогъ о тебѣ, и обыдутъ тя, и обымутъ тя отовсюду. И разбіютъ тя, и чада твоя въ тебѣ: и не оставятъ камень на камени въ тебѣ: понеже не разумѣлъ еси времени посѣщенія твоего**.

Что было, братіе мои, въ нынѣшній день съ Іерусалимомъ, подобное тому бываетъ и со всякимъ изъ насъ. Каждая душа должна для спасенія своего принять внутрь себя Спасителя человѣковъ, должна усвоиться Ему вѣрою и любовію въ удѣлъ вѣчный, соединиться съ Нимъ въ духѣ и блаженствовать; или, отвергнуть Его, подобно Іерусалиму,—остаться въ состояніи грѣха и отчужденіи отъ жизни вѣчной. Для того, чтобы душа грѣшная познала Спасителя своего, обратилась къ Нему съ вѣрою и предалась Ему всецѣло,—для сего промыслъ Божій постоянно употребляетъ множество средствъ, равно дѣйствующихъ на всѣхъ и каждаго. Но кромѣ сего, бываютъ въ жизни человѣка, какъ теперь съ Іерусалимомъ, дни особенныхъ посѣщеній Божіихъ:—когда зовъ къ покаянію становится громче и прямо звучитъ въ уши грѣшника; когда благодать спасенія предстаетъ ему, такъ сказать, лицемъ къ

---

* Лук. XIX, 43—44.

лицу, и какъ бы говоритъ: одно изъ двухъ, или покаяніе и милость, или нераскаяніе и погибель!—Въ это время посѣщенія Свыше, душа грѣшная сама, подобно какъ нынѣ жители Іерусалима, чувствуетъ важность происходящаго съ нею, и съ радостію исходитъ во срѣтеніе грядущему Господу; то есть, начинаетъ изъявлять желаніе познать путь истины, воспламеняется чувствомъ добра, доходитъ даже, по видимому, до святаго восторга, въ коемъ готова бываетъ не только рѣзать вѣтви, но и постилать ризы своя, то есть, отказаться отъ того, что есть самаго близкаго и драгоцѣннаго. Благо той душѣ, которая, взыскавъ такимъ образомъ Господа, или паче будучи взыскана Имъ, не ограничиваетъ своего обращенія къ Нему однимъ внѣшнимъ и скоропреходящимъ выраженіемъ любви и усердія,—чтобы совершить, напр., какое-либо дѣло внѣшней набожности, или помочь въ чемъ-либо ближнему,—а предавшись Ему, яко вѣчному Царю и Господу, начинаетъ все прочее время жизни ходить по стопамъ Его, и исполнять святую волю Его!—Господь пріемлетъ таковую душу подъ свой покровъ и въ особенное содружество съ собою; содѣлывается для нея Наставникомъ и Пастыремъ, Питателемъ и Хранителемъ, Врачемъ и Утѣшителемъ; и не оставляетъ ея ни въ какомъ случаѣ, доколѣ, очистивъ, укрѣпивъ, освятивъ и усовершивъ, не введетъ ее въ свѣтлый чертогъ свой. Но, горе душѣ, которая, подобно Іерусалиму, не уразумѣвъ дня посѣщенія своего, удовлетворяется одною внѣшностію обращенія ко Господу, ее взыскующему, и не показываетъ достойныхъ плодовъ обращенія! Слѣдствіемъ сего непостоянства и сей невѣрности бываетъ потомъ еще большій мракъ въ умѣ, тягчайшее ожесточеніе въ сердцѣ, глубочайшее ниспаденіе въ чувственность, совершенное забвеніе Бога и совѣсти, съ конечнымъ

оскудѣніемъ благодати Божіей, безъ коей человѣкъ есть сынъ гнѣва и погибели.

Какіе это дни посѣщенія? Когда и какъ они бываваютъ?—Трудно дать на все сіе отвѣты, совершенно опредѣленные: ибо во первыхъ каждый человѣкъ ведется отъ промысла Божія по своему пути; съ другой стороны, у Благодати Божіей все можетъ служить средствомъ къ возбужденію насъ отъ сна грѣховнаго. Довольно посему примѣтить, что душа въ это время посѣщенія сама чувствуетъ необыкновенность своего положенія; видитъ себя между небомъ и адомъ, какъ бы на срединѣ; слышитъ гласъ, повелѣвающій оставить путь беззаконія; и готова бываетъ на все, чего требуетъ вѣра и совѣсть.

Если бы впрочемъ необходимо было въ руководство кому либо сдѣлать нѣсколько указаній частныхъ; то мы, не обинуяся, можемъ сказать, что къ числу таковыхъ дней посѣщенія Божія грѣшнику принадлежитъ во первыхъ день Исповѣди и причащенія св. Таинъ. Въ Исповѣди мы каждый разъ предстаемъ, еще до смерти нашей, на судъ самаго Бога и слышимъ изъ устъ служителя алтаря такой приговоръ, коимъ рѣшается наша судьба, и коего сила признается и утверждается на небѣ. Какой посему важный и священный часъ для насъ есть часъ нашей Исповѣди!— А въ таинствѣ Причащенія каждый разъ является предъ насъ, подъ видомъ хлѣба и вина, само Ипостасное Слово, входитъ внутрь насъ и соединяется съ нами для нашего освященія. Можно ли имѣть большій знакъ благости и близости къ намъ Спасителя, и слѣдовательно можно ли желать лучшей минуты для перемѣны своей жизни?

Къ днямъ особеннаго посѣщенія Божія должно отнести тяжкія болѣзни, когда грѣшникъ, низшедшій до вратъ смерти, а для него тоже, что до вратъ адовыхъ, можно

сказать уже собственными очами видитъ пропасть адскую, которая ожидаетъ его за его грѣхи и нераскаянность. Возставъ съ одра таковой болѣзни, многіе совершенно измѣняютъ свою жизнь; обращаются къ Богу и Церкви; становятся истинными Христіанами: а иные, увы, и обѣщавъ Господу свое исправленіе, возвращаются потомъ вспять, и погрязаютъ еще въ большемъ плотоугодіи и нечестіи.

За дни особеннаго посѣщенія Божія должно почесть и другіе случаи, въ коихъ подвергаются очевидной опасности, или наша жизнь, или честь, или имущество, подвергаются до того, что мы теряемъ надежду на спасеніе. Въ такомъ случаѣ самые чувственные и закоренѣлые грѣшники обращаются съ молитвою къ Богу, произносятъ обѣты покаянія; — и Промыслъ нерѣдко отклоняетъ опасность, и притомъ такъ, что самъ спасенный чувствуетъ это, и признаетъ надъ собою перстъ Божій. Но увы, это чувство, это признаніе не всегда производятъ надъ грѣшникомъ то спасительное дѣйствіе, котораго ожидать надлежало, такъ что, съ продолженіемъ времени, многіе забываютъ и опасность и обѣты свои, и устремляются къ прежнимъ грѣхамъ и беззаконіямъ!

Днемъ особеннаго посѣщенія Божія бываетъ также кончина, особенно внезапная, людей, съ коими, тѣмъ или другимъ образомъ, тѣсно сказано было самое бытіе наше. Тутъ, срѣтившись съ смертію, видя разкрытую могилу брата или друга, супруги или дочери, опять самый закоснѣлый грѣшникъ чувствуетъ въ себѣ пробужденіе совѣсти, сознаетъ, что всуе думаетъ онъ обрѣсти и утвердить счастіе свое на землѣ, что надобно готовиться къ міру другому. Все это оканчивается у нѣкоторыхъ твердою рѣшимостію на совершенную перемѣну своихъ нравовъ и поведенія.

На особенно радостныя событія въ жизни также должно указать, какъ на дни особенныхъ посѣщеній благодати. Когда сердце распространяется отъ радости, то взоръ невольно подъемлется горѣ—къ небу: исполненный самодовольства, человѣкъ чувствуетъ вокругъ себя какъ бы нѣкое вѣяніе духа благодати и щедротъ; а совѣсть, болѣе или менѣе внятно, но всегда напоминаетъ при семъ человѣку о необходимости быть добрымъ, дабы сохранить милость Божію.

Во всѣхъ сихъ и подобныхъ случаяхъ со всею справедливостію можно обратить къ грѣшнику слова Спасителя къ Іерусалиму: о если бы уразумѣлъ ты время посѣщенія твоего!

Ты, который, не смотря на множество грѣховъ и на всю нечистоту предшествовавшей жизни твоей, удостоился вчера причащенія тѣла и крови Господней, если бы уразумѣлъ ты силу сего таинства и великость снисхожденія Божія, тебѣ при семъ оказаннаго! Ты увидѣлъ бы тогда, что это самый лучшій случай измѣнить свою жизнь, прервать преступную связь, тебя гнетущую, примириться съ братомъ, на тебя враждующимъ, прекратить мотовство и роскошь безумную, престать кривить вѣсами истины и правды. Господь, преподавшій тебѣ тѣло и кровь Свою, явно хочетъ усвоить тебя Себѣ и быть съ тобою едино: у Него ли не достанетъ силъ на освобожденіе тебя изъ плѣна грѣховнаго, на уврачеваніе твоихъ язвъ душевныхъ? И такъ, возстань, укрѣпись, поражай силою благодати зло, въ тебѣ живущее; —и ты престанешь быть рабомъ страстей и жертвою врага Божія!

Возставшій съ одра тяжкой болѣзни и начинающій жить какъ бы снова, если бы ты уразумѣлъ время прошедшаго посѣщенія твоего! Ты увидѣлъ бы, что теперь именно

подобаетъ начать жизнь снова не тѣломъ токмо, а и духомъ, что самая лютость прошедшей болѣзни уже освободила тебя отъ большей части узъ, коими ты былъ привязанъ къ міру, и коими врагъ влекъ тебя во адъ. Не оставляй же души и совѣсти въ недугѣ смертельномъ, когда выздоровѣло тѣло! Да будешь здравъ и цѣлъ весь, а не въ половину!

Плачущій надъ могилой супруги или сына, и среди скорби предающійся безплодному ропоту и отчаянію, о, если бы ты уразумѣлъ время посѣщенія твоего! Тогда не напрасно разверзались бы предъ тобою врата вѣчности, въ кои пошло лице, тобою любимое: ты узрѣлъ бы въ нихъ жизнь вѣчную, и для тебя тамъ уготованную; пересталъ бы гоняться за суетою и тлѣніемъ, и жертвовать для нихъ всѣмъ. Вмѣсто того, чтобы влечь безплоднымъ сожалѣніемъ духъ отшедшихъ вспять, въ эту юдоль лишенія и слезъ; ты самъ устремился бы духомъ во слѣдъ ихъ, и въ семъ сладкомъ стремленіи давно нашелъ бы успокоеніе своему растерзанному сердцу.

Радующійся о внезапно-посѣтившемъ тебя счастіи и не помнящій себя отъ избытка веселія душевнаго, если бы и ты уразумѣлъ время посѣщенія твоего! Ты бы увидѣлъ, что радость земная сама для полноты своея требуетъ мира съ Богомъ и совѣстію, что съ умноженіемъ твоего благосостоянія умножилось для тебя число средствъ къ дѣланію добра безъ всякаго труда для тебя, и что ты ничего лучшаго не можешь сдѣлать въ эту минуту, какъ дать обѣтъ быть вѣрнымъ Господу, тебѣ благодѣющему.

И еще не мало можно бы сдѣлать подобныхъ воззваній: ибо въ десницѣ Промысла, какъ мы замѣтили, всѣ событія нашей жизни, и каждое изъ нихъ направляется къ нашему спасенію. Но изъ указанныхъ случаевъ, если

не всѣ, то вѣрно не одинъ придется на долю каждаго изъ насъ. Да обратитъ же каждый вниманіе на себя и на то, что происходило съ нимъ въ его жизни; да приложитъ къ себѣ и слезы и слова Спасителя къ Іерусалиму; и да научится не пренебрегать днями посѣщенія Божія, памятуя, что въ противномъ случаѣ и каждаго изъ насъ ожидаетъ за нераскаянность тоже самое, что послѣдовало съ Іерусалимомъ невѣрнымъ, то есть, онъ будетъ оставленъ благодатію Божіею и преданъ на жертву собственныхъ страстей.

Да сохранитъ насъ Господь отъ сего ужаснаго бѣдствія! Аминь.

СЛОВО

ВЪ ВЕЛИКІЙ ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

Чертогъ твой вижду, Спасе мой, украшенный! и одежды не имамъ, да вниду въ онь: просвѣти одѣяніе души моея, Свѣтодавче, и спаси мя!

Въ одной изъ притчей Евангельскихъ будущее царствіе небесное изображено, братіе мой, подъ видомъ вечери брачной, которую одинъ могущественный Царь устроилъ, по случаю бракосочетанія Сына своего.

Сообразно важности случая, на эту вечерю приглашено все, что только было бляжайшаго къ Царю, по своему мѣсту и званію: но, къ крайнему удивленію всѣхъ, сіи званные, эти близкіе, имѣли безразсудство отказаться отъ вечери: одинъ, какъ говоритъ Евангеліе, пошелъ въ это время *на село свое*, другой—*на купли своя*.* И презрители дома и чести Царевой были немедленно наказаны со всею строгостію. Между тѣмъ, чтобы приготовленная вечеря не осталась безъ гостей, Царь велѣлъ слугамъ своимъ выдти на распутія и пригласить всѣхъ, кто только явится на встрѣчу. Такимъ образомъ домъ Царевъ немедленно наполнился гостями; и всѣ они начали веселиться свѣтло.

---

* Матѳ. XXII, 1—14.

Среди пира самъ Царь, по обычаю домовладыкъ, вошелъ *видѣти возлежащихъ*. Всѣми остался онъ доволенъ, какъ и всѣ имъ: одинъ только гость принудилъ его собою, среди всеобщаго довольства и веселія, обнаружить свой праведный гнѣвъ и даже показать примѣръ строгости. Ибо,—вообразите,—вмѣсто сколько нибудь приличной и дню и мѣсту—одежды, этотъ безразсудный явился на вечерю въ своемъ ежедневномъ платьѣ, которое видимо отзывалось нечистотою его образа жизни. Царь обратился, однако же, къ нему съ кроткимъ вопросомъ: *друже, како вшелъ еси сюда не имый одѣянія брачна?* Но когда виновный не могъ сказать въ отвѣтъ ни одного слова, обнаруживая симъ, что, идя къ Царю, онъ ни мало не подумалъ о томъ, куда и за чѣмъ идетъ; то Царь, въ праведномъ гнѣвѣ своемъ, повелѣлъ не только изгнать его вонъ изъ чертога, но и предать на заключеніе во тьму кромѣшнюю.

Этою царскою вечерію, какъ мы сказали, изображено въ Евангеліи царствіе небесное. Званные на вечерю, но вознебрегшіе зовомъ и не явившіеся, суть неразумные Іудеи, кои, за беззаконное отверженіе Іисуса Христа и Апостоловъ Его, лишились отечества и преданы съ тѣхъ поръ всемірному разсѣянію. Призванные потомъ на вечерю съ распутій и халугъ—это всѣ мы бѣдные грѣшники, кои призваны въ Церковь Христову съ распутій идолопоклонства. Новая одежда брачная, въ коей надлежало явиться на вечерю,—это одежда оправданія, спискиваемая раскаяніемъ во грѣхахъ своихъ и вѣрою въ заслуги Христовы. Гость, оказавшійся не имущимъ одѣянія брачна, и однако же дерзнувшій появиться вмѣстѣ съ другими на вечери—это Христіанинъ лжеименный, который, вмѣстѣ съ другими, говоритъ: *вѣрую и исповѣдую; чаю жизни будущаго*

вѣка; а живетъ и дѣйствуетъ, какъ невѣрный, и весь преданъ суетамъ вѣка настоящаго.

Таковъ, братіе мои, разумъ притчи Евангельской о вечери и чертогѣ брачномъ, и таково отношеніе ея къ дѣлу нашего спасенія! Сія же самая притча служитъ основаніемъ и того умилительнаго пѣснопѣнія, коимъ св. Церковь оглашаетъ слухъ нашъ въ продолженіи настоящихъ дней. Христіанинъ представляется здѣсь видящимъ предъ собою тотъ пренебесный чертогъ, въ коемъ учреждена Божественная вечеря для всѣхъ уневѣстившихъ себя Жениху душъ и сердецъ: *чертогъ твой вижду, Спасе мой!* Видъ неизреченнаго блаженства привлекаетъ его; и онъ хотѣлъ бы войти на вечерю и присоединиться къ священному лику празднующихъ; но взоръ на себя самаго останавливаетъ его. Онъ помнитъ злополучную участь того, кто имѣлъ безразсудство явиться на вечери Царской *не имый одѣянія брачна;* чувствуетъ въ тоже время, что у него нѣтъ сего драгоцѣннаго одѣянія, что одежда его, то есть, дѣла и жизнь, мрачна, ветха и отвратительна: *и одежды не имамъ, да вниду въ онь.* Послѣ сего надлежало бы оставить жаланіе быть на вечери: но какъ оставить, когда туда стремится все существо его?—И вотъ, скудный одѣяніемъ, но не вѣрою и любовію, онъ обращается съ прошеніемъ къ Тому, Кто силенъ восполнить все недостающее, Кто свѣтомъ своимъ можетъ просвѣтить всякую тьму, и молитъ Его оказать ему сію великую милость: *просвѣти одѣяніе души моея, Свѣтодавче, и спаси мя!*

Бывали ль мы съ тобою, возлюбленный слушатель, въ подобномъ состояніи души и сердца? Если не бывали, то святая пѣснь Церкви не по насъ, и намъ нужно размышлять еще не о чертогѣ Царскомъ и вечери брачной,

а о плѣнѣ Вавилонскомъ и тьмѣ Египетской, въ коихъ находимся мы съ тобою. Но есть люди, предъ умственными очами коихъ выну чертогъ жениха Небеснаго, которые куда ни пойдутъ, что ни начнутъ дѣлать, утромъ и вечеромъ, днемъ и ночью, созерцаютъ его предъ собою: *Чертогъ твой вижду, Спасе мой!* Такіе люди употребляютъ всѣ свои силы и средства къ тому, чтобы очистить душу и сердце свое отъ всѣхъ сквернъ мірскихъ и стяжать одѣяніе брачное; не упускаютъ ни одного случая убѣлить душевныя ризы свои,—то въ крови агнчей—въ заслугахъ дражайшаго Искупителя, то въ собственныхъ слезахъ, текущихъ отъ сердца сокрушеннаго и духа смиреннаго, то въ купѣли любви и милосердія къ своимъ ближнимъ; но никогда не почитаютъ себя достигшими желаннаго совершенства. Ибо таже благодать Духа, которая открываетъ имъ красоту и величіе благъ небесныхъ, уготованныхъ любящимъ Господа, даетъ видѣть имъ и всю нечистоту нашей падшей природы, все несовершенство самыхъ благихъ дѣлъ нашихъ; постоянно указуетъ имъ въ сердце ихъ новые и новые остатки зла и нечистоты грѣховной. Посему, какъ бы высоко ни стояли они, всегда бываютъ проникнуты чувствомъ глубокаго смиренія; не стыдятся, подобно Ап. Павлу, называть себя первыми изъ грѣшниковъ;—и, не видя въ себѣ самихъ возможности очистить себя, *якоже Онъ чистъ есть**,—на ряду съ послѣдними грѣшниками взываютъ изъ глубины души: *просвѣти одѣяніе души моея, Свѣтодавче, и спаси мя!*

Очевидно, братіе мои, что большая часть изъ насъ не имѣетъ счастія принадлежать къ сему, какъ самъ Спаситель называетъ его, малому числу избранныхъ. Но, съ

* Іоан. III, 2.

другой стороны, ужели кто либо изъ насъ рѣшился принадлежать явно къ ужасной толпѣ людей отверженныхъ? Нѣтъ, такого духовнаго безчувствія, и омертвенія, такой ненависти къ самимъ себѣ, такой любви и, такъ сказать, пристрастія къ аду, нѣтъ въ самыхъ ожесточенныхъ грѣшникахъ. И въ ихъ душѣ слышится по временамъ голосъ совѣсти; и ихъ сердце посѣщается омерзеніемъ ко грѣху; и надъ ними дѣйствуетъ иногда сила благодати, не оставляющей человѣка до самыхъ послѣднихъ минутъ бытія его на земли: нѣтъ только рѣшимости разорвать узы грѣха; недостаетъ токмо спасительнаго принужденія своей злой воли, и усилія возникнуть отъ сѣти діавольской.

Станемъ же, возлюбленный слушатель, станемъ со всѣми узами и язвами нашими предъ свѣтоноснымъ лицемъ всемилосердаго Спасителя нашего; станемъ и воззовемъ къ Нему изъ глубины души: буди милосердъ Владыко, и ко мнѣ, бѣдному созданію Твоему! Какъ ни далеко заблудилъ я отъ прага дому Твоего, какъ миръ и страсти ни заслѣпили очей сердца моего, какъ ни оземленѣлъ я всѣмъ существомъ моимъ, какъ ни глубока пропасть грѣха, въ коей держитъ меня врагъ мой: но и я, недостойный, подъемлемый силою благодати Твоей, не оставляющей самаго послѣдняго изъ грѣшниковъ, озаряемый свѣтомъ Евангелія, вразумляемый примѣромъ избранныхъ рабовъ Твоихъ, возношусь иногда мыслію до той святой высоты, съ коей все дольнее и земное кажется малымъ и ничтожнымъ, а все небесное, святое, вѣчное, видимо приближается ко мнѣ и какъ бы зоветъ къ себѣ: *Чертогъ твой вижду, Спасе мой!* О, какъ въ немъ все чисто и свято, какъ все свѣтло и радостно! Лучше, во истину лучше, приметаться у прага сего чертога, нежели возсѣдать и царствовать въ селеніяхъ грѣшничихъ: *Чертогъ твой*

вижду, Спасе мой, украшенный! Вижду и то, что, не смотря на всю мою нечистоту и недостоинство, и для меня есть мѣсто въ семъ чертогѣ, что и мое бѣдное имя не забыто Тобою, а вписано, драгоцѣнною кровію Сына Твоего, вписано въ числѣ искупленныхъ и предназначенныхъ къ блаженству во царствіи Твоемъ. Все давно зоветъ меня къ Тебѣ; и я готовъ идти на Божественную вечерю Твою: но какъ явиться предъ свѣтлое лице Твое съ моею тьмою и наготою, съ моими рубищами и язвами грѣховными? Была у меня одежда невинности въ Эдемѣ, украшалъ меня тамъ самый драгоцѣнный образъ Твой: но явился лукавый змій, похитилъ у меня сію одежду: и оттолѣ *лежу нагъ и стыждуся.* Было у меня потомъ и другое Царское облаченіе отъ Тебя—безцѣнная одежда заслугъ Сына Твоего, въ которую облекла меня при крещеніи св. Церковь: но пришли съ лѣтами нечистые помыслы, злыя пожеланія и страсти; совлекли съ меня нешвенный хитонъ оправданія благодатнаго;—оттолѣ *лежу нагъ и стыждуся.* Омывался и послѣ я не разъ въ таинственной купѣли покаянія; убѣлялся паче снѣга причащеніемъ святыхъ и животворящихъ Таинъ: но вскорѣ паки, безумный, возвращался къ благу мірскихъ забавъ и утѣхъ; погружался еще глубже въ тину невоздержанія и сладострастія. Что мнѣ теперь дѣлать? Куда обратиться? Кто сниметъ мракъ и язвы съ моей совѣсти? Кто покроетъ наготу души моей? Напрасно обратился бы я за симъ къ тварямъ, меня окружающимъ: онѣ сами воздыхаютъ отъ ужасной работы истлѣнію, коей покорило ихъ преступленіе Адамово; сами ожидаютъ отъ меня освобожденія изъ плѣна. Вотще молилъ бы я о семъ самыхъ небожителей и Ангеловъ: у нихъ много свѣта и любви; но, ихъ одежда не по мнѣ: ибо я землянъ и смертенъ. Куда ни посмотрю, ясно вижу,

что не къ кому прибѣгнуть мнѣ, кромѣ Тебя же, о Всемилосердый Владыко и Судіе мой, Тебя, Который умеръ за насъ, еще грѣшниковъ сущихъ, Который доселѣ долготерпѣливо ожидаешь обращенія моего. Твой, Господи, Чертогъ: Твоя да будетъ и одежда!—Просвѣти, Свѣтодавче, одѣяніе души моей? Просвѣти!.. Я не молю тебя о свѣтѣ Ѳаворскомъ: пусть остается онъ удѣломъ и наградою присныхъ и друговъ Твоихъ! Озари меня хотя свѣтомъ Синайскимъ, да вижду ясно путь заповѣдей Твоихъ, и, проникнутый страхомъ Твоего всемогущества, начну ходить непреткновенно въ оправданіяхъ Твоихъ!—Не скрой отъ меня свѣта Голгооскаго, да узрю силу и необходимость, для спасенія людей животворящаго Креста Твоего, и займу отъ него мужество и святую рѣшимость умерщвлять плоть мою съ ея страстями и похотями! Осѣни меня сіяніемъ свѣта Сіонскаго, да облеченный силою Свыше, благодатію Духа-Утѣшителя, не устрашусь борьбы съ соблазнами міра и съ злыми моими навыками! Да посѣтитъ, наконецъ, о Всеблагій, мрачную душу мою хотя единый лучь свѣта съ Элеона, да не опущу изъ вида той блаженной стези, по которой взошелъ Ты ко Отцу Твоему на небо, и коею должно востекать къ Тебѣ всѣмъ, желающимъ обрѣстись на Божественной вечери въ Богосвѣтломъ Чертогѣ Твоемъ! Аминь.

СЛОВО

ВЪ ВЕЛИКІЙ ВТОРНИКЪ.

Се Женихъ грядетъ въ полунощи и блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдяща; недостоинъ же паки, его же обрящетъ унывающа. Блюди убо, душе моя, не сномъ отяготися, да не смерти предана будеши, и царствія внѣ затворишися; но воспряни, зовущи: святъ, святъ, святъ еси, Боже, Богородицею помилуй насъ!

Кто сей таинственный Женихъ, грядущій въ полуночи? Къ кому грядетъ онъ, и что означаетъ сія полночь? И опять, кто сей рабъ, выну бдящій и потому блаженный, и кого разумѣть подъ рабомъ унывающимъ, а потому недостойнымъ срѣтить Жениха?

Быть не можетъ, братіе мои, чтобы сіи вопросы не были уже многими изъ васъ предложены самимъ себѣ и рѣшены, по указанію Евангелія и сообразно потребностямъ ихъ души и сердца, такъ что когда св. Церковь возглашаетъ: *се женихъ грядетъ!* они знаютъ уже, кого при семъ ожидать, и что требуется отъ каждаго изъ насъ для Его срѣтенія. Но, *не во всѣхъ*, какъ говоритъ Апостолъ, *разумъ**. Есть люди, кои и среди полудня имѣютъ нужду въ вожатаѣ, одни по слабости зрѣнія, другіе по

(*) Кор. VIII, 7.

незнанію пути, хотя онъ и не далекъ отъ нихъ, а иные и по нежеланію идти. Посему не будетъ излишне, если и мы, по приличію настоящаго дня, размыслимъ въ слухъ всѣхъ о пришествіи Жениха, дабы и не размышлявшій о семъ доселѣ могъ ясно увидѣть, кто онъ—рабъ бдящій и посему блаженный, или унывающій и недостойный, и потому отвергаемый?

И такъ скажемъ, что Женихъ дивный, грядущій въ полуночи, есть дражайшій Спаситель нашъ, Господь Іисусъ Христосъ. Между многими знаменательными названіями, кои усвояются Ему въ словѣ Божіемъ, Онъ носитъ имя и нашего Жениха; потому что душа наша обручена Ему, какъ невѣста жениху, на всегдашнее и совершенное соединеніе съ нимъ вѣрою, любовію и блаженствомъ. *Обручихъ васъ*, пишетъ Ап. Павелъ Коринѳянамъ, *обручихъ васъ единому мужу дѣву чисту представити Христови.** Это святое обрученіе—со стороны Божественнаго Жениха нашего—произошло на крестѣ, гдѣ Онъ, изъ любви къ намъ, для искупленія душъ нашихъ отъ грѣховъ и проклятія, и для усвоенія насъ Себѣ на всю вѣчность,—претерпѣлъ смерть и пролилъ всю кровь свою. А съ нашей стороны это драгоцѣнное обрученіе, по Его же непосредственному распоряженію, совершается въ таинствѣ крещенія, гдѣ, отрекшись міра плоти и діавола, мы, яко невѣста жениху, сочетаваемся Христу и Богу нашему. Со времени сего обрученія, мы уже, какъ выражается Ап. Павелъ, *не свои*, а принадлежимъ—душею и тѣломъ—Искупителю и Господу нашему.

Какъ между нами людьми бываетъ, что за обрученіемъ не вдругъ слѣдуетъ бракъ, и обрученные разлучаютъ-

* 2 Кор. XI, 2.

ся другъ отъ друга на нѣкоторое время до брака; такъ тоже самое произошло и въ нашемъ обрученіи со Христомъ. Бракъ, по многимъ и важнымъ причинамъ, отложенъ, и самый Женихъ, для нашего же блага, долженъ былъ удалиться отъ насъ. Это послѣдовало, какъ извѣстно, въ четыредесятый день по воскресеніи Его, когда Онъ вознесся съ Элеона на небо. Много знаковъ любви оставлено Имъ при насъ въ залогъ нашего союза съ Нимъ: съ нами святое слово Его, съ нами животворящій крестъ Его, съ нами пречистое тѣло и кровь Его, съ нами Церковь, наперсница совѣтовъ Его и наша невѣстоводительница, съ нами таинства Церкви и сама благодать Духа Пресвятаго; но, Самъ Онъ, Женихъ душъ нашихъ, съ тѣхъ поръ невидимъ; и пребудетъ таковымъ до конца нашей разлуки съ Нимъ, то есть, до послѣдняго дня міра, когда Онъ паки явится во славѣ для совершенія всемірнаго торжества брачнаго.

Долго ли продлится эта разлука, сіе замедленіе таинственнаго брака агнча? О семъ вѣдаетъ только самъ Женихъ душъ и сердецъ. — Когда пріидетъ Онъ, въ какой годъ и день, въ какую пору и часъ? опять тайна для всѣхъ. *О днѣ и часѣ томъ,* сказалъ Самъ Онъ, *никто же вѣсть, ни Ангели небесніи.** И вотъ, сія то глубокая неизвѣстность составляетъ ту таинственную полночь, въ которую, какъ говорится въ разсматриваемомъ нами пѣснопѣніи, Женихъ пріидетъ: ибо полночь у насъ есть такое время, когда прекращаются не только всѣ дѣла, но и всѣ ожиданія, и люди ничего больше не ожидая, предаются сну.

Поелику такимъ образомъ время пришествія небеснаго

---

* Мат. XXIV, 36.

Жениха неизвѣстно; а съ другой стороны нигдѣ не сказано, чтобы это пришествіе послѣдовало не иначе, какъ спустя весьма долгое время: то явно, что оно можетъ послѣдовать всегда, во всякій день и часъ; а посему тѣмъ, кои обручены небесному Жениху, то есть, всѣмъ намъ, должно быть всегда готовыми къ срѣтенію Жениха, ожидать Его выну, не отлучаться, такъ сказать, никуда вдаль, не заниматься ничѣмъ такимъ, что бы могло помѣшать явиться во время къ Его приходу. Такъ именно заповѣдалъ намъ Самъ Женихъ, предъ своею разлукою съ нами: *бдите убо,* — говорилъ Онъ, — *яко не вѣсте дне, ни часа, въ онь же Сынъ человѣческій пріидетъ.**

Тѣ, кои вѣрны своему обрученію и обѣту, кои истинно возлюбили Жениха душъ, тѣ такъ всегда и поступали, и нынѣ поступаютъ. Они выну на стражѣ; первое и послѣднее ожиданіе ихъ въ жизни есть чаяніе пришествія Жениха. Услышать глась: *се Женихъ грядетъ!* было бы верхомъ ихъ земнаго блаженства. Чтобы сдѣлать себя способнѣе къ ожиданію и срѣтенію Его, многіе изъ нихъ вовсе оставляли для сего міръ и все, что въ мірѣ; отрекались навсегда отъ самыхъ невинныхъ удовольствій и связей земныхъ, дабы, по слабости природы, занявшись слишкомъ чѣмъ либо житейскимъ, не охладить любви въ душѣ къ Жениху, не раздвоить вниманія и усердія, не отяжелѣть духомъ и не предаться сну чувственности. Другіе, не оставляя міра, участвуя во всѣхъ его движеніяхъ и дѣлахъ, живутъ однако же такъ, какъ бы они были не въ мірѣ; не прилѣпляютъ ни къ чему сердца своего; всѣ житейскія дѣла и отношенія свои подчиняютъ одному началу—любви къ Іисусу; и гдѣ бы ни были, чѣмъ бы ни

---

* Мат. XXV, 13.

занимались, всегда готовы оставить съ радостію всѣ дѣла и всѣ пріобрѣтенія земныя, по первому гласу о пришествіи Жениха. Всѣ таковые, и внѣ міра и въ мірѣ живущіе, очевидно, суть рабы бдящіе: Женихъ видитъ ихъ усердіе, уготовляетъ для каждаго изъ нихъ вѣнецъ славы; и они блаженны во истину, какъ бы ни была низка и горька участь ихъ на землѣ: ибо всѣ здѣшнія лишенія и страданія, коимъ они могутъ подвергаться, временны и скоропреходящи, а въ будущемъ ихъ ожидаетъ за сіе такое блаженство, коего око не видѣ, ухо не слыша, и которое не восходило на самое сердце человѣческое.

Но, есть изъ обрученныхъ Небесному Жениху и такіе, кои совершенно забыли о своихъ обѣтахъ, не помнятъ даже того, что у нихъ есть Женихъ, что прихода Его надобно ожидать выну, и что худо, крайне худо, будетъ тому, кто, во время пришествія Его, обрящется спящимъ. Много ли таковыхъ людей между Христіанами? Такъ много, что Слово Божіе называетъ ихъ потому—всѣми: *коснящу же Жениху*, говорится *воздремашася вся, и спаху!* *

И подлинно, братіе мои, много ли можете вы указать такихъ Христіанъ, о коихъ съ увѣренностію можно бы сказать—се рабъ бдящій въ самой полунощи! Будущее пришествіе Господа и Спасителя нашего содѣлалось такимъ предметомъ, о коемъ никто и не говоритъ: а если бы кто и заговорилъ гдѣ либо; то показался бы человѣкомъ страннымъ, занимающимся такими вещами, кои не заслуживаютъ вниманія людей, такъ называемыхъ, дѣловыхъ и образованныхъ. Между тѣмъ будущее пришествіе Господа есть событіе, чрезвычайно важное для каждаго, отъ коего вполнѣ зависитъ вѣчная судьба наша, съ коимъ должны прійти къ намъ или всѣ блага или всѣ бѣд-

* Мат. XXV. 8.

ствія:—и все это не можетъ возбудить въ насъ вниманія, и все это—какъ дѣло, намъ вовсе чужое! Напрасно Евангеліе говоритъ съ силою: *бдите, яко не вѣсте дне, ни часа, въ онь же Сынъ человѣческій пріидетъ!* Напрасно св. Церковь восклицаетъ: *се Женихъ грядетъ въ полунощи!* Мы слышимъ и не внемлемъ; слышимъ и, вмѣсто того, чтобы готовиться къ срѣтенію Жениха, безпечно предаемся суетамъ мірскимъ, какъ бы намъ оставаться на землѣ вѣчно. Сколько найдется Христіанъ, оканчивающихъ уже жизнь свою, кои даже не вѣдаютъ, что у души ихъ есть Женихъ, и что они могутъ даже дожить до Его пришествія!.. Что виною такой непростительной холодости къ небеспозу Жениху душъ и сердецъ? Виною наше безмѣрное пристрастіе къ благамъ земнымъ, наше погруженіе въ чувственность. Сердце наше раздѣлено на столько предметовъ, что въ немъ нѣтъ уже мѣста для Возлюбленнаго. Все отдано міру и плоти! Все въ плѣну у похотей и страстей!

Напрасно, совершенно напрасно, въ извиненіе безпечности нашей, стали бы мы ссылаться на медленность въ пришествіи Жениха: ибо эта медленность только съ одной стороны, а съ другой—необыкновенная скорость. Все равно—Онъ ли къ намъ пріидетъ, или мы къ Нему пойдемъ Онъ медлитъ приходомъ; и, можетъ быть, еще отложитъ его на тысящи лѣтъ; а мы эти тысящи лѣтъ развѣ будемъ оставаться здѣсь и ждать Его? Нѣтъ, нынѣ, завтра, явится Ангелъ смерти, и воззоветъ насъ къ Жениху. Какъ же, послѣ сего, спать безпечно и не ожидать зова и исхода, намъ предстоящаго? Тѣмъ паче, когда онъ видимо не далекъ отъ каждаго, и въ то же время совершенно не извѣстенъ? Ибо о днѣ и часѣ, въ который мы окончимъ жизнь свою, такъ же никто же вѣсть: это — паша собственная полночь! — Но, увы, и о ней должно сказать тоже, что

сказанно о полуночи, въ ню же Женихъ пріидетъ; *воздремашася вся и спаху!* Приготовленіе къ смерти, это дѣло столь важное, что ему надлежало бы занимать насъ во всю нашу жизнь, — не почитается даже дѣломъ. Занимающіеся имъ, какъ должно, составляютъ исключеніе. и притомъ весьма рѣдкое. Всѣ прочіе живутъ такъ, какъ-бы имъ — жить здѣсь вѣчно. Самыя болѣзни, насъ посѣщающія, эти видимыя предтечи и вѣстники смерти, не въ силахъ заставить насъ подумать о ней. Увы, сколько ни видѣли мы умирающихъ, никогда почти не видали такихъ, кои предварительно были бы увѣрены, что имъ должно наконецъ разстаться съ жизнію. Многіе, напротивъ, за нѣсколько часовъ и минутъ до смерти, все еще предавались мыслямъ о земномъ, думали жить, не оставляли помысловъ о такихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ, для коихъ потребна крѣпость силъ и жизнь продолжительная. Такъ умираютъ юные; такъ нерѣдко умираютъ самые старцы: можете судить по сему, въ какомъ видѣ сіи несчастныя души являются предъ своего Небеснаго Жениха, и что постигаетъ ихъ на вечери брачной!.....

При такомъ ужасномъ примѣрѣ безпечности, среди сего жестокаго вихря суеты и страстей, заслѣпляющаго прахомъ глаза у самыхъ лучшихъ, по видимому, людей, не должно ли братіе мои, каждому, кто только хотя мало дорожитъ собственнымъ спасеніемъ, пріити въ страхъ, обратиться къ самому себѣ, и сказать словами священной пѣсни: *блюди убо, душе моя,* и ты, *не сномъ отяготися, да не смерти предана будеши!* Блюди,—не увлекайся никакимъ примѣромъ, не слѣдуй никакой стези, которая кажется покрытою цвѣтами, а ведетъ въ пропасть адскую. Блюди—стой на стражѣ, доколѣ не смѣнятъ; храни вѣру и упованіе, доколѣ не явится само уповаемое. Женихъ не

видимъ; но Онъ всегда близь тебя, видитъ всѣ твои мысли и желанія, и считаетъ всѣ труды и жертвы, и готовитъ вѣнецъ за все. Еще нѣсколько лѣтъ, можетъ быть, недѣль, дней терпѣнія;—и завѣса падетъ, міръ и все, что въ немъ, изчезнетъ изъ глазъ; явится чертогъ небесный, и ты введена будешь на бракъ агнчій! Аминь.

СЛОВО

ВЪ СРЕДУ ВЕЛИКУЮ.

Нынѣ день преданія Господа, день мрачный и печальный; почему св. Церковь и ознаменовала его, на равнѣ съ днемъ смерти Господа, печатію поста въ продолженіи всего года.—Кто любитъ Спасителя своего, тотъ не будетъ нарушать сей печати: тотъ со всею вѣрностію хранитъ знаменіе скорби и сѣтованія по Возлюбленномъ. Ибо, хотя преданіе, равно какъ и смерть Господа, послужило—своими послѣдствіями — ко спасенію всего міра: но, тѣмъ не менѣе, это дѣйствіе самое черное и отвратительное. Мнѣ даже представляется оно преступнѣе самаго распятія. Ибо распинатели Господа не знали его какъ должно; *аще бо быша разумѣли,* говоритъ Апостолъ, *не быша Господа славы распяли:** а здѣсь кто предастъ?—собственный ученикъ,—единъ отъ двенадесяти, то есть, ближайшій, предаетъ тотъ, кто слышалъ всѣ бесѣды Господа, былъ свидѣтелемъ Его жизни и чудесъ, раздѣлялъ съ Нимъ, въ продолженіи болѣе трехъ лѣтъ, и радости и печали.

Послѣ всего этого преданіе такъ неожиданно въ предателѣ, что сама Церковь въ недоумѣніи будетъ заутра

---

* 1 Кор. II, 8.

вопрошаетъ: *Кій тя образъ, Іудо, предателя Спасу содѣла? Еда отъ лика Апостольскаго тя отлучи? Еда дарованій исцѣленія лиши? Еда другимъ ноги умы, твои же презрѣ? Еда отъ трапезы тя отрину? О, коликихъ благъ не памятливъ былъ еси!*—*

Все было сдѣлано для Іуды, и все имъ презрѣно! Что онъ не имѣлъ никакой причины сѣтовать и жаловаться на Учителя, показываютъ собственныя слова и ужасный конецъ его, *согрѣшихъ*, говоритъ онъ самимъ убійцамъ Учителя, *согрѣшихъ, предавъ кровь неповинную!***.

Что же ввело тебя, несчастный, въ сей ужасный грѣхъ?—Сребролюбіе и діаволъ отвѣтствуютъ Евангелисты. Нося ковчежецъ съ деньгами, Искаріотъ пристрастился къ носимому, и оказался татемъ. Послѣ сего, святое общество Іисусово, къ коемъ господствовалъ духъ произвольной нищеты и самоотверженія, сдѣлалось для его чуждымъ, тяжелымъ, противнымъ душѣ, зараженной страстію. Іудѣ вездѣ и во всемъ мечталась корысть и сребренники. Діаволъ не замедлилъ воспользоваться сею несчасною расположенностію сердца, и, основавъ въ душѣ Іуды жилище себѣ, заставилъ его смотрѣть на все происходившее не очамы вѣры и любви, какъ смотрѣли прочіе Апостолы, а своекорыстнымъ глазомъ мытаря и фарисея. Такъ смотрѣлъ Іуда на муро, которое Марія возливала на ноги Іисусовы, и, притворившись другомъ нищихъ, жалѣлъ, что оно не продано, и деньги не отданы въ распоряженіе его лукавству. Такъ, безъ сомнѣнія, смотрѣлъ Іуда и на все прочее. Что, думалъ онъ, мы ходимъ изъ края въ край Іудеи, какъ нищіе? Почему бы не воспользоватьея усердіемъ народа, не взять въ свои руки власть,

---

* Вел. пят. утро. Сѣдал. гл. 7.— **Мат. XXVII, 3.

которая видимо дастся сама собою? Вѣдь Мессія долженъ же наконецъ господствовать надъ всѣми и всѣмъ. Уже ли ждать, чтобы насъ всѣхъ захватили, какъ преступниковъ и подвергли казни? Пожалуй, за этимъ не станетъ. Но, пусть дожидаются сего другіе. Искаріотъ не такъ простъ и недальновиденъ. Онъ возьметъ свои мѣры заранѣе.—Что же ты медлишь? шепталъ во уши діаволъ. Теперь самый благопріятный случай отстать отъ общества Іисусова. Видишь, какъ Сунедріонъ ищетъ случая—взять Учителя тайно, Ты самъ можешь сдѣлать это не ясно, такъ что Учитель даже не сочтетъ тебя предателемъ. Ибо, что требуется для сего? только указать мѣстопребыванія Учителя ночью. Кромѣ того, что тебѣ заплатятъ за эту важную услугу, ты войдешь чрезъ это въ связь съ первыми лицами Сунедріона. И Ему будетъ не большая бѣда отъ сего: ты самъ видѣлъ, какъ Онъ не разъ спасался чудесно отъ всѣхъ кознеи и сѣтей своихъ враговъ; спасется и теперь, а ты сдѣлаешь свое дѣло и составишь себѣ счастіе: пользуйся случаемъ и спѣши!

И несчастный ученикъ точно спѣшитъ—на свою погибель. Подъ предлогомъ покупокъ, нужныхъ къ празднику, онъ находитъ случай тайно побывать у Первосвященниковъ и сговориться съ ними о предательствѣ. Желаніе не представлять изъ себя низкаго продавца, торгующагося за кровь, и показать мнимое усердіе къ пользамъ Сунедріона, заставляетъ его согласиться на самую невеликую цѣну, въ надеждѣ, со временемъ, большей и лучшей награды. Для сего же онъ явится въ самомъ вертоградѣ Геѳсиманскомъ, съ видомъ не предателя, а человѣка, возвращающагося изъ посылки, который потому позволяетъ себѣ дружелюбно привѣтствовать Учителя и даже облобызать Его; между тѣмъ какъ это именно лобзаніе было знакомъ для

явившейся за тѣмъ, какъ-бы безъ всякаго согласія съ Іудою, спиры Іудейской. Но сему то до самаго конца никто изъ учениковъ не могъ знать, кто предатель.

Одинъ Учитель видѣлъ и вѣдалъ все; вѣдалъ и употреблялъ всѣ мѣры спасти — не себя, а ученика несчастнаго. Сколько трогательныхъ вразумленій на одной послѣдней вечери! Омовеніе ногъ, преподаніе тѣла и крови— могли тронуть духа отверженнаго, но не тронули—Іуду! Страсть сребролюбія заглушила все!

Но, заглушила на время. Когда замыслъ совершился; когда Учитель, вмѣсто того, чтобы чудесно спасаться отъ враговъ, предалъ Себя имъ, яко овча на заколеніе: Іуда пробудился, вспомнилъ о всемъ, что видѣлъ добраго, святаго, Божественнаго въ Іисусѣ;—и обратился къ раскаянію. Сребренники повержены; невинность Учителя исповѣдана всенародно; оставалось только, подобно Петру, омыть грѣхъ слезами и обратиться къ тому же Учителю и Господу съ вѣрою. Но діаволъ внушилъ теперь другое: какъ прежде соблазнялъ безстрашіемъ, такъ теперь представлялъ неотпускаемость вины и грѣха. И, вотъ, Іуда на древѣ погибельномъ! Тогда-то, не прежде, во всей силѣ постигли его грозныя слова: *добрѣе бы было, аще не бы родился человѣкъ той!* *

Видите, до чего довела страсть сребролюбія человѣка самаго нехудаго! ибо если бы Іуда не обѣщалъ изъ себя много добраго, то не былъ бы избранъ въ Апостолы.

Будемъ же, братіе, блюстись сего недуга, равно какъ и прочихъ страстей: ибо всѣ онѣ равно опасны, и—рано или поздно—оканчиваются и душевною и тѣлесною гибелью для человѣка, Но, падшій да не унываетъ, и да не приходитъ къ отчаянію! У Небеснаго Врача нѣтъ неисцѣльно

* Мар. XIV. 21.

больныхъ. Доколѣ живемъ, дотолѣ можемъ спастися, какъ бы ни были велики грѣхи наши. Если бы самъ Іуда, вмѣсто погибельнаго древа, поспѣшилъ къ древу креста Христова съ вѣрою и покаяніемъ; то вмѣстѣ съ кающимся разбойникомъ вошелъ бы въ рай — безъ всякихъ сребренниковъ. Такъ разсуждаютъ о семъ и учатъ всѣ Богомудрые Отцы Церкви. Аминь.

СЛОВО

ВЪ ВЕЛИКІЙ ЧЕТВЕРТОКЪ,

НА СТРАСТИ ХРИСТОВЫ.

И одного простаго слышанія повѣсти Евангельской о страданіяхъ Христовыхъ достаточно, братіе мои, дабы видѣть, что сіи страданія были ужасны. Когда представить при семъ, что ихъ терпѣла плоть пречистая, душа пресвятая, для коихъ, по самой чистотѣ ихъ, всякое мученіе долженствовало быть гораздо чувствительнѣе, нежели для нашего грубаго тѣла, для нашего оплотянѣлаго духа; то страданія Господа становятся еще ужаснѣе. А когда, въ слѣдъ за симъ, помыслишь, что такимъ образомъ страдалъ не только Пресвятый, но и Всемогущій, что на Крестѣ висѣлъ въ мукахъ не простой человѣкъ или Ангелъ, а Самъ Единородный Сынъ Божій; то, поражаясь ужасомъ и недоумѣніемъ, вопропаешь: что могло быть причиною столь безпримѣрнаго событія, или паче сказать, таинства и чуда?

Явно, что не воины Римскіе вознесли Сына Божія на Крестъ; явно, что Онъ терпитъ муки и смерть не потому, что коварный ученикъ предалъ Его, что ослѣпленные страстію Фарисеи и Книжники испросили Его на смерть, что человѣкоугодливый судія осудилъ Его и отдалъ на

пропятіе. Когда Божественный страдалецъ восхотѣлъ показать Свое могущество; то единое Его слово: *Азъ есмь!** повергло на землю всю спиру Іудейскую. И теперь, когда Онъ на Крестѣ истаеваетъ въ мукахъ и вопіетъ: *жажду!* и теперь помрачающееся солнце, трепещущая земля являютъ, что вся тварь готова возстать на защиту своего Владыки.

Кто же сказалъ *льва отъ Іуды?* Кто отдалъ Сына Божія на пропятіе и смерть?—Правосудіе Божіе.—За что? За грѣхи людей.—Чѣмъ Онъ виновенъ въ грѣхахъ нашихъ?—Тѣмъ, что принялъ ихъ на себя за насъ.—Для чего принялъ? Дабы освободить насъ отъ казни за грѣхъ и примирить съ Богомъ.—Какъ примирить? Удовлетворивъ за грѣхи правосудію своею смертію.—Вотъ лѣствица, по коей взошелъ на Крестъ Сынъ Божій! Вотъ гвоздіе, коимъ пригвожденъ Онъ ко Кресту! Вотъ терны, изъ коихъ соплетенъ вѣнецъ на главу Его!

Нужны ли на все сіе свидѣтельства Слова Божія? Они безчисленны. Вопросите Пророковъ, и они скажутъ вамъ, что сей, висящій на Крестѣ, Страдалецъ — *грѣхи наши носитъ и о насъ болѣзнуетъ, что Онъ язвенъ бысть за грѣхи наша и мученъ за беззаконія наша, что наказаніе мира нашего на немъ, и язвою Его мы вси исцѣлѣхомъ.*** Вопросите Апостоловъ, и они скажутъ вамъ, что—*Богъ бѣ во Христѣ міръ примиряя себѣ* Крестомъ Его,*** что милосердіе Божіе *невѣдѣвшаго грѣха по насъ грѣхъ сотвори, да мы будемъ правда Божія о Немъ,***** что Сынъ Божій *далъ есть себе за ны, да избавитъ ны отъ всякаго беззаконія.*******Приложите слухъ ко гласу Самаго Божественнаго Страдальца; и вы услышите, что пречистая плоть Его отдана на муче-

---

* Іоан. XVIII, 6.—** Ис. LIII, 4—5.—*** 2 Кор. V, 19.—**** 2 Кор. V, 21 ***** Тит. II, 14.

ніе и смерть *за животъ міра*,* что пречистая кровь Его изливается на Крестѣ *во оставленіе грѣховъ*** всего рода человѣческаго.

И такъ, этотъ Крестъ, стоящій на Голгоѳѣ, есть жертвенникъ всемірный! Этотъ висящій на немъ Страдалецъ есть очистительная жертва за грѣхи всѣхъ падшихъ сыновъ Адамовыхъ! Кто требовалъ сей жертвы? Законъ и правда небесная, неизмѣнная святость существа Божія и непреложный порядокъ міра нравственнаго.

И во первыхъ, святость существа Божія. Что Богъ столько же Святъ, сколько благъ и милосердъ, это истина непререкаемая. Бога не святаго мы не можемъ себѣ и представить. Въ чемъ же состоитъ сія Святость? Въ томъ, что Богъ вѣчно любитъ одно благое и святое, и вѣчно отвращается всего злаго и беззаконнаго; въ томъ, что какъ отъ Бога исходитъ одно совершенное и правое, такъ и къ Нему не можетъ приближиться никакая нечистота и скверна; въ томъ, что Онъ, какъ вездѣсущій и всеисполняющій, нигдѣ и ни въ комъ не терпитъ грѣха, употребляетъ все на его истребленіе. Тако Святъ Господь Богъ нашъ!

Смотрите же теперь, что предъ сею Святостію?—Предъ нею родъ человѣческій, падшій, безобразный и нечистый; предъ нею цѣлый безчисленный сонмъ существъ, именуемыхъ людьми, изъ коихъ каждое уклонилось отъ цѣли бытія своего, расторгло блаженный союзъ свой съ Творцемъ, приняло характеръ и правила дѣйствій врага Божія; предъ нею, сею Святостію, цѣлая бездна грѣховъ, преступленій, неправдъ и беззаконій!..

Можетъ ли чистѣйшее око Божіе сносить сіе отвратительное зрѣлище? Можетъ ли громъ Всемогущества не двигнуться противъ сего темнаго полчища пороковъ? Мо-

* Іоан, VI, 51.—** Матѳ. XXVI, 28.

жетъ ли Святѣйшее лоно Творца спокойно носить въ себѣ сіе море зла.

Не можетъ! — *Проклятъ всякъ, иже не пребудетъ въ словесѣхъ закона и правды!** Вотъ единожды и навсегда изреченное опредѣленіе правды Божіей!

Въ слѣдствіе сего, грѣшникъ долженствовалъ неминуемо погибнуть; ибо у него нѣтъ средства, не только вознаградить за грѣхъ предъ судомъ правды вѣчной, но и освободить себя самаго отъ пагубной наклонности впадать въ новые грѣхи. И погибъ бы такимъ образомъ весь грѣшный родъ человѣческій если бы не явился Ходатай, Искупитель и Поручникъ—Единородный Сынъ Божій!

Въ то время, какъ непреложная правда Божія готова была изречь судъ и осужденіе на погибавшій во грѣхахъ родъ человѣческій, Сей Единородный Сынъ Любве Отчей оставляетъ Престолъ славы, пріемлетъ лице ходатая, является предъ Отцемъ и вѣщаетъ: человѣкъ, созданный по образу Нашему, погибъ во грѣхѣ; беззаконія его навсегда разлучили его съ Нами; святость существа Нашего не можетъ терпѣть преступника: но и любовь наша не можетъ не пещись о возстановленіи падшаго. Для сего нужна жертва за грѣхи его: да буду Я Самъ сею жертвою! Да прейдутъ на Меня всѣ беззаконія сыновъ человѣческихъ! да понесу всю тяжесть наказаній, подобающихъ грѣшнику. *Се иду сотворити волю твою, Боже!***

Любвеобильное ходатайство принято;—и Сынъ Божій содѣлывается сыномъ человѣческимъ, да понесетъ на себѣ неправды всѣхъ сыновъ человѣческихъ. Все, что Онъ, явившись потомъ на земли, совершаетъ и терпитъ, все сіе направлено къ изглажденію грѣховъ нашихъ: для сего Онъ полагается въ яслѣхъ, для сего пріемлетъ обрѣзаніе, для

* Втор. XXVII, 26.—** Пс. XXXIX, 8—9.

сего бѣжитъ во Египетъ, для сего погружается въ водахъ Іорданскихъ, для сего терпитъ поношенія отъ книжниковъ, для сего не имѣетъ гдѣ подклонить главы, для сего плачетъ на гробѣ Лазаря, для сего потѣетъ кровавымъ потомъ въ Геѳсиманіи, для сего пріемлетъ лобзаніе отъ предателя. Довольно бы, казалось, подвиговъ для правды человѣческой; но не довлѣетъ для правды Божественной: она требуетъ большаго—смерти преступника! И се, въ довершеніе всѣхъ жертвъ, приносится и сія послѣдняя: Сынъ Божій на Крестѣ! — Большаго удовлетворенія за грѣхъ не могло требовать само небесное правосудіе: принесена жертва всесовершенная; ибо принесена въ жертву самая жизнь, жизнь не простаго человѣка, а Того, Кто есть человѣкъ и Богъ.

Что послѣ сего видите вы на Крестѣ? Видите, что Богъ Всесвятый, не терпящій беззаконія нигдѣ, поражаетъ проклятіемъ и смертію грѣхъ въ лицѣ Самаго Единороднаго Сына Своего. Что видите въ Крестѣ? Видите, что Богъ всеблагій, который не оставляетъ безъ помощи созданія своего, любитъ самыхъ строптивыхъ чадъ своихъ, и для спасенія ихъ Самъ восходитъ на Крестъ. Что видите въ Крестѣ? Видите таинственное, чудесное сочетаніе правды и милости, суда и проценія, святости и благоутробія, страха для грѣшниковъ нераскаянныхъ, и упованія для грѣшниковъ—кающихся. Это верхъ Премудрости Божественной, которая изобрѣла средство, и поразить грѣхъ со всею строгостію, и не погубить человѣка со всею его нечистотою.

Въ самомъ дѣлѣ, вообразимъ на время, что благость Божія. разлучившись отъ правды Божественной, провозгласила бы проценіе грѣшному роду человѣческому безъ той жертвы за грѣхи, которая принесена теперь на Голгоѳѣ.—Что подумали бы мы тогда о Богѣ и Его святости?

Не возмнилиль бы (и праведно), что Онъ, если и святъ; то болѣе милосердъ, нежели праведенъ? Что если Онъ и даетъ законъ, и требуетъ исполненія, и угрожаетъ наказаніемъ; то все сіе дѣлаетъ не по внутреннему, непреложному требованію существа Своего, а по одному измѣняющемуся произволу? Что можно нарушать законъ и не быть отвергнутымъ отъ законодателя? Такая мысль, — а она въ семъ случаѣ неизбѣжна,—могла бы соблазнить и не человѣка, наклоннаго ко грѣху; такой образъ дѣйствій со стороны Верховнаго Законодателя и Судіи могъ бы дать случай къ безпорядку и не въ одномъ нашемъ мірѣ. А что было бы тогда съ грѣшниками? Что вселило бы въ нихъ святой ужасъ и отвращеніе къ грѣху; когда они не исполняются страхомъ и тогда, какъ видятъ предъ собою Крестъ Сына Божія? Тогда Законъ Божій потерялъ бы уваженіе, ему подобающее, добродѣтель—свое достоинство, грѣхъ—весь ужасъ...

И былъ ли бы успокоенъ самый кающійся грѣшникъ, не видя предъ очами правды Божіей жертвы за грѣхи свои? Если мы легко смотримъ иногда на свои беззаконія и почитаемъ ихъ дѣломъ не важнымъ; если готовы бываемъ принять прощеніе во грѣхахъ, не думая, чтобы за нихъ нужна была жертва: то это потому, что въ насъ нѣтъ чувства истиннаго покаянія, что совѣсть наша не раскрылась какъ должно. Но, посмотрите на тѣхъ, кои поняли, что значитъ грѣхъ, и прониклись живымъ чувствомъ раскаянія, въ коихъ совѣсть начала дѣйствовать со всею силою! Ахъ, они становятся судіями и врагами самимъ себѣ; не убѣгаютъ, а ищутъ наказанія; не удовлетворяются ни чѣмъ, готовы бываютъ лишить себя всего, самой жизни, которою злоупотребили противъ воли Создателя. И что представили бы имъ въ успокоеніе, если бы не имѣли Кре-

ста Христова, не могли указать на язвы Господа, на тѣло и кровь Сына Божія, принесенныя въ жертву за грѣхи наши?

Да умолкнутъ же тѣ, кои, въ ослѣпленіи ума, дерзаютъ говорить, что дѣло спасенія нашего могло бы совершиться безъ Креста Христова. Отымите Крестъ, и нѣтъ Христіанства; отымите Крестъ и нѣтъ спасенія міру; отымите Крестъ, и грѣшники всѣ паки предъ судомъ правды и гнѣва; отымите Крестъ, и нѣтъ успокоенія кающемуся; отымите Крестъ, и грѣхъ неудержимо воцарится надъ всѣмъ!

Но, кто можетъ поколебать тебя, святое и треблаженное Древо? Рукою Всемогущей любви водружено ты посреди всея земли для спасенія нашего: и будешь стоять несокрушимо, доколѣ останется на землѣ хотя единъ грѣшникъ, взыскующій своего спасенія! Будешь стоять, какъ знаменіе правды и любви Божіей къ грѣшникамъ кающимся, какъ залогъ гнѣва и мукъ вѣчныхъ для нераскаянныхъ. Много приражалось къ тебѣ волнъ и нападеній, и всѣ сокрушились: сокрушатся и тѣ, кои будутъ паки приражаться къ тебѣ. Стой, Божественное Древо, и распространяй райскія вѣтви твои по всей земли! Да соберутся подъ сѣнь твою всѣ падшіе сыны Адама, и да оживутъ вкушеніемъ отъ плодовъ твоихъ! Но, что произрастишь ты намъ, размышляющимъ теперь и бесѣдующимъ о тебѣ? Укроемся ли мы подъ сѣнію твоею въ день суда и воздаянія?..

Укроемся, возлюбленные братія, если теперь не будемъ, подобно злополучному прародителю нашему, сокрываться отъ лица Бога, взыскующаго насъ на покаяніе; укроемся, если, преклоняясь до земли во храмахъ предъ Крестомъ Христовымъ, не будемъ убѣгать отъ Него, когда Онъ срѣтаетъ насъ, среди жизни нашей, въ скорбяхъ и искушеніяхъ, посылаемыхъ для нашего вразумленія; укроемся, если, освящая себя вѣрою въ заслуги нашего Божествен-

наго Ходатая, и пріемля во имя Его оставленіе грѣховъ, не будетъ снова распинать Его нашими беззаконіями.

Падемъ же въ духѣ предъ симъ Животворящимъ Древомъ и скажемъ Распятому на немъ: видимъ, Господи, видимъ, сколь нестерпимъ грѣхъ для правды и святости существа Божія; видимъ, чего стоило Тебѣ, Человѣколюбцу, искупленіе насъ отъ проклятія закона и казни вѣчной; видимъ, что угрожаетъ намъ, если не воспользуемся безприкладною жертвою Твоею, за насъ принесенною; видимъ, и даемъ обѣтъ—жить все остальное время не похотямъ и страстямъ, не міру и діаволу: а Тебѣ, Владыкѣ и Искупителю нашему! Аминь.

СЛОВО

ВЪ ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

Господи, кто вѣрова слуху нашему и мышца Господня кому открыся? Ис. LIII, 1.

Такъ, за шесть вѣковъ до крестной смерти Спасителя нашего, предначиналъ о ней проповѣдь свою единъ изъ великихъ Пророковъ народа Божія! Дѣйствіемъ Духа Святаго предъ нимъ поднята была завѣса будущаго, и онъ ясно узрѣлъ уничиженное состояніе на крестѣ Сына Божія, дабы предвозвѣстить потомъ о немъ своимъ современникамъ, а въ лицѣ ихъ и всему роду человѣческому. Пораженный страшнымъ зрѣлищемъ Голгоѳскимъ, Пророкъ, вмѣсто проповѣди къ людямъ, обращаетъ рѣчь къ Богу и съ недоумѣніемъ вопрошаетъ: можно ли говорить о такихъ предметахъ въ слухъ человѣческій? И не сокрыть ли всего видѣннаго въ глубинѣ собственной души? *Господи, кто вѣрова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся?* Я готовъ, какъ бы такъ говорилъ онъ, провозвѣстить о томъ, что явлено мнѣ во свѣтѣ лица Твоего: но гдѣ тѣ, кои способны принять возвѣщаемое? Предъ крестомъ Сына Твоего нужна вѣра величайшая: какъ обрѣсти ее между человѣками? *Господи, кто вѣрова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся?*

Спустя болѣе двухъ тысящелѣтій послѣ сего пророчества, и болѣе осьмнадесяти вѣковъ послѣ событія его на Голгоѳѣ,—теперъ, когда крестъ Христовъ, будучи водруженъ посреди всея земли, содѣлался во спасеніе всѣхъ и каждаго, — теперь можно бы, казалось, ожидать, что слово крестное не найдетъ уже себѣ противорѣчія въ умахъ и сердцахъ человѣческихъ, что при первомъ благовѣстіи о тайнѣ искупленія, совершившейся на Голгоѳѣ, всѣ преклонятъ слухъ и отверзутъ души свои къ принятію жизни вѣчной.

Но, братіе мои, что если бы древній Пророкъ воскресъ и сталъ теперь предъ нами, думаете ли, чтобы онъ оставилъ или измѣнилъ для насъ начало своей проповѣди крестной? Увѣрены ли, чтобы онъ, взирая на всѣхъ насъ —и стоящихъ здѣсь и отсутствующихъ—не воскликнулъ бы паки: *Господи, кто вѣрова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся?*

Ахъ, еслибъ была вѣра въ насъ; то сталъ ли бы богачь въ нынѣшній же день затворять немилосердно утробу свою при видѣ собрата своего, требующаго помощи? сталъ ли бы сто разъ взвѣшивать каждую лепту, подаемую нищему, и какъ подаемую? во имя Христа, умершаго для насъ и Воскреснаго, когда притомъ за все поданное сей же Умершій и Воскресшій обѣщалъ воздать — тамъ — сторицею?

Если бы была вѣра въ насъ, то сталъ ли бы наперсникъ мудрости искать разрѣшенія тайнъ бытія человѣческаго, недоумѣній своей души и совѣсти гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, кромѣ Евангелія; когда оно для того и дано, чтобы мы знали, кто мы, откуда и для чего?

Если бъ была вѣра въ насъ, то предавались ли бы мы такъ безумно соблазнамъ міра и преступнымъ обаяніямъ

плоти, поставляли ль, бы многіе изъ насъ всю цѣль жизни своей въ удовлетвореніи чувствъ и страстей, падали ль бы такъ низко предъ каждымъ кумиромъ гордости житейской и похоти очесъ?

Если бъ была вѣра въ насъ, то могла ли бы приводить въ такую безотрадную печаль смерть, когда Спаситель нашъ для того и сошелъ самъ во гробъ, дабы возсіять для всѣхъ насъ изъ него жизнь и нетлѣніе?

Ахъ, когда была вѣра въ сердцахъ, тогда Христіане были яко свѣтила среди тьмы Іудейства и язычества; тогда слово сказанное Христіаниномъ было сильнѣе всѣхъ обязательствъ, примѣръ послѣдователя Іисусова былъ лучше всѣхъ правилъ мудрости человѣческой; тогда безъ сожалѣнія разставались, когда нужно, со всѣми благами міра, безъ ропота переносили величайшія скорби и лишенія, на самыя муки и смерть шли съ радостію.

И нынѣ, въ комъ есть истинная вѣра, тотъ не похожъ на другихъ, и въ какомъ бы званіи ни находился, являетъ изъ себя человѣка, видимо принадлежащаго не землѣ токмо, но и небу. Въ комъ есть вѣра, тотъ и нынѣ—богатъ ли—богатъ не столько для себя, сколько для другихъ, не златомъ точію и сребромъ, а смиреніемъ и любовію;—бѣденъ ли и страждущъ,—и бѣдствуетъ и страдаетъ безъ ропота, съ упованіемъ, якоже подобаетъ наслѣднику жизни вѣчной; мудръ ли, не превозносится своими познаніями, повергаетъ ихъ въ жертву у подножія креста Христова;—простъ ли и некнижень, самою простотою дорожитъ, яко сокровищемъ. Въ комъ есть вѣра, тотъ и нынѣ цѣломудръ, благочестивъ и праведенъ, кротокъ и любовенъ, воздерженъ, смиренъ и простъ. Въ комъ есть вѣра, тотъ и нынѣ взираетъ на жизнь, какъ на странствіе,—на міръ видимый, какъ на временную гостинницу,—на плоть свою, какъ

на темницу безсмертнаго духа,—на гробъ, какъ на мѣсто своего успокоенія.

Но много ли таковыхъ? Покажите мнѣ Христіанина, о коемъ можно бы тотчасъ, ничтоже сумнясе рещи: се рабъ Божій! се послѣдователь Христовъ! Сколько напротивъ Христіанъ, о коихъ трудно сказать: имѣютъ ли какую либо вѣру? Сколько Христіанъ, коимъ если бы досталось переходить въ язычество, то не слѣдовало бы дѣлать никакой перемѣны ни въ образѣ мыслей, ни въ образѣ жизни, кромѣ что взять себѣ другое имя?—И что много говорить? Осмотритесь вокругъ себя: нынѣ день смерти Господа и Спасителя нашего; нынѣ Онъ взопелъ на крестъ за грѣхи наши, да доставитъ всѣмъ намъ оправданіе и животъ вѣчный; нынѣ ли посему не собраться всѣмъ послѣдователямъ Іисусовымъ у гроба Его? Но сколько людей, кои остались деперь дома, сидятъ въ праздности, не знаютъ даже что дѣлать и какъ провести время, и между тѣмъ не спѣшатъ въ храмъ, къ подножію креста Христова!...

Кого винить въ нашей хладности и безчувствіи? Уже не Тебя ли, Господи! Ты, можетъ быть, мало сдѣлалъ для того, чтобы просвѣтить и вразумить, тронуть и возбудить, согрѣть и привлечь насъ къ Себѣ!... Но, что же бы можно было сдѣлать болѣе? Явись грѣшникъ, кто бы ты ни былъ, у гроба сего и скажи самъ, что нужно для тебя сдѣлать, и чего не сдѣлано. Тебя надлежало вывести изъ тьмы естественнаго невѣденія на свѣтъ Божій; и надъ тобою возжено столько свѣтилъ Богопознанія, что младенцы нынѣ болѣе знаютъ о Богѣ и жизни вѣчной, нежели сколько знали великіе мудрецы міра древняго. Для тебя необходилъ былъ примѣръ жизни благой и праведной, примѣръ чистой, любви, смиренія и терпѣнія: предъ

тобою жизнь и дѣянія Спасителя твоего, въ коихъ не на словахъ, а на дѣлѣ, весь законъ и всѣ заповѣди. Тебѣ нужно было и врачевство отъ разслабленія духовнаго; и ты окруженъ благодатію Духа святаго, молитвами и таинствами Церкви. Тебѣ нужно всеоружіе для сраженія съ врагами твоего спасенія; и оно всегда готово въ сокровищницѣ Церкви. И такъ, явись грѣшникъ у сего гроба и скажи самъ Спасителю твоему, что нужно было для тебя сдѣлать и чего не сдѣлано. Онъ столько любитъ тебя, что если дѣйствительно что нужно для тебя, Онъ возстанетъ изъ гроба и паки взойдетъ на крестъ....

Между тѣмъ, возлюбленный о Христѣ собратъ, разсмотримъ безпристрастно, дѣлали ль и дѣлаемъ ли мы съ тобою, что можно и должно было дѣлать намъ, дабы вѣра и Евангеліе Іисусовы не оставались въ насъ безплодными. У насъ есть умъ: употребляемъ ли мы его на познаніе нашихъ обязанностей, нашей души и совѣсти,— на уразумѣніе Божественнаго лица Спасителя нашего, Его ученія, жизни, и смерти для насъ подъятой? — У насъ есть воля и свобода, способныя слѣдовать или закону Божію и гласу Евангелія, или внушенію чувствъ и страстей: дѣйствовали ль мы сею волею и свободою такъ, какъ повелѣваетъ Евангеліе, стояли ль въ истинѣ и правдѣ, сражались ли съ собственными страстями и похотями? Намъ преподано множество и естественныхъ и сверхъестественныхъ средствъ къ искорененію въ насъ злыхъ навыковъ, къ очищенію нашей природы, къ укрѣпленію въ насъ добраго расположенія, къ огражденію насъ отъ соблазновъ и искушеній, къ преподоланію міра, плоти и діавола: многія ли изъ сихъ средствъ употреблены нами въ дѣло, и не остаются ли доселѣ даже неизвѣстными намъ, по нашему небреженію о нихъ?

Кого же винить послѣ сего, какъ не самихъ себя, если мы доселѣ остаемся во тьмѣ и хладѣ, во грѣхахъ и нечистотѣ, въ безчувствіи и смерти духовной? Если бы ты, человѣкъ, былъ камень; тебя можно бы взять и обдѣлать, какъ угодно строителю. Если бы ты былъ древо, тебя можно было бы садить и пересаживать, какъ вздумалъ садовникъ. Если бы ты, грѣшникъ, былъ существо, хотя живое, но неразумное и лишенное свободы; съ тобою можно было бы поступить, какъ поступаютъ съ безсловесными, Но ты—человѣкъ, тебѣ даны умъ и произволъ, даны на всю вѣчность. Разъ давши тебѣ дары сіи и преимущества, Творецъ премудрый никогда уже не возметъ ихъ назадъ. Что же послѣ сего остается дѣлать съ тобою самому всемогуществу Божію, какъ токмо наставлять и вразумлять тебя, убѣждать и трогать, просить и молить тебя—о собственномъ твоемъ спасеніи?

И смотри — чѣмъ это всемогущество не вразумляетъ, не убѣждаетъ, не проситъ и не молитъ тебя — самимъ крестомъ и гробомъ Единороднаго Сына своего, за тебя распятаго и погребеннаго!—Виждь, глаголетъ оно, виждь, чего стоитъ грѣхъ твой, какой жертвы потребовалъ онъ для спасенія твоего, виждь и уразумѣй, что будетъ наконецъ съ тобою, если ты не воспользуешься жертвою, за тебя принесенною! Аминь.

СЛОВО

ВЪ ВЕЛИКІИ ПЯТОКЪ.

Чій образъ сей и написаніе? Мат. XXII, 20.

Такъ вопросилъ нѣкогда Господь книжниковъ Іерусалимскихъ о златомъ пенязѣ, Ему представленномъ, дабы изъ того, что изображено на немъ, взять отвѣтъ на недоумѣніе ихъ: *достоитъ-ли дати кинсонъ Кесареви, или ни?* —А мы вопросимъ нынѣ такимъ образомъ васъ, братіе мои, о предлежащемъ здѣсь изображеніи, вопросимъ для того, дабы показать, какую дань любви и благодарности подобаетъ пріять Божественному Страдальцу сему отъ насъ, кои искуплены отъ грѣха и смерти не златомъ и пенязями, а драгоцѣнною кровію Его, на крестѣ за насъ изліянною.

Чій убо образъ сей и написаніе?

Се образъ величайшаго Наставника въ мудрости, Который на то родился и на то пришелъ въ міръ, дабы свидѣтельствовать истину;—и свидѣтельствовалъ ее всюду и предъ всѣми, возвѣщалъ пути живота во храмѣ и на торжищахъ, среди градовъ и весей, на суши и на водахъ, на горахъ и въ юдоляхъ, равно свидѣтельствовалъ предъ Прокураторомъ Римскимъ и женою Самарянскою, предъ Сунедріономъ и слѣпцемъ Іерихонскимъ, предъ мудрыми и

буіими міра, предъ старцами и отроками, предъ Іудеями и язычниками. Какая истина не выпла изъ устъ Его во всемъ свѣтѣ? Какая заповѣдь не преподана имъ во всей силѣ? Какое обѣтованіе жизни вѣчной не открыто и не утверждено Имъ непоколебимо? Алтарь и Престолъ, колыбель и гробъ, мечь и мрежи, плугъ и вѣсы, все озарено свѣтомъ Его Божественнаго ученія. Гласъ истины во устахъ Его былъ такъ силенъ, что самые враги должны были умолкать предъ Нимъ и исповѣдать, яко *николиже тако глаголалъ человѣкъ, яко сей человѣкъ.**

Но бѣдные грѣшники возлюбили паче тьму, нежели свѣтъ; страсти и предразсудки ихъ, не терпя обличенія, возстали на проповѣдника истины; — и се, Онъ, яко льстецъ и противникъ Моисея и Пророковъ, поруганъ, умученъ и взятъ отъ среды живыхъ!..

И такъ, это вашъ образъ и написаніе любители и любимцы святой истины! Окружите съ благоговѣніемъ гробъ величайшаго Свидѣтеля ея и воспріимите отъ Него духъ вѣры и мужества для борьбы съ заблужденіями и упорствомъ человѣческимъ. Если хотите почтить память Его страданій и смерти; то дайте обѣтъ никогда не скрывать истины въ неправдѣ человѣческихъ мнѣній, а возглашать ее на кровахъ и стогнахъ, не измѣнять ей и тогда, когда противъ нея весь міръ, когда за нею стоитъ для васъ крестъ. Се жертва, коей ожидаетъ отъ васъ этотъ Божественный Страдалецъ за истину!

Чій образъ сей и написаніе?

Се образъ величайшаго друга и благодѣтеля человѣчества. Проходя изъ града въ градъ, изъ веси въ весь, всюду оставлялъ Онъ слѣды своей благости: слѣпымъ по-

---

* Іоан. VII, 46.

давалъ зрѣніе, глухимъ слухъ, хромымъ хожденіе, мертвымъ жизнь; и благотворя тѣлу, въ тоже время и еще болѣе, благодѣтельствовалъ душѣ. По гласу любви Его, взыскующей всѣхъ погибшихъ, сребролюбивые Закхеи раздавали полъ имѣнія нищимъ, всѣми презираемые мытари обращались въ Апостоловъ, блудницы цѣломудрствовали, разбойники со креста преходили въ рай.

Но злоба человѣческая не усрамилась сихъ чудесъ любви; — и другъ человѣчества представленъ Пилату, яко врагъ общественнаго спокойствія; и утѣха Израиля предана на поруганіе язычникамъ и низведена во гробъ!...

И такъ друзья человѣчества, это вашъ образъ и написаніе! Не ищите другаго вождя и другаго примѣра въ вашихъ человѣколюбивыхъ подвигахъ и трудахъ на пользу бѣдствующихъ братій вашихъ, кромѣ Іисуса распятаго. Не ищите и другихъ средствъ къ уменьшенію бѣдствій на землѣ, кромѣ тѣхъ, кои указаны Имъ въ Его Евангеліи, или сами собою выходятъ изъ духа Его заповѣдей. Научитесь, подобно Ему, благотворить не одному тѣлу несчастныхъ, но и ихъ душѣ,—благотворить, не ожидая за свои подвиги на землѣ ничего, кромѣ утѣшеній совѣсти; научитесь даже терпѣть за ваши благотворенія, и полагать изъ любви къ ближнему не только стяжанія и труды, но самую душу свою. Се любовь къ ближнимъ по чину Іисусову!

Чій образъ сей и написаніе?

Это образъ величайшаго Праведника и подвижника въ добродѣтели. *Кто отъ васъ обличаетъ Мя о грѣхѣ*,* вопрошалъ Онъ враговъ своихъ; и никто изъ враговъ не могъ обличить Его ни во единомъ грѣхѣ. Напрасно Синедріонъ

---

* Іоан. VIII, 46.

искалъ лжесвидѣтелей: они клеветали токмо на самихъ себя. Самъ Пилатъ принужденъ былъ совѣстію своею умыть руки и сказать: *я не повиненъ въ крови Праведника сего!* Самъ Іуда исповѣдалъ предъ смертію, что онъ согрѣшилъ—предавъ кровь неповинную.

Но клевета человѣческая не усомнилась и сего Праведника вмѣнить съ злодѣями. Тотъ, для кого было брашномъ, да творитъ волю Отца своего, поставленъ ниже Вараввы, и вознесенъ на крестъ!..

И такъ подвижники добродѣтели и благочестія, это вашъ образъ и написаніе!—Посмотрите пристальнѣе на этотъ вѣнецъ терновый, на эти руки и ноги, прободенныя гвоздями, на это сердце отверзстое копіемъ; посмотрите и повѣрьте сими язвами вашу любовь къ Богу и ближнему, вашу чистоту и правду, ваше терпѣніе и мужество. Здѣсь показано, что значитъ жить для Бога и вѣчности, какъ должно хранить законъ и правду, какъ сражаться съ порокомъ и нечестіемъ, гдѣ искать помощи среди скорбей и напастей вѣка, и чѣмъ укрѣплять себя въ грозный часъ смерти. Если хощете служить Господу во истину; то пріимите и вы на рамена свои крестъ Христовъ. Безъ распятія плоти и страстей—нѣтъ спасенія человѣку падшему!

Чій образъ сей и написаніе?

Это образъ Искупителя человѣковъ, втораго Адама, *иже есть Господь съ небесе.** Заступивъ для насъ мѣсто Адама перваго, принявъ на себя грѣхи всего рода человѣческаго, Онъ, яко Искупитель и жертва: вознесенъ для изглажденія ихъ на крестъ, и, смертію своею удовлетворивъ вѣчной правдѣ, примиривъ насъ съ Богомъ, возвратилъ намъ чистоту и невинность, отверзъ для насъ рай, нами

---

* 1 Кор. XV, 47.

потерянный. Послѣ сего нѣтъ грѣха, побѣждающаго человѣколюбіе Божіе; послѣ сего *ни едино осужденіе сущимъ о Христѣ Іисусѣ.** и ходящимъ не по плоти, а по духу; послѣ сего и для разбойниковъ отверзтъ крестомъ рай, коль скоро они оставляютъ навсегда грѣхъ и съ вѣрою отъ сердца вопіютъ: *помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ!*

И такъ воздыхающіе подъ тяжестію страстей грѣшники, это вашъ образъ и написаніе! Что надлежало бы претерпѣть за грѣхи ваши вамъ, то самое претерпѣлъ за васъ сей Божественный Ходатай. Спѣшите же къ живоносному гробу Его; слагайте у пречистыхъ ногъ Его всѣ ваши грѣховныя тяжести; взимайте правду и чистоту для васъ пріобрѣтенныя; почерпайте благодать и милость, текущую изъ язвъ Его. Но, примирившись съ Богомъ и совѣстію, не возвращайтесь къ прежнимъ кумирамъ грѣха, да не явитесь виновными въ Божественной крови за васъ проліянной и вами злоупотребленной.

Чій образъ сей и написаніе?

Это образъ великаго Царя и всемогущаго Владыки, который за то, что будучи во образѣ Божіи, уничижилъ себя насъ ради до смерти крестныя, превознесенъ теперь надъ всѣмъ и получилъ *имя паче всякаго имени,*** Коему Отецъ небесный, яко возлюбленному Сыну, предалъ всякую власть на землѣ и на небеси, въ рукахъ Коего ключи, не только всѣхъ дарованій и всѣхъ благъ земныхъ и небесныхъ, но самаго ада и смерти; но Который, не смотря на высоту и славу свою, не стыдится прежняго уничиженія, не сокрываетъ язвъ и вѣнца терноваго, благоволитъ являться распятымъ и погребеннымъ, дабы тѣмъ

---

* Рим. VIII, 1.—** Фил. II, 10.

удобнѣе всѣмъ былъ доступъ къ Нему, дабы никто не могъ усумниться въ прежней любви Его ко всѣмъ бѣднымъ грѣшникамъ.

И такъ труждающіеся и обремененніи, это вашъ образъ и написаніе! Страдалецъ Голгоѳскій для того и воцарился надъ всѣмъ міромъ, дабы вѣрующимъ въ Него все споспѣшествовало во благое. Теперь нѣтъ бѣдствія, коего бы Онъ не могъ отвратить отъ васъ; нѣтъ блага, коего Онъ не могъ бы подать вамъ. *Просите убо и пріимите.** Нужны ли познанія? у Него вся сокровища премудрости и разума. Нужна ли защита отъ враговъ сильныхъ? у Него вся сила и могущество. Нужно ли здравіе? Онъ воскресеніе и жизнь. Нужно ли благораствореніе стихій, плодоносіе земли? Ему служатъ источники, Ему работаютъ бездны. Только просите съ вѣрою, ничто же сумняся; просите съ рѣшимостью употребить во благо просимое, просите, предая судьбу свою и самое прошеніе Его премудрости и всесвятой волѣ.

Чій образъ сей и написаніе?

Это образъ будущаго нашего Судіи и Господа. По безприкладной благости своей къ намъ, въ надеждѣ нашего обращенія, Онъ продолжаетъ являться съ крестомъ и плащаницею, стрегомый стражами Римскими, погребаемый Іосифомъ и Никодимомъ, печатаемый печатію Каіафы. Но время долготерпѣнія не безъ конца; настанетъ день, когда Онъ явится на облакахъ небесныхъ, съ силою и славою многою, окруженный Архангелами и Ангелами; явится для того, дабы возбудить отъ сна смертнаго и воззвать предъ свой праведный судъ всѣхъ сыновъ Адамовыхъ, и произнесть надъ каждымъ изъ насъ рѣшительный приговоръ на всю вѣчность. Тогда потребуется уже не

---

* Іоан. XVI, 24.

поклоненія и лобзанія, а одни дѣла вѣры живой и любви чистой. Тогда возвратимся отъ лица Его уже не въ домы, какъ теперь, для занятія суетою міра, для уготовленія того, что требуетъ плоть и кровь, а,—или въ рай и царствіе, для празднованія вѣчной Пасхи, или во адъ, для некончаемаго плача и скрежета зубовъ.

И такъ, всѣ чающіе воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка, се вашъ образъ и написаніе! Станьте у гроба сего Мертвеца, подобно тому, какъ вы станете нѣкогда предъ страшнымъ престоломъ Его же—Судіи; станьте, и дайте Ему отчетъ въ дѣлахъ своихъ; сравните, что сдѣлано для васъ Спасителемъ вашимъ, и что дѣлаете для Него, или паче для васъ же самихъ, вы. Вспомните, чего потребуетъ Онъ отъ васъ на судѣ; и разсмотрите, есть ли хотя нѣкая часть того въ васъ. Если вы измѣняете истинѣ, за которую Онъ умеръ; если чужды любви и милосердія, для коихъ Онъ жилъ; если не храните правды и чистоты, коими Онъ облекъ васъ; если тѣ грѣхи, кои Онъ пригвоздилъ на крестѣ, снимаете со креста и полагаете въ душу и сердце свое; если вмѣсто того, чтобы готовиться къ суду и вѣчности, все время и силы ваши отдаете грѣхамъ и похотямъ: то знайте, сколько бы вы ни покланялись сему изображенію, сколько бы ни лобызали сіи язвы, вашъ *судъ написанъ*,*—написанъ и подписанъ—сею же самою кровію, за васъ проліянною! Для грѣшниковъ нераскаянныхъ нѣтъ болѣе Искупителя: остается одинъ Судія и Мздовоздаятель! Аминь.

* Пс. CXLIX, 9.

СЛОВО

ВЪ ВЕЛИКІИ ПЯТОКЪ.

Дщери Іерусалимскіи, не плачитеся о мнѣ; обаче себе плачите и чадъ вашихъ. Лук. XXIII, 28.

Такъ говорилъ Господь сердобольнымъ женамъ Іерусалимскимъ, кои съ плачемъ сопровождали Его изъ Преторіи Пилатовой на Голгоѳу.

Но, можно ли было удерживаться отъ слезъ при видѣ умученнаго уже воинами Пилатовыми Страдальца, Который съ тяжелымъ крестомъ на раменахъ шествовалъ теперь посреди злодѣевъ къ мѣсту лобному? Плачущія жены могли сказать въ отвѣтъ тоже, что самъ Господь говорилъ Фарисеямъ при своемъ входѣ въ Іерусалимъ: *аще мы умолчимъ, каменіе возопіетъ!**

Теперь другое: на нашей ежегодной Голгоѳѣ нѣтъ болѣе мученій для Сына человѣческаго. Когда мы окружаемъ гробъ Его, и поемъ пѣсни исходныя, Онъ сидитъ во славѣ одесную Отца, и внемлетъ хвалебнымъ гласамъ Архангеловъ и Ангеловъ. Не тѣмъ ли болѣе мы въ правѣ отъ лица Божественнаго Страдальца воззвать теперь гласомъ Голгоѳскимъ: *Дщери Іерусалимскіи*—души чувстви-

* Лук. XIX, 40.

тельныя и сострадующія при видѣ сей плащаницы — *не плачитеся о Немъ, обаче себе плачите и чадъ вашихъ!*

Не плачитеся о Немъ; ибо чаша лютыхъ страданій, уготованная для Него правосудіемъ небеснымъ, давно истощена Имъ до конца; крестъ и смерть, яко необходимые для искупленія рода человѣческаго отъ проклятія за грѣхъ, претерпѣны; состояніе земнаго уничиженія Сына человѣческаго кончилось, и Онъ почилъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ.

Не плачитеся о Немъ; ибо смерть и гробъ не удержали Его въ своихъ узахъ; Онъ воскресъ со славою; вознесся на небо съ торжествомъ, ниспослалъ Пресвятаго Духа Апостоламъ и всѣмъ вѣрующимъ; и теперь сѣдитъ одесную Отца, ожидая, дондеже всѣ враги Его положатся въ подножіе ногъ Его.

Не плачитеся о Немъ; ибо что плакать о Томъ, Который наслаждается теперь блаженствомъ и славою, коимъ нѣтъ ни предѣла, ни конца? Что проливать слезы надъ Тѣмъ, Который для того и восходилъ на крестъ, дабы отъять всякую слезу отъ всякихъ очей?

Чтоже дѣлать? вопросите. Ужели на крестъ и гробъ Спасителя своего можно взирать хладнымъ сердцемъ и сухими очами? Нѣтъ, братіе мои, если гдѣ мѣсто нашимъ слезамъ и воздыханіямъ, то здѣсь: только сіи слезы и воздыханія должны быть не о Немъ, а о насъ самихъ: *себе плачите и чадъ вашихъ!*

Плачите себе: ибо Спаситель вашъ на небѣ во славѣ, а вы еще на землѣ во плоти, въ косей по естеству не живетъ доброе. Онъ среди Архангеловъ и Ангеловъ, а вы еще среди міра, который весь во злѣ лежитъ, еще посреди сѣтей и искушеній, напастей и печалей вѣка, такъ что не можете быть увѣрены ни въ жизни, ни въ самой добродѣтели своей.

Плачите себе: оплакивайте заблужденія вашей юности, исчезнувшей въ суетѣ и помышленіяхъ лукавыхъ; рыдайте надъ грѣхопаденіями мужества и лѣтъ зрѣлыхъ, кои безпощадно отданы въ жертву честолюбію и любостяжанію, плотоугодію и роскоши: слезите надъ самыми сѣдинами старчества вашего, богатаго лѣтами, но не нравами благими, удалившаго отъ васъ міръ, но не освободившаго васъ отъ міра.

Себе плачите: ибо, сколько даровъ природы, или паче Творца ея и вашего, вами погублено! Сколько даровъ благодати отвергнуто или принято вотще! Сколько благихъ движеній духа и сердца принесено въ жертву суетнымъ обычаямъ мірскимъ! Какое множество учинено явныхъ грѣхопаденій, кои, какъ камень, лежатъ теперь на вашей совѣсти и тяготятъ душу!

Себе плачите: плачьте и всегда, тѣмъ паче нынѣ, у гроба своего Спасителя и Господа. Ибо чѣмъ заплатили вы за безприкладную любовь Его къ вамъ недостойнымъ? Какое употребленіе сдѣлали изъ святыхъ обѣтованій и заповѣдей Его? На какой кумиръ земной не меняли безумно Евангелія и креста Его? Какую самую ничтожную выгоду земную не предпочитали дѣлу вашего спасенія?

Плачите убо себе и чадъ вашихъ. Плачите и чадъ, потому что они зачаты вами въ беззаконіяхъ и рождены во грѣхъ; потому что, вмѣсто примѣра добра вы служили для нихъ нерѣдко въ соблазнъ и претыканіе, и собирая для нихъ наслѣдіе на земли, не приготовили имъ ничего на небѣ.

Плачитеся и чадъ вашихъ, кои, оставивъ домъ родительскій, не вынесли изъ него съ собою ни чистоты духа, ни чистоты тѣла, кои, преуспѣвая въ познаніяхъ мудрости земной, не брегутъ объ урокахъ мудрости небесной, кои

отъ малыхъ лѣтъ бывъ преданы на жертву обычаямъ иноземныхъ, сдѣлались чуждыми между своихъ, хладными къ вѣрѣ и преданіямъ Отцевъ.

Плачитеся себе и чадъ вашихъ: ибо, при такомъ несчастномъ положеніи вещей, что ожидаетъ васъ и чадъ вашихъ въ будущемъ? Ожидаетъ гнѣвъ Божій на землѣ и на небѣ; ожидаетъ разстройство здоровья, превращеніе благосостоянія домашняго и всѣхъ отношеній семейныхъ; ожидаютъ взаимныя распри, плачь и горесть...

Себе убо плачитеся и чадъ вашихъ: плачите теперь, когда пріемлются наши слезы и отираются рукою милосерднаго Спасителя, дабы не плакать вѣчно послѣ; когда онѣ не будутъ болѣе пріемлемы, и когда плачущіе напрасно будутъ вопіять къ горамъ: *падите на ны и къ холмамъ: покрыйте ны* отъ лица грядущаго гнѣва!* Аминь.

---

* 1 Луки XXIII. 30.

СЛОВО

ВЪ ВЕЛИКІИ ПЯТОКЪ.

Вы слушали сей часъ, братіе мои, страшную повѣсть страданій Богочеловѣка. Се предъ очами вашими самое изображеніе Божественнаго Страдальца, снятаго уже со креста и почивающаго во гробѣ. Послѣ сего и о насъ подобаетъ рещи тоже самое, что Ап. Павелъ вѣщалъ нѣкогда о Христіанахъ Церкви Галатійской: *имъ же предъ очима Іисусъ Христосъ преднаписанъ бысть, въ васъ распятъ!**

Для чего убо св. Церковь приближаетъ такимъ образомъ не только къ слуху, но и къ самому зрѣнію каждаго изъ насъ страданія и крестъ Господа нашего? Для того, безъ сомнѣнія, чтобы каждый изъ насъ, пораженный сею близостію, оставилъ теперь прочія занятія, и обративъ все вниманіе на Спасителя и Господа своего,—для того, чтобы каждый самъ вступилъ нынѣ въ непосредственную бесѣду съ Нимъ. Да, братіе мои, если когда вы можете обойтись безъ нашего поученія; то въ настоящій день: и если мы взошли теперь на сіе священное мѣсто; то не для обычнаго собесѣдованія съ вами, а чтобы напомнить вамъ о необходимости вашей собственной бесѣды съ Спасителемъ вашимъ.

---

* Галат. III, 1.

Скажетъ ли кто либо, что онъ не способенъ къ сему? Увы, со всѣми и о всемъ можемъ мы бесѣдовать и бесѣдуемъ сами, а съ Господомъ и Спасителемъ нашимъ, съ Тѣмъ, Кто умеръ за насъ на крестѣ, съ Нимъ однимъ не можемъ!.. Если дѣйствительно есть въ комъ либо сія жалкая невозможность, то что сначитъ она?—То, что мы безчувственны и неблагодарны къ нашему Спасителю, что мы никогда не думали, какъ должно, о своемъ отношеніи къ Нему, не обращали души и сердца ко кресту Его:—если смотрѣли на Него иногда, то смотрѣли какъ на простое зрѣлище; если поклонялись Ему, то подобно тому, какъ поклоняется язычникъ своимъ рукотвореннымъ изваяніямъ. Нѣтъ, крестъ Христовъ не подобенъ симъ бездушнымъ изваяніямъ; онъ весь облитъ кровію живоносною, которая, по увѣренію Апостола, стократъ лучше глаголетъ, нежели кровь Авеля праведнаго.* Распятый на семъ крестѣ Господь нашъ, хотя почиваетъ теперь яко мертвъ во гробѣ, но Онъ мертвъ для невѣрующихъ Іудеевъ, а для тебя, Христіанинъ. Онъ и во гробѣ есть Божія сила и Божія Премудрость, Премудрость ли Божія не дастъ отвѣта намъ, если только будемъ вопрошать ее съ вѣрою и смиреніемъ?

И такъ, кто бы ты ни былъ, возлюбленный слушатель, первый мудрецъ или послѣдній невѣжа, самый великій и важный въ мірѣ человѣкъ, или самый незначущій членъ общества человѣческаго, стань у гроба Господа своего, и начни бесѣду съ нимъ. Спроси, во первыхъ, откуда этотъ крестъ и гробъ, для чего Сынъ Божій претерпѣлъ столько ужасныхъ страданій, подвергся смерти и погребенію, скажи съ Пророкомъ: *кто сей, пришедый отъ Едома и почто червлены ризы его, яко отъ Восора?*** Скажи и внемли, какъ онъ гласомъ того же Пророка отвѣчаетъ тебѣ, яко день

* Евр. XII, 24.— **Ис. LXIII, 1-2.

*воздаянія пріиде, лѣто избавленія приспѣ;** насталъ, то есть, давно предсказанный часъ искупленія рода человѣческаго, пришло время удовлетворить за грѣхи его Правдѣ небесной и примирить его съ Богомъ: сего ради—*не Ходатай, ниже Ангелъ, но самъ Господь спасе насъ,*** спасе не благовѣстіемъ токмо слова, не подаяніемъ токмо примѣра благаго, какъ могли бы служить ко спасенію и подобные намъ человѣки, а, содѣлавшись за насъ умилостивительною жертвою, подъявъ за насъ самую смерть, коей подлежали мы всѣ, яко преступники Закона Божія.

Желаешь ли знать, кто требовалъ столь великій жертвы за грѣхи?—И опъ гласомъ св. Павла отвѣчастъ тебѣ,*** что сего требовала Правда Божія, нашими грѣхами раздраженная, что безъ сей очистительной жертвы, мы не могли быть терпимы неприступною для грѣшниковъ святостію существа Божія, что безъ сего торжественнаго удовлетворенія закону весь порядокъ міра нравственнаго потерялъ бы свою силу и непреложность.

Вопроси далѣе съ вѣрою и любовію, что должно послѣ сего дѣлать человѣку, искупленному отъ грѣховъ и проклятія столь великою цѣною,—что должно дѣлать тебѣ самому, чтобы страданія и смерть Сына Божія не остались для тебя безплодными? Ибо, не можетъ-же быть, чтобы кровь, проліанная на Голгоѳѣ, омывала и освящала каждаго и нехотящаго, противъ нашей, такъ сказать, воли. И Господь, гласомъ того же Апостола, скажетъ тебѣ, что для сего необходимы съ нашей стороны во первыхъ живая вѣра въ божественныя заслуги и ходатайственную смерть Его за насъ,**** а во вторыхъ жизнь по сей вѣрѣ, то есть-жизнь чистая, праведная и Богоугодная,*****-что безъ

* Ис. LXVIII, 4. — ** Ис. LXIV, 9. — *** Рим. III, 24. — **** Еф. II, 8.— ***** Еф. IV, 20 — 23.

покаянія во грѣхахъ, безъ исправленія нашего сердца и нравовъ благодатію Духа Святаго, смерть Спасителя останется безъ всякаго плода для насъ, и не только не спасетъ насъ отъ гнѣва небеснаго, а послужитъ къ вящшему нашему осужденію.*

Принявъ съ благовѣніемъ сіи вѣщанія отъ гроба Господня, обратись потомъ, возлюбленный слушатель, къ своей совѣсти и своей жизни, и разсмотри: есть ли въ тебѣ подобная вѣра въ Спасителя. и есть ли жизнь достойная сей вѣры? Такъ ли ты мыслишь, желаешь и дѣйствуешь, какъ прилично Христіанину, и какъ предписалъ тебѣ мыслить, желать и дѣйствовать Спаситель твой? И если окажется, что дѣло спасенія въ тебѣ еще и не зачиналось, или и началось когда либо, но потомъ забыто и оставлено; то подумай, что ожидаетъ тебя въ будущемъ, тебя, за котораго умеръ самъ Сынъ Божій, и который однако же о сей смерти Его не думаешь, какъ бы ея не было, или бы она не касалась тебя, или составляла нѣчто не важное. Если мысль о толикой съ твоей стороны неблагодарности къ Искупителю твоему и представленіе ужасной участи, которая ожидаетъ презрителей крови Сына Божія, тронетъ тебя (а какъ не тронуть, если у тебя есть сердце?); когда ты увидишь, что нельзя болѣе продолжать тебѣ своего преступнаго равнодушія къ смерти Искупителя, за тебя подъятой, что непремѣнно надобно сообразить съ нею жизнь свою: то обратись паки къ своей совѣсти и вопроси самъ себя, что нужно тебѣ сдѣлать и дѣлать отселѣ, какъ вести себя, что оставить, что измѣнить, дабы престать быть Христіаниномъ по одному имени. Сообразивъ все это, рѣшившись на жизнь Христіанскую, стань у гроба Спасителя твоего, призови на помощь благодать Его, дай обѣтъ

* Евр. IV, 4—9.

быть вѣрнымъ совѣсти и Евангелію; и иди въ домъ твой, иди и, снова размысливъ, снова призвавъ Господа на помощь, немедля начинай дѣло спасенія своего—въ твердой увѣренности, что Господь не оставитъ тебя ни вразумленіемъ, ни утѣшеніемъ, ни успѣхомъ благословеннымъ.

Се, братіе мои, предметъ для собственнаго собесѣдованія каждому изъ насъ съ почивающимъ во гробѣ Господомъ нашимъ! Се текстъ для проповѣди, которую каждый долженъ сказать нынѣ самъ себѣ! Видите, что должно быть и заключеніемъ сея проповѣди! Это заключеніе, не какъ въ нашихъ проповѣдяхъ, должно состоять не изъ словъ, а изъ дѣлъ. Отъ сея проповѣди должна измѣниться вся наша жизнь. Если вы займетесь симъ важнымъ предметомъ сей же часъ, какъ должно; то не будете имѣть нужды въ нашемъ поученіи; сами скоро сдѣлаетесь въ состояніи учить и назидать другихъ: а если не обратите на сіе вниманіе, если ограничитесь, и нынѣ какъ и прежде, обыкновеннымъ слушаніемъ пѣснопѣній и чтеній Церковныхъ, нѣсколькими поклоненіями предъ св. Плащаницею и мимолетными воздыханіями; то хотя бы Ангелъ съ неба сшелъ и возглаголалъ къ намъ, мы не получимъ плода отъ его проповѣди; и, при всѣхъ нашихъ благихъ, по видимому, мысляхъ и чувствахъ, при всѣхъ нашихъ поклоненіяхъ и даже слезахъ, останемся тѣми же, что были, грѣшниками, съ прежними страстями въ душѣ и язвами въ совѣсти. Посему собственнымъ спасеніемъ вашимъ умоляемъ, васъ, братіе, размыслить у сего гроба о томъ, къ чему мы призывали васъ, размыслить не поверхностно, не мимоходомъ, а такъ какъ бы дѣло шло о вашей жизни и смерти: ибо точно здѣсь дѣло идетъ о жизни и смерти нашей,—жизни некончаемой, смерти вѣчной. Здѣсь, въ семъ гробѣ, или наше вѣчное оправданіе, или наше вѣч-

ное же осужденіе: отсюда путь или въ рай или въ адъ! Выбирай любое; но одно изъ двухъ непремѣнно избрать долженъ!

Въ самомъ дѣлѣ, братіе мои, если правосудіе земное не оставляетъ безъ отмщенія смерти и обыкновеннаго человѣка: то оставитъ ли безъ возмездія Правосудіе небесное кровь Сына Божія, если мы окажемся ея презрителями?—Теперь можно, пожалуй, ограничиваться однимъ преклоненіемъ главы предъ лежащимъ во гробѣ Судіею нашимъ, однимъ хладнымъ лобзаніемъ изображенія язвъ Его; можно, пожалуй, взглянуть на нихъ съ равнодушіемъ и отойти съ надменнымъ видомъ вольнодумца; можно чувствовать, думать и дѣлать у сего гроба, что угодно—лежащій въ немъ, подобно обыкновеннымъ мертвецамъ, не скажетъ теперь ничего; но надобно явиться предъ сего мертвеца и тогда, когда онъ будетъ уже не во гробѣ, а на престолѣ славы и всемогущества; надобно будетъ предъ Нимъ дать отчетъ, тамъ, гдѣ окружатъ Его уже не смиренные служители Алтаря, а Херувимы и Серафимы. Имѣя уши слышати и умъ внимати, да слышитъ и да внимаетъ! Аминь.

СЛОВО

ВЪ ВЕЛИКУЮ СУББОТУ.

НА УТРЕНИ.

Между священными законами, данными народу Израильскому чрезъ Моисея, есть законъ и на тотъ случай, когда бы нашлось гдѣ либо на полѣ тѣло человѣка убіеннаго; а между тѣмъ не было бы извѣстно, кто убійца:—въ семъ случаѣ старѣйшины ближайшаго къ мертвецу града должны были собраться къ тѣлу его, и по принесеніи въ жертву юницы, умыть надъ главою ея руки, и потомъ сказать надъ убіеннымъ собратомъ своимъ: *руцѣ наша не проліяша крове сея, и очи наши не видѣша:—да не будетъ кровь неповинна на людехъ твоихъ Израиля!**

И предъ насъ, братія моя, изнесено, какъ видите, тѣло убіеннаго; а убійцы нѣтъ при немъ! Мы собрались, по видимому, для оплаканія мученической кончины сего Страдальца. Но это еще не доказательство нашей невинности. А убійцы? Развѣ они не дѣлаютъ иногда того же, не показываютъ сожалѣнія, не проливаютъ даже слезъ надъ жертвою ихъ злобы?

---

* Второз. XXI, 1—9.

Можемъ ли, убо, стать у сего гроба и, призвавъ во свидѣтели Бога, сказать: руки наши не проливали сей крови, и очи наши не видѣли?

Не проливали сей крови?... А что же дѣлали эти руки, когда соплетали клевету на брата своего, или сѣть для обольщенія невинности? — Не проливали крови сей? А что же другое дѣлали, когда подписывали приговоръ яко преступнику тому, кто чистъ руками и сердцемъ, или составляли подлогъ и неправду въ обязательствахъ и завѣщаніяхъ?—Не проливали этой крови? А чтоже проливали, когда поднимались на угрозу бѣднымъ и сирымъ, на заушеніе тѣхъ, кои не могли ничѣмъ отвѣчать намъ, кромѣ вздоховъ и слезъ.

Божественный Страдалецъ преданъ, умученъ, и умерщвленъ не отъ кого другаго, какъ отъ неправдъ и страстей человѣческихъ: Онъ вознесенъ на крестъ, яко жертва за грѣхи всего міра. И такъ, чтобъ быть невиннымъ въ ранахъ и смерти Его, надобно быть чистымъ отъ грѣха и беззаконія. Но гдѣ и въ комъ сія чистота? Вопросимъ св. Іова—онъ отвѣтствуетъ: *кто чистъ будетъ отъ скверны; никто же, аще и единъ день житіе его на земли.** Спросимъ св. Давида—онъ вопіетъ: *вси уклонишася и неключими быша: нѣсть творяй благостыню, нѣсть даже до единаго!*** Спросимъ св. Павла—онъ повторяетъ тоже: *вси согрѣшиша и лишени суть славы Божіей!**** Спросимъ свою совѣсть: она говоритъ еще болѣе, то есть, что мы сами вопрошающіе о семъ—есмы, если не первые, то далеко и не послѣдніе изъ грѣшниковъ.

Послѣ сего нечего намъ съ старѣйшинами Израилевыми свидѣтельствовать о своей невинности. Надобно употре-

---

* Іов. XIV, 4.— **Псал. XIII, 3.— ***Рим. III, 23.

бить надъ симъ убіеннымъ Страдальцемъ тѣ же слова, только въ противномъ смыслѣ, то есть, стать у сего гроба и сказать: наши, наши руки наложили сіи язвы и пролили сію драгоцѣнную кровь! *Сей грѣхи наши носитъ и ради насъ болѣзнуетъ!** —Въ Іудѣ продало Его наше корыстолюбіе; въ ученикахъ, Его оставившихъ, измѣнило Ему наше легкомысліе; въ Пилатѣ осудило Его наше неправосудіе и лицепріятіе; въ разбойникѣ и книжникахъ глумились надъ Нимъ наше вольномысліе и кощунство; въ воинахъ пронзила Его наша лютость и буйство; въ Каіафѣ запечатали гробъ Его наше нечестіе и ожесточеніе: *сей грѣхи наши носитъ и о насъ болѣзнуетъ!*

Безъ сомнѣнія, Спаситель нашъ, принявъ на себя неправды наши, никогда не возвергнетъ ихъ паки на насъ: нѣтъ, Его любовь и милость къ намъ нераскаянны! Но, когда мы, освобожденные смертію Его отъ клятвы и казни за грѣхи наши, снова предаемся беззаконію; то онѣ сами собою паки упадаютъ на насъ со всею ихъ тяжестію; и мы снова являемся врагами Богу, виновными въ смерти Сына Его, въ крови и страданіяхъ возлюбленнаго Спасителя нашего, еще болѣе виновны, нежели судіи, Его распявшіе. Ибо они, распиная Его, не знали навѣрное Его Божественнаго достоинства: *аще бо быша разумѣли*, говоритъ Апостолъ, *не быша Господа славы распяли.*** А мы совершенно знаемъ, Кто Распинаемый, — что Онъ есть Единородный Сынъ возлюбленнаго Отца, сіяніе славы и образъ ѵпостаси Его. Посему, презирая смерть Его за насъ подъятую, мы подлежимъ отвѣту, какъ Его убійцы.

Подлежать отвѣту въ убійствѣ Сына Божія! Чувствуешь ли ты, грѣшникъ, весь ужасъ сей мысли? Чтобы

---

* Ис. LIII, 4. — **1. Кор. II, 8.

объяснить тебѣ это, вообрази, что близъ дома твоего найденъ человѣкъ убіенный, что этотъ человѣкъ такъ важенъ, что все царство не стоитъ его единаго. Представь за симъ, что на тебя пало подозрѣніе (только подозрѣніе) въ его убійствѣ, и что правосудіе готовится преслѣдовать тебя, какъ убійцу. Въ какой бы ты при семъ пришелъ страхъ! И какихъ не употребилъ бы мѣръ, чтобы доказать или свою невинность, или вознаградить, если можно, содѣянное? — Но, вотъ убіенъ, и кто убіенъ? не простой человѣкъ, а Сынъ Царя небеснаго: мы сами не можемъ не признать своего участія въ Его мученической смерти; и что же мы дѣлаемъ, въ слѣдствіе сего? Не чувствуемъ даже важности своего преступленія! Ибо, если бъ чувствовали хотя сколько нибудь; то давно престали бъ быть разсѣянными зрителями сихъ ранъ и сего вѣнца терноваго. Если бы чувствовали сколько нибудь; то давно употребили бы всѣ силы и средства на то, что бы освободиться отъ грѣховъ, кои дѣлаютъ насъ виновными въ крови Спасителя нашего,

Но, при всемъ желаніи моемъ, я, скажешь, не могу уже возвратить прошедшаго: грѣхи, мною содѣянные, вѣчно останутся грѣхами. Правда возлюбленный, что мы съ тобою не можемъ возвратить прошедшаго; но можемъ располагать настоящимъ, даже будущимъ, поколику оно имѣетъ перейти въ настоящее. И такъ сдѣлаемъ то, что можемъ. Грѣхи и страсти человѣческіе умучили и вознесли на крестъ Спасителя нашего: престанемъ убо грѣшить и быть рабами страстей; утвердимъ волю и желанія свои въ законѣ Господнемъ; начнемъ служить Богу живому и истинному, съ тѣмъ же усердіемъ, съ какимъ служили доселѣ міру и страстямъ своимъ; сдѣлаемъ говорю, все это, и кровь Сына Божія, проліянная на крестѣ, хотя проліяна

отъ насъ, то есть, отъ грѣховъ нашихъ, но не будетъ противу насъ, а за насъ,—въ наше оправданіе, въ наше спасеніе. въ нашу добродѣтель и заслугу; грѣхи наши останутся и тогда грѣхами, но разность въ томъ, что коль скоро мы перестанемъ грѣшить, то они сдѣлаются какъ бы чуждыми для насъ. ибо ихъ приметъ на себя Искупитель нашъ, приметъ и изгладитъ Крестомъ Своимъ.

А безъ сего—жестокій властелинъ, сколько бы ты ни покланялся сему Страдальцу, лютое бичеваніе, Имъ претерпѣнное, отъ тебя, который, по слѣпому произволу лютаго и нечистаго сердца твоего, такъ безпощадно бичуешь подвластныхъ тебѣ.

А безъ сего—этотъ терновый вѣнецъ отъ тебя, гордый и неразумный мудрецъ, который поставляешь жалкій умъ и познанія твои въ томъ, чтобы глумиться безумно надъ предметами вѣры и нравственности Христіянской, потому токмо что они выше понятій твоего бѣднаго разума.

А безъ сего—эта рана въ сердцѣ Божественнаго Страдальца отъ тебя, недостойный Пастырь церкви, который, имѣя право выну входить во святая Святыхъ, вносишь туда съ собою мерзость запустѣнія душевнаго, устами и руками совершаешь тайну спасенія, а въ сердцѣ и мысляхъ дѣешь тайну неправдъ и беззаконія.

А безъ сего, то есть, безъ исправленія жизни и совѣсти, безъ преданія себя въ волю Искупителя нашего, безъ сообразованія себя съ Евангеліемъ и примѣромъ Его, чтобы мы ни дѣлали, какъ бы набожны ни казались, всѣ мы предъ судомъ правды Божіей обрѣтаемся яко убійцы сего Божественнаго Страдальца: на всѣхъ насъ кровь Праведника сего!

Теперь мысль сія легко можетъ казаться неважною для многихъ: никто не взыскуетъ сей крови; мы приходимъ

къ жертвѣ нашей и отходимъ, яко невинные. Но такъ не будетъ всегда. Настанетъ время, когда сей же Божественный Страдалецъ явится судіею всемогущимъ, когда сіи руцѣ вмѣсто Евангелія пріимутъ молнію и громы на нераскаянныхъ. Что будетъ тогда съ тобою, бѣдный грѣшникъ? Что речешь? Чѣмъ оправдишься? Куда скроешься? Гдѣ найдешь покровъ и защиту? *Страшно есть впасть въ руцѣ Бога живаго!** Сто кратъ страшнѣе впасть въ сіи руцѣ за кровь Сына Божія!

Познаемъ же, братіе мои, благотворную силу сея святыя и страшныя тайны! Убоимся самаго преизбытка любви Божіей къ намъ недостойнымъ. Окропленные кровію завѣта вѣчнаго, отвергнемъ грѣхъ и всякую нечистоту, да причастницы жизни вѣчныя будемъ. Аминь.

* Евр. X, 31

СЛОВО

ВЪ ВЕЛИКУЮ СУББОТУ.

Будетъ съ миромъ погребеніе Его. Ис. VII, 2.
И будетъ покой Его честь. Ис. XI, 10.

Евангелистъ ветхаго Завѣта, великій провидецъ Исаія, предъизобразивъ пророчески страданія и смерть Искупителя міра, и показавъ, *како праведный погибъ, и никтоже пріемлетъ сердцемъ,* потомъ, какъ бы въ мирное довершеніе печальной картины, присовокупляетъ: *и будетъ съ миромъ погребеніе его!* А въ другомъ мѣстѣ своихъ дивныхъ видѣній онъ предсказуетъ еще болѣе, не только миръ при гробѣ Спасителя, но и славу: *и будетъ покой его честь!*

Трудно было исполниться и первому предсказанію Пророка, тѣмъ труднѣе — послѣднему. Можно ли было ожидать мира окрестъ гроба Іисусова послѣ того, что совершилось у креста Его на Голгоѳѣ? Если дышущихъ злобою Первосвященниковъ и книжниковъ не могъ удержать отъ злохуленій и насмѣшекъ взоръ на скончавающагося въ мукахъ крестныхъ Страдальца; то тѣмъ менѣе можно было ожидать великодушія и пощады къ бездыханному тѣлу Его же, уже умершаго. Напротивъ почти необходимо надлежало предполагать, что ожесточенная злоба враговъ Іисусовыхъ поставитъ за долгъ себѣ обратить священные

останки Божественнаго Страдальца въ предметъ всенароднаго поношенія, приложитъ даже попеченіе о томъ, чтобы истребить всѣ слѣды Его существованія.

О чести же какой либо при погребеніи Іисусовомъ, казалось, не возможно было и думать. Ибо какая честь тому, кто, яко мнимый врагъ Бога и Моисея, осужденъ былъ кончить жизнь свою на крестѣ среди злодѣевъ?—И кто бы оказалъ ее? Развѣ ученики Іисусовы? Но они еще до смерти Учителя, оставльше Его, *вси бѣжаша.** При такихъ обстоятельствахъ и то уже было бы пріятною неожиданностію, когда бы пречистое тѣло Іисусово не лишено было хотя того, что закономъ и обычаемъ предоставлялось тѣлу каждаго, понесшаго казнь смертную.

Но, слово св. Провидца не могло пройти мимо. У гроба Іисусова должны были явиться не только миръ, но и честь, изъ провидѣнныя;—и онѣ явились—сначала миръ, а потомъ и честь.

Въ самомъ дѣлѣ посмотрите на погребеніе Господа въ вертоградѣ Іосифовомъ: что можетъ быть его мирнѣе? Видя, какъ небольшое число друзей Его воздаетъ Ему теперь послѣдній долгъ, можно подумать, что сему погребенію предшествовали не ужасы Голгоы, а кончина совершенно мирная и безмятежная. Вечерній покой вертограда если прерывался теперь чѣмъ либо, то развѣ тихими слезами погребающихъ, кои, вмѣстѣ съ драгоцѣннымъ муромъ, ліются на тѣло возлюбленнаго Учителя, и развѣ нѣкою поспѣшностію въ дѣйствіи, коея неотложно требовалъ наступающій покой субботній. Несравненно больше движенія и больше шума было недавно при погребеніи Лазаря; хотя онъ умеръ на ложѣ своемъ, въ объятіяхъ сестръ и друзей своихъ.

* Мат. XXVI, 56.

Откуда и какъ явился у гроба Іисусова этотъ покой неожиданный? Все сдѣлалъ законъ о празднованіи дня Субботняго, которое наступало вскорѣ по смерти Господа на крестѣ. Этотъ законъ связалъ собою, иначе ни чѣмъ неукротимую, злобу враговъ Іисуса; онъ заставилъ ихъ удалиться немедля домой съ Голгоѳы. Къ тому же самому содѣйствовалъ и другой законъ о Пасхѣ, которую надлежало вкушать въ тотъ же вечеръ. Агнецъ пасхальный въ семъ случаѣ оказалъ услугу Агнцу Божію, закланному на крестѣ, отвративъ отъ него вниманіе враговъ Іисусовыхъ на себя. Мы видѣли, какъ они побоялись войти вчера въ преторію Пилата, дабы не потерять чистоты, требуемой закономъ для вкушенія Пасхи. Тѣмъ паче страшно было для нихъ по закону прикосновеніе къ тѣлу умершаго; и вотъ почему нѣтъ никого изъ нихъ при погребеніи Іисуса!

Но, какъ же друзья Іисусовы не убоялись сего страха? Развѣ для нихъ не существовалъ законъ о Пасхѣ и Субботѣ? Существовалъ и для нихъ; и они выполняютъ его, сколько можно: ибо о женахъ, бывшихъ при погребеніи, замѣчается, что онѣ не пойдутъ въ Субботу, т. е. нынѣ, ко гробу Іисусову для помазанія тѣла Его именно потому, что это противно покою дня Субботняго: *въ Субботу убо умолчаша по заповѣди.** Но съ другой стороны сіи погребатели пользуются снисхожденіемъ того же закона, или паче обычая народнаго, коимъ позволялось ближайшимъ къ умершему лицамъ погребать его предъ самымъ наступленіемъ Субботъ и Пасхъ, дабы тѣло не оставалось непогребеннымъ въ продолженіе праздника, чего законъ не терпѣлъ ни подъ какимъ видомъ. Въ силу сего то права дѣйствуютъ теперь Іосифъ съ Никодимомъ!

* Лук. XXIII, 56.

Но, насъ должно удивить въ семъ случаѣ не столько это обстоятельство, сколько то, откуда и какъ явились эти погребатели въ сіе время. Ибо хотя Іосифъ съ Никодимомъ давно принадлежали къ почитателямъ и ученикамъ Іисусовымъ; но изъ опасенія своихъ собратовъ по Сунедріону, коего они были членами, никогда не смѣли выказать сего явно. Теперь же, смотрите, какая перемѣна! Доколѣ Іисусъ былъ живъ и пользовался славою великаго чудотворца; когда принадлежать къ числу послѣдователей Его составляло даже не малую честь: Іосифъ, какъ говоритъ Евангеліе, былъ потаенъ—*страха ради Іудейска.** А теперь, когда Іисусъ умеръ на крестѣ; когда мнѣніе о Немъ превращено и помрачено въ умѣ большей части народа; когда всякой знакъ любви къ Нему, тѣмъ паче уваженія, отзывался уже измѣною Сунедріону, и слѣдовательно былъ крайне опасенъ:—теперь Іосифъ является всенародно ученикомъ и почитателемъ Іисусовымъ; и не только является такимъ, но и что дѣлаетъ? Входитъ къ Игемону Римскому съ просьбою взять тѣло Распятаго, и, взявъ его погребаетъ съ честію. На все это требовалось много мужества; посему-то Евангелистъ и говоритъ: *дерзнувъ, вниде къ Пилату, и проси тѣлесе Іисусова.*** Дерзнувъ, т. е. отважившись на все. Пусть, какъ бы такъ разсуждалъ самъ съ собою Іосифъ: „пусть и Пилатъ и Сунедріонъ думаютъ о мнѣ, что угодно; пусть преслѣдуютъ меня мои собратія; а я сдѣлаю свое дѣло, воздамъ послѣдній долгъ моему Учителю.“ Любовь къ Нему и уваженіе, столько времени сокрываемыя въ сердцѣ Іосифа, теперь, какъ потокъ, долго удерживаемый, проторглись со всею силою. Почему теперь, когда по видимому, надлежало ожидать противнаго?

---

* Іоан. XIX, 38.—** Мар. XV, 43.

Можетъ быть причиною такой перемѣны въ Іосифѣ были и знаменія чудесныя, произшедшія на Голгофѣ, кои убѣдили въ святости Іисуса даже сотника Римскаго; но болѣе всего располагало къ тому Іосифа самое сердце его, полное любви и уваженія ко всему святому и возвышенному. Таковыя сердца могутъ до времени таить, что въ нихъ есть добраго; но не могутъ рано или поздно не стать прямо за истину; и любятъ обнаруживать себя именно въ минуту опасности, когда требуется наиболѣе самопожертвованія, что было теперь и съ Іосифомъ.

Уже во всемъ этомъ не мало чести для Погребаемаго. Ибо Тотъ, кто яко преступникъ закона, распятъ на крестѣ, будетъ погребаемъ съ великимъ усердіемъ, и даже, не смотря на краткость времени и стѣсненность обстоятельствъ, съ немалымъ великолѣпіемъ. Потому что Никодимомъ однихъ благовонныхъ ароматъ и мастей принесено, *яко литръ сто*,* такое то есть количество, какое употреблялось при гробѣ людей самыхъ высокихъ и богатыхъ. Но всего этого Пророчеству мало. Погребается Царь, какъ провозгласилъ о томъ самъ Пилатъ своею надписью на крестѣ Іисусовѣ, и какъ не могли того сокрыть, при всемъ стараніи, враги Іисусовы, просившіе Пилата перемѣнить надпись. У гроба Царя должна быть почетная стража воинская: гдѣ взять ее? Этого не могутъ доставить никакой Іосифъ съ Никодимомъ. Будьте покойны: эту стражу доставятъ сами враги Іисусовы, и такимъ образомъ, не думая и не вѣдая, воздадутъ Ему честь истинно царскую. Видите ли, ко гробу Іисуса Назарянина уже спѣшатъ воины Римскіе, тѣ воины, при имени коихъ трепещетъ весь свѣтъ, побѣжденный ихъ оружіемъ и мужествомъ? Кто

---

* Іоан. XIX, 39.

послалъ ихъ? Пилатъ. Зачѣмъ и для чего? Затѣмъ, что Первосвященники вспомнили теперь Пророчество Іисусово о Его Воскресеніи, то Пророчество, которое пришло въ забвеніе у самыхъ учениковъ Его. Вы слышали вчера, какъ они ходили къ Пилату съ опасеніемъ, чтобы ученики Іисусовы не похитили тѣла Учителя, какъ Пилатъ, хотя — нехотя, дозволилъ имъ приставить ко гробу Его кустодію, какъ Первосвященники, не удовольствовавшись сею стражею, положили еще печать на камнѣ, загораживавшемъ входъ въ погребальную пещеру. Лукавая и злобная мысль съ ихъ стороны была во всемъ этомъ: но мы должны смотрѣть не на то, что дѣлаютъ по безумію своему люди, а на то, что изъ дѣйствій ихъ выходитъ наконецъ по распоряженію Промысла. Каіафѣ думалось и хотѣлось кустодіею и печатію своею положить конецъ благой памяти о Іисусѣ, а на самомъ дѣлѣ все это послужило къ большей Его чести и прославленію. Ибо не будь при гробѣ Іисусовомъ стражи Римской, не лежи на камнѣ печать; тогда Воскресеніе Іисусово не было бы такъ достовѣрно и несомнѣнно. И не Каіаѳа могъ бы сказать тогда: что удивительнаго, если тѣла не нашлось въ гробѣ?—Его взяли ученики ночью, такъ какъ это крайне легко было сдѣлать. Но теперь нельзя уже сказать ничего подобнаго. Сами стерегли, сами печатали: стража и печати цѣлы; а Погребеннаго нѣтъ. Гдѣ же Онъ? Воскресъ, какъ Самъ прорицалъ о томъ, и какъ свидѣтельствуютъ о томъ же бывшіе на стражѣ у гроба воины. Для враговъ Іисуса, какъ справедливо возглашаетъ и св. Церковь, осталось послѣ сего одно изъ двухъ, или—*погребеннаго да дадятъ;* или *Воскресшему да поклонятся!*

И будетъ покой его честь. Одного, по видимому, недоставало къ сей чести теперь—того, что при погребеніи

Іисуса не присутствовалъ никто изъ ближайшихъ учениковъ Его. Но, самый этотъ недостатокъ служилъ къ полнотѣ: ибо показывалъ, что, безъ чрезвычайнаго тайнаго предраспоряженія свыше, тѣло Господа имѣло остаться вовсе безъ погребенія. Съ другой стороны присутствіе теперь въ вертоградѣ погребальномъ учениковъ Іисусовыхъ нисколько не придало бы важности дѣйствію. Ибо, что удивительнаго, что ученикъ погребастъ Учителя? Даже могло бы нѣкоторымъ образомъ ослабить будущее дѣйствіе Воскресенія и дать поводъ врагамъ Іисусовымъ — въ подкрѣпленіе клеветы — указывать на то, что Онъ и погребаемъ былъ собственными Его учениками. Но теперь нѣтъ мѣста подозрѣніямъ: изъ учениковъ никого не было при погребеніи, не было впрочемъ не по холодности и недостатку любви къ Учителю, а между прочимъ потому, что онъ самъ предварительно запретилъ имъ вдаваться, во время смерти Его, безъ особой нужды въ опасность. За то они всѣ окажутъ любовь свою другимъ, лучшимъ образомъ,—тѣмъ, то есть, что каждый—въ свое время и въ своемъ мѣстѣ—положитъ за Него душу свою.

Такимъ образомъ въ часъ погребенія Господня все благорасположилось такъ, что священнодѣйствіе сіе, вопреки всякаго ожиданія, произошло не только въ тишинѣ и мирѣ—*и будетъ съ миромъ погребеніе его*—но и съ особенною честію: *и будетъ покой его честенъ!* А это все потому, что послѣ смерти на крестѣ,—когда самимъ Страдальцемъ провозглашено: *совершишася!* —не было уже нужды ни въ новыхъ ранахъ, ни въ новомъ униженіи и безчестіи. Къ чему онѣ теперь? Крестомъ и смертію Богочеловѣка окончено и совершено все, что было необходимо для нашего спасенія: рукописаніе грѣховъ человѣческихъ изглаждено; правда и законъ удовлетворены; слава Божія возстановле-

на; благодать и царство для рода человѣческаго заслужены. Вмѣстѣ съ симъ долженствовало кончиться и уничиженное состояніе нашего Искупителя и уступить мѣсто состоянію славы и величія, которое и началось теперь у самаго Его гроба: *и будетъ покой его честь!*

Признаемъ убо съ благоговѣніемъ, братіе мои, что гробъ Іисусовъ, подобно кресту Его, окруженъ былъ своего рода знаменіями, кои тѣмъ отраднѣе для сердца, что являются совершенно неожиданно и въ ту пору, которую самъ Спаситель назвалъ *годиною и областію темною.** Возблагоговѣемъ предъ сими знаменіями и почерпнемъ изъ гроба Іисусова духъ вѣры и терпѣнія, духъ мужества и упованія на промыслъ Божій, никогда не оставляющій вѣрныхъ рабовъ своихъ, и среди самой тьмы страстей человѣческихъ блюдущій ихъ яко зѣницу ока. Если мы вѣрные послѣдователи Іисуса Распятаго и духъ Его живетъ въ насъ; то истина и правда должны быть для насъ дороже всего на свѣтѣ; а кто дорожитъ такимъ образомъ правдою и истиною; тотъ рѣдко не подлежитъ враждѣ и гоненіямъ отъ міра. Но, что бы ни дѣлала съ нами злоба человѣческая, хотя бы возносила на крестъ, хотя бы самый гробъ нашъ печатала печатію Каіафы; доколѣ мы вѣрны Господу, дотолѣ, не смотря на все, мы совершенно безопасны: ибо Господь и Владыка нашъ не подобенъ земнымъ покровителямъ и заступникамъ, коихъ вся сила кончается и исчезаетъ у гроба. Нѣтъ, Онъ обладаетъ и мертвыми такъ же, какъ живыми, или лучше сказать, предъ Нимъ нѣтъ мертвыхъ, всѣ живы; дѣйствіе Его могущества во всей силѣ, можно сказать, и открывается тотчас за предѣлами сей жизни, которая сама, во многомъ еще,

---

* Лук. XXII, 53.

отдана на произволъ страстей человѣческихъ. Посему, оканчивая слово наше надъ сею плащаницею Спасителя нашего, и мы скажемъ вамъ Его же собственными словами: *не убойтеся убо отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити. Убойтеся же могущаго и тѣло, и душу воврещи въ геенну огненную: ей, глаголемъ вамъ, того убойтеся!** Аминь.

* Мат. X, 28.

СЛОВО

ВЪ ВЕЛИКУЮ СУББОТУ.

Не знаемъ, братіе, куда ваши мысли склоняются отъ сей Плащаницы, а наши—къ нашему собственному гробу. И наша жизнь, думается намъ такъ пройдетъ, какъ прошла теперь Четыредесятница; и для каждаго изъ насъ наступитъ потомъ Великій Пятокъ смерти; а за симъ Великая Суббота успокоенія въ нѣдрахъ земли,—великая—по самому продолженію ея для насъ. Ибо, Господь низшелъ во гробъ токмо на три дня; а намъ долго, долго надобно будетъ оставаться подъ землею. Размышленіе о семъ такъ полезно для души нашей, что иные изъ добрыхъ Христіанъ почитаютъ за долгъ имѣть у себя на готовѣ и на виду свои гробы; а мы, по крайней мѣрѣ, въ настоящій день перенесемся мыслію къ нашему гробу, и посмотримъ, что будетъ тогда съ нами.

И на нашу главу, когда мы будемъ лежать во гробѣ, возложатъ вѣнецъ; ибо Церковь не лишаетъ самаго послѣдняго изъ сыновъ своихъ сего знака окончанія подвиговъ земныхъ. Изъ чего бы вы хотѣли, чтобы составился для васъ вѣнецъ сей? Изъ розъ и криновъ райскихъ! Пусть украшаются ими достойные! Что касается до насъ, то

лучше, чтобы этотъ вѣнецъ, подобно вѣнцу Спасителя, соплетенъ былъ изъ терновъ, то есть, изъ скорбей и лишеній, кои понесены во имя Его. Доколѣ мы ходимъ во плоти, эти терны противны нашему внѣшнему человѣку, ибо бодутъ главу его: а въ часъ смерти—это наилучшее украшеніе для души! По симъ священнымъ тернамъ на главѣ, Ангелы Божіи всего скорѣе признаютъ насъ за истинныхъ послѣдователей Распятаго, и отверзутъ намъ рай, стяжанный крестомъ Его.

Будутъ, вѣроятно, на насъ во гробѣ нашемъ и язвы. О, если бы онѣ происходили не отъ одной руки врача, и не отъ свирѣпости токмо болѣзни! Если бы между сими ранами нашлось хотя нѣсколько изъ тѣхъ язвъ, коими хвалился нѣкогда св. Павелъ, говоря: *азъ язвы Господа Іисуса на тѣлѣ моемъ ношу!** Увы, и мы носимъ въ продолженіи нашей жизни многія язвы, и душевныя и тѣлесныя, но ихъ нельзя назвать Господними!—Ибо, кто ихъ возлагаетъ на насъ? Или собственная наша плоть съ ея страстями и невоздержаніемъ; или міръ за наше раболѣпство его безумнымъ правиламъ и прихотямъ. Не съ такими язвами являться предъ Господа! Ихъ должно врачевать покаяніемъ, доколѣ есмы на земли живыхъ.

Явятся, вѣроятно, и при нашемъ гробѣ какой либо Іосифъ съ Никодимомъ для воздаянія намъ долга послѣдняго. Кто бы ни были они, да покажутъ свое усердіе къ намъ и да почтутъ память нашу не множествомъ ароматовъ, не напрасными издержками на украшеніе гроба и могилы нашей, а усугубленіемъ о грѣхахъ нашихъ молитвъ Церкви и дѣлъ благотворенія. Ибо, что пользы для души въ пышности убранствъ надгробныхъ? Предъ Престоломъ Судіи Всевидящаго для ней нуженъ будетъ не тлѣнный

* Гал. VI, 17.

покровъ изъ злата и сребра, коимъ покрываются гробы, а драгоцѣнная риза заслугъ Христовыхъ, единая могущая прикрыть наготу духовную.

Наконецъ и нашъ гробъ, подобно гробу Спасителя нашего, будетъ запечатанъ печатію. Благодареніе Господу, что это уже печать не Каіафы, а матери нашей, св. Церкви! Но, чтобы сія священная печать ея имѣла надъ нами всю силу, и могла хранить прахъ нашъ неприступнымъ для духовъ злобы поднебесной, для сего требуется, чтобы мы въ продолженіе жизни сохраняли нерушимо ту печать освященія, коею она же св. Церковь запечатлѣла насъ при купѣли Крещенія, и чтобы поступали во всемъ, какъ истинныя и вѣрныя чада Ея. А если мы будемъ Христіанами только по имени, небрежа о исполненіи святыхъ уставовъ Церкви; если въ насъ не будетъ внутренняго душевнаго союза, родственнаго пособія и единаго духа съ сею нашею Матерію: то и святая печать ея не будетъ имѣть силы надъ гробомъ нашимъ; спадетъ съ него, какъ спадаютъ печати съ веществъ, не могущихъ держать ихъ на себѣ.

Таковы, братіе мои, мысли, съ коими стояли мы утромъ надъ сею Плащаницею, воспѣвая пѣсни исходныя Зиждителю нашего спасенія. Кто хочетъ, пусть раздѣлитъ ихъ съ нами, и продолжитъ ихъ для себя. У гроба Спасителя, послѣ Его смерти, ни о чемъ такъ ближе и приличнѣе нельзя помышлять, какъ о концѣ собственнаго житія на землѣ. Аминь.

КОНЕЦЪ.

20070056730